

Н. И. КОСТОМАРОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

в жизнеописаниях ее главнейших деятелей

Николай Иванович Костомаров
История России в
жизнеописаниях ее главнейших
деятелей. Первый отдел
Серия «История России
в жизнеописаниях ее
главнейших деятелей», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137625

Аннотация

«История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» – классический труд одного из основоположников русской исторической мысли, Н.И.Костомарова (1817—1885). Неординарный для традиционной науки XIX века отбор сюжетов, своеобразная политическая концепция сделали «Историю» значительным общественным событием своего времени. Благодаря выдающемуся литературному таланту и стремлению быть исключительно внимательным к характерным деталям эпохи знаменитому историку, этнографу, писателю удалось создать и живописно изобразить целую галерею русских

исторических деятелей. Издание украшают более трех сотен редких иллюстраций.

Содержание

Выпуск первый:	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	36
Глава 4	60
Глава 5	112
Глава 6	154
Глава 7	194
Глава 8	243
Глава 9	270
Конец ознакомительного фрагмента.	298

Николай Костомаров
ИСТОРИЯ РОССИИ В
ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ
ЕЕ ГЛАВНЕЙШИХ
ДЕЯТЕЛЕЙ

Первый отдел:
Господство дома
Св. Владимира

Выпуск первый:
X—XIV столетия

Глава 1
Князь Владимир Святой

Наша история о временах, предшествовавших принятию

христианства, темна и наполнена сказаниями, за которыми нельзя признать несомненной достоверности. Этому причиной то, что наши первые летописцы писали не раньше второй половины XI в. и о событиях, происходивших в их отечестве в IX и X веках, за исключением немногих письменных греческих известий, не имели других источников, кроме изустных народных преданий, которые, по своему свойству, подвергались вымыслам и изменениям. С достоверностью можно сказать, что, подобно всем северным европейским народам, и русский только с христианством получил действительные и прочные основы для дальнейшей выработки гражданской и государственной жизни, основы, без которых, собственно, для народа нет истории. С давних времен восточная половина нынешней Европейской России была населена народами племени чудского и тюркского, а в западной половине, кроме народов литовского и чудского племени, примыкавших своими поселениями к балтийскому побережью, жили славяне под разными местными названиями, держась берегов рек: Западной Двины, Волхова, Днепра, Припяти, Сожи, Горыни, Стыри, Случи, Буга, Днестра, Сулы, Десны, Оки с их притоками. Они жили небольшими общинами, которые имели свое средоточие в городах – укрепленных пунктах защиты, народных собраний и управления. Никаких установлений, связующих между собой племена, не было. Признаков государственной жизни мы не замечаем. Славяно-русские племена управлялись своими князьками, вели между

собой мелкие войны и не в состоянии были охранять себя взаимно и общими силами против иноплеменников, а потому часто были покоряемы. Религия их состояла в обожаении природы, в признании мыслящей человеческой силы за предметами и явлениями внешней природы, в поклонении солнцу, небу, воде, земле, ветру, деревьям, птицам, камням и т.п. и в разных баснях, верованиях, празднествах и обрядах, создаваемых и учреждаемых на основании этого обожения природы. Их религиозные представления отчасти выражались в форме идолов, но у них не было ни храмов, ни жрецов; а потому их религия не могла иметь признаков повсеместности и неизменяемости. У них были неясные представления о существовании человека после смерти; замогильный мир представлялся их воображению продолжением настоящей жизни, так что в том мире, как и в здешнем, предполагались одни рабами, другие господами. Они чествовали умерших прародителей, считали их покровителями и приносили им жертвы. Верили они также в волшебство, т.е. в знание тайной силы вещей, и питали большое уважение к волхвам и волхвицам, которых считали обладателями такого знания; с этим связывалось множество суеверных приемов, как-то: гаданий, шептаний, завязывания узлов и тому подобного. В особенности была велика вера в тайное могущество слова, и такая вера выражалась в множестве заговоров, уцелевших до сих пор у народа. Сообразно такому духовному развитию было состояние их житейской умелости. Они умели

строить себе деревянные жилища, укреплять их деревянными стенами, рвами и земляными насыпями, делать ладьи и рыболовные снасти, возделывать землю, водить домашних животных, прясть, ткать, шить, готовить кушанья и напитки – пиво, мед, брагу, – ковать металлы, обжигать глину на домашнюю посуду; знали употребление веса, меры, монеты; имели свои музыкальные инструменты; на войну выходили с метательными копьями, стрелами и отчасти мечами. Все познания их переходили от поколения к поколению, подвигаясь вперед очень медленно, но сношения с Византийской Империей и отчасти с арабским Востоком мало-помалу оказывали на русских славян образовательное влияние. Из Византии заходило к ним христианство. В половине IX века русские, после неудачного похода на Византию, когда буря истребила их суда, приняли крещение, но вслед за тем язычество опять взяло верх в стране; однако и после того многие из русских служили на службе византийских императоров в Греции, принимали там христианство и приносили его в свое отечество. В половине X века киевская княгиня Ольга приняла Св. Крещение. Все это, однако, были только предуготовительные явления. При князьях, так называемого Рюрика дома, господствовало полное варварство. Они облагали русские народы данью и, до некоторой степени подчиняя их себе, объединяли; но их власть имела не государственные, а наезднические или разбойничьи черты. Они окружали себя дружиною, шайкою удалцов, жадных к грабежу и убий-

ствам, составляли из охотников разных племен рать и делали набеги на соседей – на области Византийской Империи, на восточные страны прикаспийские и закавказские. Цель их была приобретение добычи. С тем же взглядом они относились и к подчиненным народам: последние присуждались платить дань; и чем более можно было с них брать, тем более брали; за эту дань бравшие ее не принимали на себя никаких обязательств оказывать какую-нибудь выгоду со своей стороны подданным. С другой стороны, князья и их дружинники, имея в виду только дань и добычу, не старались вводить чего-нибудь в жизнь плативших дань, ломать их обычаев и оставляли с их внутренним строем, лишь бы только они давали дани и поборы.

Такой варварский склад общественной жизни изменяется с принятием христианской религии, с которой из Византии – самой образованной в те времена державы – перешли к нам как понятия юридические и государственные, так и начала умственной и литературной деятельности. Принятие христианства было переворотом, обновившим и оживотворившим Русь и указавшим ей историческую дорогу.

Этот переворот совершен Владимиром, получившим наименование Святого, человеком великим по своему времени. К сожалению, жизнь его нам мало известна в подробностях, и летописи, сообщающие его историю, передают немало таких черт, в достоверности которых можно скорее сомневаться, чем принимать их на веру. Откидывая в сторону

все, что может подвергаться сомнению, мы ограничимся короткими сведениями, которые, при всей своей скудости, все-таки достаточно показывают чрезвычайную важность значения Владимира в русской истории.

Владимир был сын воинственного Святослава, киевского князя, который предпринял поход на хазар, господствовавших в юго-восточной России, взял их город Саркел на Дону, победил прикавказских народов: ясов и касогов, завоевал Болгарию на Дунае, но должен был после упорной защиты уступить ее греческому императору. На возвратном пути из Болгарии в Русь он был убит печенегами, народом тюркского племени. Будучи еще в детском возрасте, Владимир был призван новгородцами на княжение и уехал в Новгород вместе со своим дядей Добрыней, братом его матери Малуши, ключницы его бабки Ольги. По смерти Святослава между детьми его началось междоусобие. Киевский князь Ярополк убил брата своего, древлянского князя Олега. Владимир со своим дядей убежал в Швецию и возвратился в Новгород с чужеземной ратью. Вражда у них с Ярополком возникла оттого, что дочь князя полоцкого Рогнеда, которой руки просил Владимир, отказала ему такими словами: «не хочу разуть (разуть жениха – обряд свадебный; разуть – вместо выйти замуж) сына рабы», попрекнув его низостью происхождения по матери, и собиралась выходить за Ярополка. Владимир завоевал Полоцк, убил Рогволода, полоцкого князя, и женился насильно на Рогнеде. Вслед за тем он овладел

Киевом и убил своего брата Ярополка. Летописец наш изображает вообще Владимира жестоким, кровожадным и женолюбивым; но мы не можем доверять такому изображению, так как по всему видно, что летописец с намерением хочет наложить на Владимира-язычника как можно более черных красок, чтобы тем ярче указать на чудотворное действие благодати крещения, представить того же князя в самом светлом виде после принятия христианства.

С большею достоверностью можно принять вообще известие о том, что Владимир, будучи еще язычником, был повелителем большого пространства нынешней России и старался как о распространении своих владений, так и об укреплении своей власти над ними. Таким образом он повелевал новгородскою землею – берегами рек: Волхова, Невы, Меты, Луги, – землею белозерскою, землею ростовскою, землею смоленскою в верховьях Днепра и Волги, землею полоцкою на Двине, землею северскою по Десне и Семи, землею полян или киевскою, землею древлянскою (восточную часть Воыни) и вероятно, также западную Воынью. Радимичи, жившие на Сожи и вятичи, жители берегов Оки и ее притоков, хотели отложиться от подданства и были укрощены. Владимир подчинил дани даже отдаленных ятвягов, полудикий народ, живший в лесах и болотах нынешней Гродненской губернии. Не должно, однако, думать, чтобы это обладание имело характер государственный: оно ограничивалось собиранием дани, где можно было собирать ее, и такое соби-

рание имело вид грабежа. Сам Владимир укрепился в Киеве с помощью чужеземцев-скандинавов, называемых у нас варягами, и роздал им города, откуда со своими вооруженными дружинами они могли собирать дани с жителей.

В 988 году Владимир принял христианство. Обстоятельства, предшествовавшие этому событию и сопровождавшие его, рассказываются с баснословными чертами, которые вполне свойственны изустным преданиям, записанным уже довольно долгое время спустя после означенного события. Достоверно только то, что Владимир крестился и в то же время вступил в брак с греческою царевною Анной, сестрою императоров: Василия и Константина. Крещение его, по всем вероятностям, происходило в Корсуне или Херсоне, греческом городе на юго-западном берегу Крыма; и оттуда Владимир привез в Киев первых духовных и необходимые принадлежности для христианского богослужения. В Киеве он крестил своих сыновей и народ. Жители без явного противодействия крестились в Днепре, отчасти потому, что в самом Киеве уже значительно распространено было христианство и христиане не составляли там незначительного меньшинства, а более всего оттого, что у русских язычников не было жреческого сословия, которое бы разъяснило народу преступность такого переворота с языческой точки зрения и возбуждало бы толпу к сопротивлению. Самое древнее русско-славянское язычество не имело определенного характера, общего для всех, в смысле положительной религии, и состояло из мно-

жества суеверий и представлений, которые при невежестве и впоследствии легко уживались с наружным принятием христианства. Большинство вступало в новую веру и совершало обряд крещения, не понимая, что делает. Борьба язычества с христианством выражалась в продолжительном соблюдении языческих приемов жизни и сохранении языческих суеверий; такая борьба происходила многие века после Владимира: но она не мешала русскому народу принять крещение, в котором сначала он не видел ничего противного, потому что не понимал его смысла. Только постепенно и для немногих открывался действительно свет нового учения.

Владимир деятельно занимался распространением веры, крестил народ по землям, подвластным ему, строил церкви, назначал духовных. В самом Киеве он построил церковь Св. Василия и церковь Богородицы, так называемую «Десятинную», названную так оттого, что князь назначил на содержание этой церкви и духовенства ее десятую часть княжеских доходов. Для прочного укрепления новопринятой веры Владимир вознамерился распространить книжное просвещение и с этой целью в Киеве и в других городах приказал набирать у значительных домохозяев детей и отдавать их в обучение грамоте. Таким образом на Руси, в каких-нибудь лет двадцать, возросло поколение людей, по уровню своих понятий и по кругозору своих сведений далеко шагнувших вперед от того состояния, в каком находились их родители; эти люди стали не только основателями христианского общества

на Руси, но также проводниками переходившей вместе с религией образованности, борцами за начала государственные и гражданские. Эта одна черта уже показывает во Владимире истинно великого человека: он вполне понял самый верный путь к прочному водворению начал новой жизни, которые хотел привить своему полудикому народу; и проводил свое намерение, несмотря на встречаемые затруднения. Летописец говорит, что матери, отпуская детей в школы, плакали о них, как о мертвых.

Владимир после крещения является чрезвычайно благодушным. Проникнутый духом христианской любви, он не хотел даже казнить злодеев и, хотя сначала согласился было на увещания корсунских духовных, находившихся около него в Киеве, но потом, с совета бояр и городских старцев, установил наказывать преступников только денежною пенею – вирую, по старым обычаям, рассуждая при этом, что такого рода наказание будет способствовать умножению средств для содержания войска.

Сохраняя племенную славянскую веселость, Владимир примирял ее с требованиями христианского благочестия. Он любил пиры и празднества, но пировал не с одними своими боярами, а хотел делиться своими утехами со всем народом – и со старыми и малыми; он отправлял пиршества преимущественно в большие церковные праздники или по случаю освящения церквей (что в то время было памятным событием). Он созывал народ отовсюду, кормил, поил всех пришед-

ших, раздавал неимущим потребное и, даже заботясь о тех, которые почему-нибудь сами не в состоянии были явиться на княжий двор, приказывал развозить по городу пищу и питье. Но такое мирное препровождение времени не мешало ему, однако, воевать против врагов. Тогда Киевскую Русь беспокоили печенеги, народ кочевой и наезднический. Уже около столетия нападали они на русский край и при отце Владимира, во время его отсутствия, чуть было не взяли Киев. Владимир отразил их с успехом и, заботясь как об умножении ратной силы, так и об увеличении населения в крае, прилежащем Киеву, населял построенные им по берегам рек Сулы, Стугны, Трубежа, Десны города или укрепленные места переселенцами из разных земель не только русско-славянских, но и чудских. В 992 году он отнял у польского короля червенские города, нынешнюю Галицию и присоединил к Руси этот край, населенный хорватами, ветвью русско-славянского племени.

Перед концом жизни Владимир понес сильное огорчение: сын его Ярослав оказал непослушание отцу, и Владимир готовился идти на него. «Теребите путь и мостите мосты», – приказывал он; но смерть застигла его в этих сборах. Он умер 15 июля 1015 года в своем подгородном селе Берестове.

Глава 2

Киевский князь

Ярослав Владимирович

Княжение Ярослава может назваться продолжением Владимирова как по отношениям киевского князя к подчиненным землям, так и по содействию к расширению в Руси новых начал жизни, внесенных христианством.

Ярослав является в первый раз в истории мятежным сыном против отца. По известиям летописи, будучи на княжении в Новгороде в качестве подручника киевского князя, Ярослав собирал с новгородской земли три тысячи гривен, из которых две тысячи должен был отсылать в Киев к отцу своему. Ярослав не стал доставлять этих денег, и разгневанный отец собирался идти с войском наказывать непокорного сына. Ярослав убежал в Швецию набирать иноплеменников против отца. Смерть Владимира помешала этой войне. По соображениям с тогдашними обстоятельствами, можно, однако, полагать, что были еще более глубокие причины раздора, возникшего между сыном и отцом. Дети Владимира были от разных матерей.¹

¹ Одни летописные известия называют Ярослава сыном Рогнеды, но другие противоречат этому, сообщая, что Владимир имел от несчастной княжны полоцкой одного только сына Изяслава и отпустил Рогнеду с сыном в землю отца ее Рогволода; с тех пор потомки Рогнеды княжили особо в Полоцке, и между ними

Владимир пред кончиною более всех сыновей любил Бориса. Вместе со своим меньшим братом Глебом он в наших летописях называется сыном «болгарыни», а по другим, позднейшим, известиям – сыном греческой царевны. Наши историки, желая сочетать эти известия, полагали, что царевна, отданная в замужество за Владимира Святого, была не родная, а двоюродная сестра греческих императоров, дочь болгарского царя Петра. Была ли она двоюродная сестра Василия и Константина или же родная – до сих пор не решено,

и потомством Ярослава существовала постоянно родовая неприязнь, поддерживаемая преданиями о своих предках. Из рода в род переходило такое предание: приживши от Рогнеды сына Изяслава, Владимир покинул ее, увлекаясь другими женщинами. Рогнеда, из мщениия за своего отца и за себя, покусилась умертвить Владимира во время сна, но Владимир успел проснуться вовремя и схватил ее за руку в ту минуту, когда она заносила над ним нож. Владимир приказал ей одеться в брачный наряд, сесть в богато убранном покое и ожидать его: он собственноручно обещал умертвить ее. Но Рогнеда научила малолетнего сына своего Изяслава взять в руки обнаженный меч и, вышедши навстречу отцу, сказать: «Отец, ты думаешь, что ты здесь один!» Владимир тронулся видом сына: «Кто бы думал, что ты будешь здесь!» – сказал он и бросил меч, затем, призвавши «бояр», передал на их суд свое дело с женою. «Не убивай ее, – сказали бояре, – ради ее дитяти; возврати ей с сыном отчину ее отца». Так рассказывает предание, без сомнения, общераспространенное в древние времена. Внуки Рогволода, помня, по преданию, об этом событии, находились во враждебных отношениях к внукам Владимирового сына, Ярослава, которым, кроме полоцкой земли, оставшейся в руках потомков Рогволода с материнской стороны, досталась в княжение вся остальная русская земля. При существовании такого предания, подтверждаемого вековым обособлением полоцких князей от Ярославова рода, едва ли можно считать Ярослава сыном Рогнеды. Но, не будучи единоутробным братом полоцкого князя, уже при жизни Владимира отделенного, Ярослав не был единоутробным братом и других сыновей своего отца.

но, во всяком случае, очень вероятно, что Борис и Глеб были дети этой царевны, и Владимир, как христианин, оказывал им предпочтение перед другими сыновьями, считая их более законными по рождению, так как с их матерью он был соединен христианским браком, и они, кроме того, предпочтительно перед другими, имели право на знатность происхождения по матери от царской крови.

Владимир, разместивши сыновей по землям, держал близ себя Бориса, явно желая передать ему после себя Киевское княжество. Это, как видно, и вооружало против отца Ярослава, который летами был старше Бориса, но еще более вооружало это обстоятельство Святополка, князя, который был по летам старше Ярослава. В летописи Святополк признается сыном монахини гречанки, жены Ярополка, которую Владимир взял себе после брата, как говорят, беременною, и потому неизвестно, был ли Святополк сын Ярополка или Владимира; но в том или в другом случае Святополк по возрасту был старше всех прочих сыновей Владимира. Смерть не допустила Владимира до войны с сыном. Бориса в то время не было в Киеве: он был отправлен отцом на печенегов. Бояре, благоприятствовавшие Борису, три дня скрывали смерть Владимира, вероятно, до того времени, пока может возвратиться Борис, но, не дождавшись Бориса, должны были похоронить Владимира. Святополк дарами и ласкательством расположил к себе киевлян; они признали его киевским князем: хотя старшинство рождения давало ему пра-

во на княжение, но нужно было еще утвердить его и народным согласием, особенно в такое время, когда существовали другие соискатели. Положение его, однако, и при этом было неустойчиво. Купленное расположение киевлян могло легко измениться. Дети христианской царевны имели перед ним нравственное преимущество, могли, кроме того, призвать чужеземцев, и особенно Борис мог, во всяком случае, быть для него опасным соперником. Святополк избавился от обоих, подославши тайных убийц. Борис был умерщвлен на берегах Альты, близ Переяславля; Глеб – на Днепре, близ Смоленска. Такая же участь постигла и третьего брата Святослава Древлянского, который, услышав об опасности, бежал в Венгрию, но был настигнут в Карпатских горах и убит. Двое первых впоследствии причислены к лику святых: описание их смерти послужило предметом риторических повествований. Эти князья долго считались покровителями княжеского рода и охранителями русской земли, так что многие победы русских над иноплеменниками приписывались непосредственному вмешательству Святых сыновей Владимира. Третий брат Святослав не удостоился такой чести, вероятно, оттого, что первых возвысило в глазах церкви рождение от матери, принесшей с собой христианство в русскую землю.

Ярослав, ничего не зная о смерти отца, привел в Новгород варягов и расставил их по дворам.² Пришельцы начали бес-

² Варягами (Varingiar) назывались жители скандинавских полуостровов, служившие у византийских императоров и переходившие из отечества в Грецию че-

чинствовать; составился против них заговор, и последовало избиение варягов во дворе какого-то Поромони. Ярослав, в отмщение за это, зазвал к себе в Раком (близ Новгорода, за Юрьевым монастырем) зачинщиков заговора под видом угощения и приказал перебить. В следующую ночь за тем пришло ему из Киева известие от сестры Предславы о смерти отца и об избиении братьев. Тогда Ярослав явился на вече (народная сходка), изъявлял сожаление о своем вероломном поступке с новгородцами и спрашивал: согласятся ли ему помочь. «Хотя, князь, ты и перебил нашу братию, но мы можем за тебя бороться», – отвечали ему. Новгородцам был расчет помогать Ярославу; их тяготила зависимость от Киева, которая должна была сделаться еще тягостнее при Святополке, судя по его жестокому нраву; новгородцев оскорбляло и высокомерное поведение киевлян, считавших себя их господами. Они поднялись за Ярослава, но вместе с тем поднялись и за себя, и не ошиблись в расчете, так как впоследствии Ярослав, обязанный им своим успехом, дал им льготную грамоту, освобождавшую их от непосредственной власти Киева и возвращавшую Новгороду с его землею древнюю самобытность.

рез русские земли водяным путем по рекам от Балтийского моря до Черного. Так как русские в образе этих людей познакомились с скандинавами, то перенесли их сословное название на название вообще обитателей скандинавских полуостровов, а впоследствии это название расширилось в своем значении, и под именем варягов стали разуметь вообще западных европейцев, подобно тому, как в настоящее время простой народ называет всех западных европейцев немцами.

Ярослав выступил в поход против киевского князя в 1016 году с новгородцами, которых летописец считает до 40000; с ним было также до 1000 варягов под начальством Эймунда, сына норвежского князя Ринга. Святополк выступил против него осенью с киевлянами и печенегам. Враги встретились под Любечем и долго (по летописям, три месяца) стояли друг против друга на разных берегах Днепра; ни те, ни другие не смели первые перебраться через реку; наконец киевляне раздражили новгородцев презрительными насмешками. Святополков воевода, выехавши вперед, кричал: «Ах вы, плотники этакие, чего пришли с этим хоромцем (охотником строить); вот

мы заставим вас рубить нам хоромы!» – «Князь, – закричали новгородцы, – если ты не пойдешь, то мы сами ударим на них», – и они перевезлись через Днепр. Ярослав, зная, что один из воевод киевских расположен к нему, послал к нему ночью отрока и приказал сказать ему такого рода намек: «Что делать? Меду мало варено, а дружины много». Киевлянин отвечал: «Хотя меду мало, а дружины много, но к вечеру нужно дать». Ярослав понял, что следует в ту же ночь сделать нападение, и двинулся в битву, отдавши такой приказ своей дружине: «Повяжите свои головы платками, чтобы отличать своих!» Святополк заложил свой стан между двумя озерами и, не ожидая нападения, всю ночь пил и веселился с дружиною. Новгородцы неожиданно ударили на него. Печенеги стояли за озером и не могли помочь Святополку. Нов-

городцы притиснули киевлян к озеру. Киевляне бросились на лед, но лед был еще тонок, и многие потонули в озере. Разбитый Святополк бежал в Польшу к своему тестю Болеславу, а Ярослав вступил в Киев.

Болеслав, прозванный Храбрым, стремился к расширению своих польских владений. Он увидел благоприятный случай вмешаться в междоусобия русских князей для своих выгод и в 1018 году пошел вместе со Святополком на Ярослава. Ярослав, предупреждая врагов, двинулся против них на Воынь и встретился с ними на берегах Буга. Тут опять повторился русский обычай поддразнивать врагов. Кормилец и воевода Ярославов, Будый, езда по берегу, кричал, указывая на Болеслава: «Вот мы тебе щепкою проколем череву твою толстую». Не стерпел такого оскорбления храбрый Болеслав: «Если вас не трогает такой укор, – сказал он своим, – я один погибну», – и бросился вброд через Буг, а поляки за ним. Ярослав не был готов к бою, не выдержал напора и убежал с четырьмя из своих людей в Новгород.

Болеслав овладел Киевом, не возвратил его Святополку, а засел в нем сам и приказал развести свою дружину по городам. Киев представлял много привлекательного для завоевателей. Дань с подчиненных русских земель обогащала этот город; торговля с Грецией и Востоком скопляла в нем произведения тогдашней образованности. Жить в нем было весело. Болеслав хотел, пребывая в Киеве, править своим государством и отправлял оттуда посольства в Западную и Во-

сточную империю. Но такое поведение скоро раздражило как Святополка, так и киевлян. Святополк очутился в своем княжении подручником иноземного государя, а поляки начали обращаться с киевлянами, как господа с рабами. Тогда, с согласия Святополка, русские начали избивать поляков. Расставленные по городам, поляки не в силах были помогать друг другу. Болеслав убежал, но успел захватить с собою княжеское имущество и сестер Ярославовых. Он прежде сватался за одну из сестер Ярослава, Предславу, но, получив отказ, в отмщение взял ее теперь к себе насильно.

Тем временем Ярослав, прибежавши впопыхах в Новгород, хотел бежать дальше, за море. Но бывший тогда новгородским посадником Коснятин, сын Добрыни, не пустил его и велел разрубить лодки; новгородцы кричали: «Будем еще биться за тебя с Болеславом и Святополком». Наложили поголовную подать, с каждого человека по четыре куны; но старосты платили по 10 гривен, а бояре по восемнадцати, наняли варягов, собрали многочисленную рать и двинулись на Киев.³

Святополк, освободившись от Болеслава вероломным образом, не мог уже более на него надеяться. Не в силах будучи

³ Куна, первоначально куница; куний мех, так как меха были мерилем ценности вещей, отсюда слово «куна» стало означать монетную единицу. Гривна – собственно весовая единица, но в перенесении понятия сделалась крупной монетной единицей вроде английского фунта стерлингов. Первоначально гривна серебра – фунт, потом, уменьшаясь – около полфунта, гривна кун приблизительно в семь с половиной раз менее гривны серебра.

удержать Киев, Болеслав все-таки захватил червенские города, отнятые от Польши Владимиром. Святополк обратился к печенегам: на помощь киевлян, как видно, он также не рассчитывал. Ярослав стал на берегу Альты, на том месте, где был убит брат его Борис. Там, в одну из пятниц 1019 года, на восходе солнца, произошла кровавая сеча. Святополк был разбит и бежал. По известиям нашей летописи, на него нашел какой-то безумный страх; он так расслаб, что не мог сидеть на коне и его тащили на носилках. Так достиг он Берестья (Брест). «Бежим, бежим, за нами гонятся!» – кричал он в беспамятстве. Бывшие с ним отроки посылали проведать, не гонится ли кто за ними; но никого не было, а Святополк все кричал: «Вот, вот, гонятся, бежим!» – и не давал остановиться ни на минуту; и забежал он куда-то «в пустыню между чехов и ляхов» и там кончил жизнь. «Могила его в этом месте и до сего дня, – говорит летописец, – и из нее исходит смрад».⁴ Память Святополка покрылась позором между потомками, и прозвище «Окаянного» осталось за ним в истории.

Ярослав сел на столе в Киеве и должен был выдержать борьбу и с другими родичами.⁵ Полоцкий князь Брячислав,

⁴ По скандинавским известиям, Святополк погиб в пределах Руси, убитый варягами.

⁵ С этих пор о вступающем на княжение князе почти всегда в летописях говорится, что «он сел на стол». Выражение это согласовывалось с обрядом: нового князя действительно сажали на стол в главной соборной церкви, что и знаменовало признание его князем со стороны земли.

сын брата его Изяслава, в 1021 году напал на Новгород, ограбил, взял в плен многих новгородцев и ушел к Полоцку; но Ярослав догнал его на реке Судомири, отбил новгородских пленников, отнял награбленное в Новгороде, но потом помирился с ним, уступив ему во владение Витебск и Усвят.

В 1023 году Ярославу пришлось бороться с братом Мстиславом. Этот князь, по древним известиям, плотный телом, краснолицый, с большими глазами, отважный в битве, щедрый к дружине, получил от отца удел в отдаленной Тмутаракани, прославился своей богатырской удаleyю и в особенности единоборством с касожским князем Редедю, которое долго помнилось на Руси и составляло один из любимых предметов старинных песнопений. Русские, владея тмутараканской страной, часто воевали с соседями своими касогами. Князь касожский, по имени Редедя, предложил Мстиславу единоборство с тем, чтоб тот из них, кто в борьбе останется победителем, получил имущество, и жену, и детей, и землю побежденного. Мстислав принял предложение. Редедя был исполинского роста и необыкновенный силач; Мстислав изнемогал в борьбе с ним, но взмолился к Пресв. Богородице и дал обет построить во имя ее церковь, если одолеет своего врага. После того он собрал все силы свои, повалил Редедю на землю и зарезал ножом. По сделанному условию, Мстислав после тоу овладел его имуществом, женою, детьми и наложил на касогов дань, а в благодарность Пресв. Богородице, оказавшей ему в минуту опасности помощь свыше,

построил храм во имя ее в Тмутаракани. Этот-то князь-богатырь поднялся на своего брата Ярослава с подчиненными ему касогами и призвал на помощь хазар. Сначала он, пользуясь отъездом Ярослава в Новгород, хотел было овладеть Киевом, но киевляне его не приняли; насильно покорять их он, как видно, не хотел или не мог. Ярослав пригласил из-за моря варягов. Достоинно замечания, что почти всегда в междоусобиях князей этого времени они принуждены были приглашать каких-нибудь чужеземцев. Так было и теперь. Приглашенными варягами предводительствовал Якун (Гакон), который оставил по себе на Руси память тем, что на нем был плащ, затканый золотом. Ярослав и Мстислав вступили в бой в северской земле близ Листвена. Была ночь и страшная гроза. Бой был жестокий. Мстислав выставил против варягов северян; варяги одолевали северян, но бросился на варягов отважный князь Мстислав со своею удалою дружиною – и побежали варяги; Якун потерял даже свой золототканый плащ. Утром, обозревая поле битвы, Мстислав говорил: «Ну как этому не порадоваться! Здесь лежит варяг, там северянин, а своя дружина цела!» Русские князья еще долго проявляли свое древнее значение предводителей воинственных шаек, и только принятое христианство мало-помалу преобразовало их в земских правителей.

Победитель не стал более вести войны с братом. Он послал Ярославу, забежавшему в Новгород, такое слово: «Ты, старейший брат, сиди в Киеве, а мне пусть будет левая сто-

рона Днепра!» Ярослав должен был согласиться. Мстислав избрал себе столицей Чернигов и заложил там церковь Св. Спаса. С тех пор братья жили между собою душа в душу и в 1031 году, пользуясь слабостью преемника Болеслава Храброго, Мечислава, возвратили отнятые Болеславом червенские города (Галичину); тогда Ярослав привел из Польши много пленников и поселил их у себя по берегам Роси; Мстиславу также достались пленники для поселения в своем уделе. Таким образом в народонаселение киевской земли вливалась, между прочим, польская народная стихия.

В 1036 году Мстислав умер, выехавши на охоту. Он не оставил по себе детей. Удел его достался Ярославу, и с тех пор киевский князь остался до смерти единым властителем русских земель, кроме полоцкой. Был, кроме него, в живых еще один сын Владимира Святого, Судислав, живший в Пскове, но Ярослав по какому-то оговору, тотчас по смерти Мстислава, засадил его в тюрьму в том же Пскове, и несчастный сидел там безвыходно до кончины Ярослава. В Новгороде сначала Ярослав сам часто наезжал и жил там подолгу, а в отсутствии своем управлял через посадников. Коснятин, сын Добрыни, не пустивший Ярослава бежать за море, впоследствии подвергся его гневу, был сослан в Ростов, а потом убит в Муроме. В 1038 году Ярослав посадил в Новгород сына своего Владимира, а после его смерти в 1052 году посажен был сын Ярослава Изяслав, и с тех пор в Новгороде постоянно уже были особые князья; преимущественно же в первое

время выбирались старшие сыновья киевского князя.

Ярослав расширял область русского мира подчинением новых земель. Кроме приобретения червенских городов от Польши, он счастливо воевал с Чудью и в 1030 году основал в чудской земле город Юрьев, названный таким образом по христианскому имени Ярослава, нареченного Юрием в крещении. В 1038 и 1040 годах он предпринимал походы на ятвягов и Литву и заставил их платить дань. Червенские города все еще составляли спорную область между Польшей и Русью, но Ярослав укрепил их за Русью тем, что помирился и породнился с польским князем Казимиром. Ярослав отдал за него сестру свою. Казимир возвратил вместо вена⁶ восемьсот русских пленных, некогда захваченных Болеславом: в те времена очень дорожили людьми по скудости рук, необходимых для обработки полей и для защиты края. По всем вероятностям, в это время Казимир уступил русскому великому князю окончательно и червенские города, а за то Ярослав пособил ему подчинить себе Мазовию. Не так счастливо кончилась у Ярослава морская война с Грецией, последняя в русской истории. Раздор произошел по поводу ссоры между русскими купцами и греками, во время которой убили одного русского. Ярослав в 1043 году отправил против Византии сына своего Владимира и воеводу Вышату, но буря разбила русские суда и выбросила на берег Вышату с ше-

⁶ Плата, даваемая женихом родителям или братьям невесты по древнему обычаю.

стью тысячами воинов. Греки окружили их, взяли в плен и привели в Царьград. Там Вышате и многим русским выкололи глаза. Но Владимир на море счастливо отбил нападение греческих судов и воротился в отечество. Через три года заключен был мир; слепцов отпустили со всеми пленными, а в утверждение мира греческий император Константин Мономах отдал дочь свою за сына Ярославова Всеволода. Это было не одно родство Ярослава с иноземными государями своего времени. Одна дочь его, Елисавета, была за норвежским королем Гаральдом, который даже оставил потомству стихотворение, в котором, воспевая свои бранные подвиги, жаловался, что русская красавица холодна к нему. Другая дочь, Анна, вышла за французского короля Генриха I и в новом отечестве присоединилась к римско-католической церкви, тогда еще только что отпавшей от единения с восточною. Сыновья Ярослава (вероятно, Вячеслав и Святослав) были женаты на немецких княжнах.

Ярослав более всего оставил о себе память в русской истории своими делами внутреннего устройства. Недаром во время борьбы со Святополком киевляне называли его «хоромцем», охотником строить. Он действительно имел страсть к сооружениям. В 1037 году напали на Киев печенеги. Ярослав был в Новгороде и поспешил на юг с варягами и новгородцами. Печенеги огромною силою подступили к Киеву и были разбиты наголову. (С тех пор уже набеги их не повторялись. Часть печенегов поселилась в русской земле, и мы в

последующие времена видим их наравне с русскими в войсках русских князей.) В память этого события создана была Ярославом церковь Св. Софии в Киеве на том месте, где происходила самая жестокая сеча с печенегами.

Храм Св. Софии построен был греческими зодчими и украшен греческими художниками. Несмотря на все последующие перестройки и пристройки, храм этот до сих пор может служить образцом византийского зодчества того времени не только на Руси, но и во всей Европе. У нас это единственное здание XI века, сохранившееся сравнительно в большей целости. В первоначальном своем виде это было продолговатое каменное здание, сложенное из огромных кирпичных плит и отчасти дикого камня; оно длиною в пятьдесят два аршина и шириною около семидесяти шести аршин. Вышина его была от шестидесяти до семидесяти аршин. На северной, западной и южной сторонах сделаны были каменные хоры, поддерживаемые толстыми столбами с тремя арками внизу и вверху на южной и северной сторонах; алтарь троечастный, полукруглый, с окнами, а рядом с ним было два придела. Здание освещалось пятью куполами, из которых самый большой приходился над серединой церкви, а четыре над хорами. Алтарные стены, алтарные столбы и главный купол были украшены мозаикой, а прочие стены стенной живописью.⁷ Снаружи церковь была обведена папер-

⁷ В настоящее время от прежней мозаики осталось на главном алтарном своде изображение Богородицы с поднятыми руками, а внизу на той же стене часть

тью, из которой на двух сторонах: южной и северной, шли две витые лестницы на хоры. Эти лестницы были расписаны изображениями разных случаев из светской жизни, как-то: княжеской охоты, княжеского суда, народных увеселений и т.п. (фрески эти существуют и до сих пор, хотя несколько подправленные).

Кроме Св. Софии, Ярослав построил в Киеве церковь Св. Ирины (теперь уже не существующую), монастырь Св. Георгия, распространил Киев с западной стороны и построил так называемые Золотые Ворота с церковью Благовещения над ними. По его повелению, в Новгороде, сын его Владимир в 1045 году воздвиг церковь Св. Софии в Новгороде, по образцу киевской, хотя в меньших размерах. Церковь эта сделалась главною святынею Новгорода.

Время Ярослава ознаменовалось распространением христианской религии по всем русским землям. Тогда уже выросло поколение тех детей, которых Владимир отдавал в книжное учение. Ярослав в этом отношении продолжал дело своего отца; по крайней мере, мы имеем известие, что он в Новгороде собрал 300 детей у старост и попов и отдавал

Тайной Вечери, а еще ниже под нею часть изображений разных святых. На алтарных столбах изображение Благовещения: на левой стороне Ангел с ветвью, а на противоположном столбе прядущая Богородица. Кроме того, уцелела часть мозаики в куполе. Древняя стенная живопись в XVII веке была заштукатурена, и на штукатурке нарисованы были другие изображения, в XIX столетии новая штукатурка была отбита, открыта старая и подправлена, но не совсем удачно и в некоторых местах слишком произвольно.

их «учиться книгам». В суздальской земле в 1024 году сам Ярослав боролся против язычества. Сделался в этой стране голод. Волхвы научали людей, будто старые бабы скрывают в себе жито и всякое обилие. Народ волновался, и несколько женщин было убито. Ярослав прибыл в Суздаль, казнил волхвов, их соумышленников засадил в тюрьмы и поучал народ, что голод происходит от кары Божией, а не от чародейства старых баб. Христианство сильнее стало распространяться в этой земле между Мерею. Всего глубже пустила свои корни новая вера в Киеве, и потому там строились один за другим монастыри. Умножение епископских кафедр потребовало установления главной кафедры над всеми, или митрополии. Ярослав положил начало русской митрополии вместе с основанием Св. Софии. Первым митрополитом при нем является Феопемпт, освящавший в 1039 году Десятинную церковь, вновь перестроенную Ярославом. В 1051 году, вместо Феопемпта, поставлен был собором русских епископов Иларион, родом русский, человек замечательно ученый по своему времени, как показывает оставшееся от него сочинение «о благодати и законе». Сам Ярослав любил чтение и беседы с книжными людьми: он собрал знатоков и поручил переводить с греческого на русский язык разные сочинения духовного содержания и переписывать уже переведенные; таким образом составила библиотека, которую Ярослав приказал хранить в Св. Софии. Киевский князь, как видно, имел намерение освятить в глазах народа свой кня-

жеский род и с этой целью, вскоре по утверждению своем в Киеве, перенес тело Глеба и положил рядом с телом Бориса в Вышгороде: с этих пор они начали привлекать к себе народ на поклонение; говорили, что тела их были нетленны и у гроба их совершались исцеления. В 1044 году Ярослав совершил странный обряд: он приказал выкопать из земли и крестить в Десятинной церкви кости своих дядей Олега и Ярополка, а потом похоронить их в церкви.

Ярославу принадлежит начало сборника древних законов под названием «Русской Правды». Сборник этот, существующий в нескольких различных, то более, то менее полных редакциях, включает законоположения, установленные в разные времена и в разных местах, чего в точности определить невозможно. Самая старейшая дошедшая до нас редакция не восходит ранее конца XIII века. Несомненно, что некоторые из статей были составлены при сыновьях и внуках Ярослава, о чем прямо говорится в самих статьях. Ученые признают принадлежащими времени Ярослава первые семнадцать статей этого сборника, хотя нельзя отрицать, что, быть может, многие из последующих статей первоначально относятся к его же времени.

Главный предмет Ярославовых законоположений – случаи обид и вреда, наносимых одними лицами другим. Вообще, как за убийства, так и за увечье и побои предоставлялась месть; за убийство могли законно мстить брат за брата, сын за отца, отец за сына и племянник за дядю. Если же ме-

сти не было, тогда платилась князю «вира», имевшая разные размеры, смотря по свойству обиды и по званию обиженного: таким образом, за убийство всякого свободного человека платилось 40 гривен, а за княжеского мужа 80. Вероятно, ко временам Ярослава можно отнести постановление о «дикой» вине, которая платилась князю всей общиной или вервью (от веревки, которою обмерялась принадлежавшая общине земля) в том случае, когда на земле общины совершено было убийство, но на убийцу не было предоставлено иска. Нашедший у кого-нибудь украденную у него вещь мог взять ее тотчас, если объявил предварительно о покраже на торгу, а если не объявил, то должен был вести вора на свод, т.е. доискиваться, каким путем пришла к нему вещь. Такой же порядок соблюдался по отношению к беглому или украденному холопу. В случае заперательства ответчика, дело решалось судом 12 выбранных человек.

Еще до своей смерти Ярослав разместил по русским землям своих сыновей. В Новгороде был старший сын его Владимир, умерший еще при жизни отца в 1052 году. В Турове был второй сын Ярослава, Изяслав, которому отец по смерти Владимира отдал новгородское княжение и назначил после своей смерти киевское; в Чернигове – Святослав, в Переяславе – Всеволод, во Владимире Волынском – Игорь, а в Смоленске – Вячеслав.

Ярослав скончался 20 февраля 1054 года на руках у любимого сына Всеволода и погребен в церкви Св. Софии в

мраморной гробнице, уцелевшей до сих пор.

Глава 3

Преподобный Феодосий Печерский

В эпоху, когда Русь приняла христианство, православная церковь была пропитана монашеским духом, и религиозное благочестие находилось под исключительным влиянием монастырского взгляда. Сложилось представление, что человек может угодить Богу более всего добровольными лишениями, страданиями, удручением плоти, отречением от всяких земных благ, даже самоотчуждением от себе подобных, – что Богу приятна печаль, скорбь, слезы человека; и напротив, веселое, спокойное житье есть угождение дьяволу и ведет к гибели. Образцом богоугодного человека сделался отшельник, отрешившийся от всякой связи с людьми; в пример высокой христианской добродетели ставили затворников, добровольно сидевших в тесной келье, пещере, на столбе, в дупле и т.п., питавшихся самою скудною, грубою пищею, налагавших на себя обет молчания, истязавших тело тяжелыми железными веригами и предававших его всем неудобствам неопрятности. Если не все должны были вести такого рода жизнь, то все, по крайней мере, обязаны были, в видах благочестия, приближаться к такому идеалу. Слово *спасение* в христианском смысле тесно связывалось с приемами, выражавшими более или менее такое стремление. Весь строй богослужения сложился так, как будто был создан для мона-

стырской жизни: продолжительные чтения, стояния, множество молитв и правил, чрезвычайно сложная символика и обрядность – все приноравливалось к такому людскому обществу, где бы человек мог исключительно быть занят молением. Самое содержание молитв, вошедших в церковный обиход и сочиненных отшельниками, более подходило к признакам монастырской, чем мирской жизни. Совершенный отшельник был самым высшим идеалом христианина; за ним, в благочестивом воззрении, следовала монастырская община – общество безбрачных постников и тружеников, считавшееся настоящим христианским обществом, а за пределами его был уже «мир», спасавшийся только молитвами отшельников и монахов и посильным приближением к приемам монастырского житья. Оттого-то пост, как один из этих приемов, пользовался и до сих пор продолжает пользоваться в народе важнейшим значением в деле спасения. Оттого-то хождение в монастыри считалось особенно богоугодным делом, тем более, когда к этому присоединялись лишения и трудности; оттого-то благочестивый мирянин думал перед смертью избавиться от вечной муки, записавши в монастырь свое имущество, или сам спешил постричься. Хотя брак в церкви и признавался священным делом, но, вместе с тем, монашеское безбрачие ставилось гораздо выше брачной жизни; и благочестивый человек, в назидательных житиях и проповедях, мог беспрестанно встречать примеры, выставляемые за образец, когда святой муж избегал брака или даже убегал

от жены для отшельнической или монастырской жизни. Народный благочестивый взгляд шел в этом случае далее самого учения церкви и всякое сближение полов, даже супружеское, называл грехом: известно, что до сих пор многие из народа толкуют первородный грех Адама и Евы половым сближением, хотя такое толкование давно отвергнуто церковью. Тем не менее, однако, безбрачная жизнь признавалась самой церковью выше брачной и семейной.

Монастырю, с его уставами, с его благочестивыми воспоминаниями и преданиями, суждено было сделаться средоточием духовной жизни, высшим центром просвещения, которого лучи должны были падать на грешный мир. По религиозному воззрению, если Божие долготерпение щадило этот грешный мир, достойный кары, за все свои пороки и беззакония, то этим он был обязан именно заступничеству тех подвижников, которые отреклись от него и презрели его широкий путь со всеми временными наслаждениями. Они молились за грешный мир, и в этом состояла их любовь и служба обществу человеческому.

В те времена, когда духовная деятельность вращалась почти исключительно в религиозной сфере или, по крайней мере, находилась под сильным влиянием религии, понятно, что монастырь сделался школой для народа; монахи были его наставниками; в монастырях сосредоточивалось книжное учение, и значительная часть дошедшей до нас письменности носит на себе характер монашеский.

Так было в византийском мире; то же перешло и к нам; хотя рядом с этим заимствованным направлением проявлялись проблески самобытной духовной деятельности свежего и даровитого народа, но для потомства они не выдержали соперничества с монастырским духом: печерский патерик, содержащий жития Святых иноков Печерского монастыря, в течение веков оставался творением, известным всему русскому народу, даже неграмотному, тогда как поэтическое произведение XII века «Слово о Полку Игоря», уцелевшее случайно в одном списке, служит печальным свидетельством о гибели другого рода литературы, не имевшей в книжном мире той крепости, какую обладали монастырские произведения.

Понятия об отречении от мира, об удручении плоти, отшельничестве и монастырском житии пришли к нам, конечно, разом с крещением. Хотя во времена Владимира в старинных списках летописи не говорится о монастырях, но это, конечно, оттого, что христианство только что водворялось; однако, вероятно, и тогда уже появились начатки монашеского житья. О временах Ярослава существует положительное известие, что в его княжение начались монастыри и умножились черноризцы: этот князь любил духовных и в особенности монахов; при нем в Киеве явилось несколько монастырей; но первые начатки, по недостатку людей сильных волей, оказались слабыми. Истинными утвердителями монастырского житья были: Антоний, а более всего Феодосий, основатели Печерского монастыря. Обычай выкапывать

пещеры и поселяться в них, в видах спасения, возник в Египте и существовал на всем Востоке. Вместе с религиозными преданиями зашли к нам и повествования об угодивших Богу пещерниках: явились подражатели. Первый, начавший копать пещеру близ Киева, был Иларион, священник в селе Берестове, получивший потом сан митрополита. В покинутой им пещере поселился молодой Антоний, родом из Любеча, который ходил на Афонскую гору и получил там монашеское пострижение. По возвращении в отечество он не был доволен жизнью в монастырях, построенных в Киеве, поселился в пещере, изнурял себя воздержанием, вкушал только хлеб и воду, и то через день. Скоро, однако, слава его разнеслась по Киеву, и благочестивые люди приносили ему потребное для жизни. Пример его подействовал на какого-то священника по имени Никона: он пристал к Антонию и стал жить с ним в пещере. За ним явился к нему третий сподвижник; это был Феодосий.

Нам осталось житие этого Святого. Оно, несомненно, старое, так как известно по рукописям XII века, и, как значится в нем, написано Нестором, печерским летописцем. По этому житию Феодосий был уроженец города Василева (ныне Васильков), в детстве с родителями переселившийся в Курск. Он лишился отца в тринадцатилетнем возрасте и остался под властью матери, женщины сурового нрава и упрямой. С детства заметна была в нем молчаливость и задумчивость; он удалялся от детских игр; религия стала привлекать к се-

бе эту сосредоточенную натуру: благочестивое чувство рано пробудилось в нем и овладело всем его бытием. Первое, чем выразилось оно, было стремление к простоте; ему противны казались внешние отличия, которые давало ему перед низшими его общественное положение; он не терпел блестящих одежд, надевал на себя такое же платье, какое было на рабах, и вместе с ними ходил на работу. Мать сердилась на это и даже била своего сына. Какие-то странствующие богомольцы пленили его рассказами об Иерусалиме, о местах, где жил, учил и страдал Спаситель, и Феодосий тайно ушел с ними. Но мать догнала его, прибила, заковала и держала в оковах до тех пор, пока он не дал ей обещания не убегать из дому. Оставшись на свободе, Феодосий начал печь просфоры. И за это мать сердилась на него, так как считала такое занятие неприличным его роду. Материнский деспотизм вывел другой раз из терпения отрока: он убежал от нее в какой-то город, пристал к священнику; но мать опять нашла его и опять подвергла побоям. Такое недовольство матери благочестием сына объясняется тем еще языческим состоянием, в каком были тогда русские люди, так как христианство проникло к ним недавно; в Курске, городе глухом, не первоклассном, не было ни одного монастыря; жители, хотя крещеные, не ознакомились еще с монастырским бытом; приемы монашества для них казались странными и дикими. Лицо, которое «Житие» называет властителем города – вероятно, княжий муж, посадник Ярославов, он полюбил Феодосия, взял его к се-

бе в дом, одевал в хорошее платье, но Феодосий отдавал нищим это дареное платье, сам ходил в простом и наложил себе на тело железные цепи: он, конечно, слышал, что святые отшельники носили вериги, и стал подражать им. Мать нечаянно увидела эти цепи, которые до крови разъедали тело ее сына, сняла их и опять прибила его.

Тогда юноша решил бежать во что бы то ни стало. Он слышал, что в Киеве есть монастыри, и туда направил путь, чтобы там постричься. Путь был не короткий; дороги Феодосий не знал; к счастью, он встретил купеческий обоз, шедший с товарами в Киев, и, не теряя его из виду, шел за ним следом, останавливаясь тогда, когда обоз останавливался, и снова продолжал путешествие, когда обоз снимался с места. Так добрался он до Киева. Но киевские монастыри еще менее оказались удовлетворительными для Феодосия, чем для Антония. Юноша был беден; нигде в монастырях не хотели принять его. Он услышал об Антонии, отправился к нему и просил принять к себе.

«Чадо, – сказал Антоний, – пещера – это место скорбное и тесное, ты же молод: я думаю, не вытерпишь скорби в сем месте».

«Честный отче, – ответил Феодосий, – ты все проразумеваешь, ты знаешь, что Бог привел меня к твоей святости. Все, что велишь, буду творить».

«Чадо, – сказал Антоний, – благословен Бог, укрепивший тебя к такому намерению. Пребывай здесь».

Он приказал Никону постричь Феодосия. То было при князе Ярославе. Мать только через четыре года напала на след пропавшего без вести сына, приехала в Киев и с большим трудом добилась, при посредстве Антония, свидания с сыном.

Феодосий остался непреклонен ко всем молениям и просьбам матери и уговорил ее принять пострижение.

Она решилась на это, лишь бы иметь возможность видеть иногда сына, и постриглась в монастыре Св. Николая (на так называемой Оскольдовой могиле).

Мало-помалу число отшельников увеличивалось. Один молодой человек, сын боярина, приходил слушать поучения отшельников и, наконец, решился присоединиться к ним. Никон постриг его. За ним постригся другой, принадлежащий к княжескому двору, скопец Ефрем. Эти случаи вооружили против пещерников киевского князя Изяслава Ярославича до того, что он грозил раскопать их пещеру. Князь потерпел, но оставил в покое отшельников; зато сын боярина, постриженный под именем Варлаама, вытерпел большую борьбу со своим семейством. Он был женат. Отец взял его силой из пещеры, употреблял все средства, чтобы отвлечь его от монашества, и поручил его жене действовать на него своею любовью. Повествователь изображает ласки жены точно так, как будто дело шло об уловках блудницы. Варлаам сидел в углу, не вкушая предлагаемой пищи и не обращая внимания на ласки жены: так пробыл он три дня, молчал и

только мысленно просил Бога, чтобы укрепил и избавил его от женской прелести. Наконец родители, видя, что ничего с ним не поделают, отпустили его со слезами; оплакивала его овдовевшая жена, плакали служители, любившие его; Варлаам не тронулся ничем. Место это в жизнеописании может служить образчиком много раз встречаемого в сочинениях монахов чрезмерного предпочтения монашеского одиночного жития брачному союзу и семейным связям, всегда одобряемым и освящаемым духом Христовой религии и уставами православной церкви.

Варлаам построил над пещерой церковь и был игуменом после того, как Никон ушел из Киева в Тмутаракань. С этих пор здесь положено было начало монастырского жития. Скоро Варлаам, по желанию князя, был переведен игуменом в монастырь Св. Димитрия в Киеве, а вместо него, по благословению Антония, братия избрала игуменом Феодосия.

До сих пор все пещерники жили в тесноте, чрезвычайно скудно, питались хлебом и водой, разрешая себе сочиво по субботам и воскресным дням, но часто, вместо сочива, по недостатку, довольствовались вареным зельем. Феодосий превосходил всех своими подвигами, так как он был очень крепкого телосложения. Он всем служил, носил воду, таскал дрова: все жили ручной работою и на вырученные деньги покупали себе муку; каждый должен был измолоть свою часть; когда другие, уставши, отдыхали, Феодосий молот за них. В летние ночи он выходил из пещеры, обнажал до по-

яса свое тело, плел шерсть на копытца (чулки) и клобуки (шапочки), которые потом продавал для своего пропитания, а сам во время работы пел псалмы, между тем как мошки и комары кусали его до крови. Первым приходил он в церковь к богослужению, последним уходил из церкви и во все время богослужения простаивал на одном месте, не двигаясь ни шагу. Такое подвижничество и смирение внушали к нему уважение и прославили его.

Феодосий, сделавшись игуменом, выказал в высокой степени талант устроителя и правителя. Внешние знаки власти не только не пленяли его, но были ему противны; зато он умел властвовать на самом деле, как никто, и своим нравственным влиянием держал монастырь в безусловном повиновении. Он отыскал удобное для построения церкви место, неподалеку от пещеры, и в короткое время построил там другую церковь во имя Пресв. Богородицы, выстроил около нее кельи, переселился туда с братией из пещер и послал одного из братии к Ефрему-скопцу в Константинополь с просьбою прислать для новоустроенного монастыря устав. Ефрем-скопц, бывший постриженник печерский, прислал Феодосию устав Студийского монастыря в Константинополе, славившегося как святостью своих сподвижников, так и ревностью их к православию во времена иконоборства. Этот устав и послужил на многие века уставом Печерского монастыря.

Феодосий был очень строг, требовал от братии точного исполнения устава, постоянно наблюдал, чтобы братия не

облегчала себе монашеских подвигов. Он по ночам обходил кельи, нередко подслушивал у дверей, и если слышал, что монахи разговаривают между собою, то ударял палкой в дверь. Никому не позволял он иметь никакой собственности, и если находил что-либо подобное в келье монаха, то бросал в огонь. Никто из братии не смел ничего съесть кроме того, что предлагалось на трапезе. Главное, чего требовал он – это беспредельное послушание воле игумена, послушание без всякого размышления. Оно ставилось выше поста, выше всяких подвигов изнурения плоти, выше молитв. Всякое переименование приказания игумена объявлялось грехом. Однажды келарь предложил братии на трапезе хлебы, которые игумен велел предложить в предшествовавший день; келарь допустил это изменение потому, что в предшествовавший день в монастыре были уже другие хлебы. Феодосий приказал предложенные не в указанный день хлебы бросить в воду, а келаря подвергнул епитимии. Братия была приучена к строжайшему, буквальному исполнению воли игумена: однажды вратарь не пустил в монастырь князя Изяслава, потому что этот князь приехал в такое время, когда Феодосий запретил вратарю пускать посторонних в монастырскую ограду. Требуя от братии строгой нищенской и постной жизни, он сам показывал другим пример: ел обыкновенно один ржаной хлеб, вареную зелень без масла и пил одну воду; в великую четырехдесятницу, от заговенья до пятницы вербной недели, запирался в тесной пещере; всегда носил на теле вла-

сяницу, а сверх власяницы худую свитку и, кроме рук, никогда не мыл своего тела.

Предписывая своим монахам строгое удаление от мира, который представлялся гнездилищем всех зол, Феодосий соприкасался с мирскими людьми делами христианской любви: он устроил близ монастыря двор для увечных, слепых, хромых и давал на них десятую часть монастырских доходов, а по субботам посылал хлебы в тюрьмы. Хотя в монастырь поступали беспрестанно приношения, но Феодосий не скоплял богатств, тратил их на добро другим, и нередко бывали дни, когда монастырь внезапно находился в большой скудости. Феодосий в этом отношении предавался воле Божией, и часто в оправдание такой надежды неожиданные приношения выручали братию. К Феодосию обращались мирские люди с просьбами о заступлении перед князьями и судьями, и он помогал им своим ходатайством, так как князья и судьи уважали голос Феодосия, считая его праведником.

Нередко князья приходили к нему, а также приглашали к себе. Однажды, пришедши к князю Святославу Ярославичу, он застал там большое веселье: одни играли на гусях и органах, другие пели песни. Феодосий сидел и слушал их с печальным видом и, наконец, проговорил: «Будет ли так на том свете!» Князь приказал немедленно остановить веселье, из уважения к присутствию отшельника, и на будущее время Феодосий уже не встречал у него таких забав; но это не мешало князю предаваться забавам в отсутствие Феодосия.

Добрые отношения к князьям не мешали Феодосию обличать их за несправедливые деяния. Когда Святослав изгнал брата своего Изяслава, Феодосий порицал его и в своем послании к нему уподоблял его Каину, убившему брата своего Авеля. Святослав так рассердился за это, что грозил послать печерского игумена в заточение. «Я этому рад, – сказал Феодосий, – для меня это самое лучшее в жизни. Чего мне страшиться: потери ли имущества и богатств? Разлучаться ли мне с детьми и селами? Нагими пришли мы в мир, нагими и выйдем из него!» Князь не стал более преследовать Феодосия, всеми уважаемого, но и Феодосий перестал обличать Святослава, а только при всяком случае просил его возвратить княжение брату, и в своем монастыре повелел поминать на ектенях сперва Изяслава как великого князя, а за ним, уже в виде снисхождения, Святослава.

К нам дошло несколько поучений игумена Феодосия: одни из них обращены собственно к монахам и касаются более вопросов богослужения и монашеской жизни; другие – вообще к христианам. В одном из поучений последнего рода «О казнях Божиих», – в котором Феодосий признает общественные бедствия, как-то: голод, болезни, нашествие врагов, последствиями наших грехов, влекущих за собой кару небесную, – он порицает, между прочим, разные языческие суеверия, господствовавшие в обществе, еще недавно принявшем христианство. Таким образом, встреча с чернецом, черницею, лысым конем и свиньею считались дурным пред-

вестию и побуждали идущего возвращаться назад. Феодосий нападает также на верование в чихание, на чародейство, гадания, приметы, взимание процентов, на светские забавы, на музыку, состоявшую тогда из гуслей и сопелей, на скомоухов, на языческий обычай целоваться с женщинами во время пиров; более всего распространяется о пьянстве, как о пороке, господствовавшем в тогдашнем обществе, но дозволяет, впрочем, пить умеренно. Достойно замечания, что в ответе своем князю Изяславу о некоторых предметах благочестия Феодосий относится снисходительнее к правилам о посте, чем обыкновенно церковные учителя последующих времен. В среды и пятки он предписывает мирянам воздержание только от мяса и одним чернецам от молочного. Самое воздержание от мяса в среды и пятки не было безусловно обязательным и могло как налагаться, так и разрешаться духовным лицом («аще связан еси отцем духовным в среду и пяток мясо не ясти, от того же и разрешение приими»). Вообще никто не должен сам налагать на себя постов, но следует поститься тогда, когда велит духовный отец. В господские и богородичные праздники, также в день 12-ти апостолов, если они приходятся в среду и пяток, Феодосий разрешает есть мясо. Феодосий сурово относится к иноверцам: «Живите мирно не только с друзьями, – поучает он, – но и с врагами, однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими; свой враг тебе тот будет, кто убил бы перед твоими очами твоего сына или брата, прости ему все; но Божие враги

– жиды, еретики, держащие кривую веру... Нет лучше веры нашей, чистой, честной, святой; живучи в этой вере, можно избавиться от грехов, сделаться причастником вечной жизни, а тем, которые пребывают в вере латинской, армянской, срацинской, тем нет жизни вечной, ни части со святыми». Он вооружался против веротерпимости: «Кто хвалит чужую веру, тот свою хулит, а кто хвалит и свою веру, и чужую разом, – тот двоеверец; и кто тебе скажет: и ту, и другую веру Бог дал – ты скажи ему: разве Бог двоеверен? Писание говорит: един Бог, едина вера, едино крещение». По отношению к латинянам Феодосий запрещает православным давать за них дочерей и брать у них жен, брататься с ними, кумиться, целовать их, есть с ними и пить из одного сосуда: если будет латинянин просить есть или пить, то дать ему из особого сосуда, а потом выполоскать и сотворить молитву. Тем не менее, он приказывает князю всякого неверного, как и правоверного, накормить, одеть и избавить от беды. Более всех ненавидел Феодосий жидов, и жизнеописатель его говорит, что он ходил к жидам укорять их, досаждал им, называл беззаконниками и отступниками и хотел быть от них убитым за Христа.

Уже незадолго до кончины Феодосия положено было начало основанию каменной церкви на том месте, где находится и теперь главный храм Печерской обители. Средства для этого, на первый раз, доставлены были одним варягом, по имени Шимон. Об нем сохранился такой поэтический рас-

сказ:

Шимон был изгнан из отечества своими дядями и отправился на корабле служить в Русь. Был у него оставшийся от отца крест в десять локтей с поясом – по одним известиям в 50, по другим в 8 гривен – и с золотым венцом на главе Распятого. Шимон захватил с собою пояс и венец, когда уходил из родины. Тогда был ему такой глас: «Не возлагай этого на главу свою, а неси на уготованное место, где строится церковь Матери Моей, и отдай в руки преподобного Феодосия, а он повесит над жертвенником». После этого видения, во время плавания его по Балтийскому морю в русскую землю, сделалась буря. Шимон испугался и полагал, что Бог наказывает его за то, что он взял украшение с Христова образа, и стал в этом каяться; тогда увидел он на воздухе изображение церкви и услышал голос: «Вот церковь, которая будет создана во имя Божией Матери, а ты будешь положен в ней. Размер поясом двадцать локтей в высоту, тридцать в длину и тридцать в ширину». Несмотря на это, по прибытии в Киев, Шимон долго не строил церкви, но ему было снова чудное видение. Уже по смерти Ярослава, при котором он приехал в Русь, Шимон с его сыновьями: Изяславом, Святославом и Всеволодом, отправляясь против половцев, обращался к Антонию за благословением.

Преподобный Антоний сказал: «О, чадо! Многие падут от острия меча, многие будут попираемы и уязвляемы, многие потонут в воде, а ты останешься спасен; тебе суждено лежать

в печерской церкви, которая здесь построится». Русские были поражены на Альте. Симон был ранен, лежал на поле посреди трупов и умирающих и вдруг увидел в воздухе изображение той же церкви, которая являлась ему над балтийскими водами. Он исцелился от ран, рассказал Антонию о видениях и отдал ему венец и пояс, Антоний переименовал Симона в Симона и передал его дар Феодосию. Симон очень любил Феодосия и доставил ему много средств для постройки новой церкви. Это было в 1073 году.

Симон явился после того к Феодосию и сказал ему: «Дай мне, отче, слово, что душа твоя благословит меня не только в этой жизни, но и по смерти моей и твоей».

«Это прошение выше силы моей, – отвечал Феодосий. – Но если по моем отшествии от мира устроится эта церковь, если будут уважать в ней предания и мои уставы, то это будет тебе знаком, что я имею дерзновение у Бога».

«Господь свидетельствовал о тебе, сказал Симон, – я сам слышал от пречистых уст Его образа. Помолись также, как ты молишься о своих чернецах, обо мне, и о сыне моем Георгии, и о потомках моих».

«Я не об одних чернецах молюсь, – возразил ему Феодосий, – но и о всех любящих это место». Симон поклонился до земли и сказал:

«Отче! Не изыду от тебя, дай мне на письме свое благословение». Феодосий дал ему молитву, какую теперь вкладывают в руки покойникам. С этих-то пор пошел на Руси

обычай вкладывать в руки покойникам рукописание.

Но Симон, готовясь строить храм, попросил еще у Феодосия отпустить грехи его родителям.

Феодосий, воздвигнув руки, сказал: «Да благословит тебя Господь от Сиона и да увидите вы красоты Иерусалима во все дни жизни вашей в третьем, в четвертом роде до последнего».

Симон оставил латинскую веру и перешел к восточному православию.

Церковь заложена была в 1073 году Феодосием и епископом Михаилом во время бытности в Царьграде митрополита Георгия. Основание ее также подало повод к составлению рассказов о том, как четыре мастера в Царьграде получили от самой Богородицы приказание идти на Русь и построить церковь, что икона, которая впоследствии сделалась местною, принесена из Греции, вручена была самою Богородицею и есть произведение небесного искусства. Это было началом того благоговейного почитания икон явленных, так распространенного впоследствии на Руси. Отыскание места для церкви также сопровождалось чудесами, подобными чудесам Ветхого Завета в истории Гедсона и Илии. Феодосий, желая узнать, какое место угодно будет Богу для постройки церкви, молился, чтобы везде была роса, а на том месте, где следует быть церкви, росы не было, а на другую ночь просил обратного: чтобы там была роса, когда повсюду не было росы, – и все исполнилось по его желанию. На том месте,

где высшее знамение указало быть церкви, росли кустарники; они были истреблены огнем, низведенным с неба силой молитв Феодосия. Когда нужно было копать ров для закладки храма, эту работу первым предпринял князь Святослав. Богатые люди жертвовали вклады, волости и села на создание храма с тем, чтобы быть погребенными на этом месте. Варяг Симон первый удостоился этой чести.

В следующем 1074 году 2 мая скончался преподобный Феодосий, назначив по выбору братии, даже против своего собственного желания, преемником себе Стефана, приказав после своей смерти не омыwać свое тело и похоронить в пещере, в той бедной одежде, которую он носил и в которой отошел в вечность.

Предание говорит, что Феодосий перед смертью просил Святослава, чтобы церковь печерская была освобождена от власти и князей, и владык, потому что создала ее Богородица, а не люди; и обитель надолго пребывала независимой общиной. Мудрый Феодосий установил твердую нравственную связь между всеми, принадлежавшими к обители. Если кто будет призван на какое-нибудь высшее духовное место на Руси, то он может принимать его и выходить из обители только с позволения старших, но всегда должен искать успокоения в Печерской обители, и только за таких святой основатель монастыря обещал молиться пред Богом. В силу такого завета основателя, многие печерские иноки, занимавшие впоследствии высокие места в русской церкви, где бы

они ни были, не теряли связи с монастырем. Напутствуемый мысленными благословениями Св. Феодосия, духовный питомец Печерской обители, был ли он в Ростове, Владимире, Новгороде, Полоцке, всегда обращался сердцем к Киеву, к заветной обители, как обетованной земле спасения, хранил правила, которые получал в этом монастыре, и распространял их везде, куда простиралось его влияние. Это ярко проявляется в одном памятнике духовной литературы XII века, а именно: в послании владимирского епископа Симона к печерскому монаху Поликарпу; «Кто не знает меня, грешного епископа Симона, и соборной церкви красы владимирской, и другой, суздальской, которую я создал сам. Сколько у них городов и сел, и собирают десятину со всей этой земли, и всем этим владеет наша худость! Скажу тебе, что всю эту славу и честь я признаю калом (грязью) и хотел бы лучше щепкой торчать за воротами или сором валяться в Печерском монастыре и быть попираемым людьми, или быть одним из тех убогих, что просят милостыню пред вратами честной лавры: лучше сей временной чести для меня один день в доме Божьей Матери, нежели тысяча лет в селениях грешников».

Тот же дух, который проявил Феодосий в своей жизни и устройстве монастыря, надолго оставался в его обители. За ним появился целый ряд подвижников, деяния которых записывались, передавались изустно, служили примером для других монастырей и распространяли в русском народе известное направление религиозных воззрений. Оттуда исте-

кало, там окрепло и утвердилось то господствующее понятие, что Бог любит в христианине: добровольное терпение, самоизнурение постом, удаление от половой связи, утомительное богомоление, слезы, скорбь, воздыхание, сетование, нищету, – что монастырь есть путь к спасению и в мире, если не совсем невозможно, то очень трудно спастись: только надежды на молитвы подвижников могут давать утешение; а потому следует давать в монастыри вклады и наделять их богатствами, чтобы в них молились за грешников.

В этом направлении были светлые стороны. Они состояли уже в том, что монастыри были главными проводниками христианства; а в благодетельном влиянии христианства едва ли могут сомневаться самые неверующие люди. Но, с другой стороны, предпочтение монашеского звания и уважения к иноческой жизни вносили односторонность в религиозное воззрение. Мысль, что Богу всего угоднее одиночная, подвижническая жизнь инока и человек тем ближе к спасению, чем дальше от мира, вытесняла христианскую добродетель из этого мира: благочестивые люди стремились не к тому, чтобы в людском обществе, в мире, совершать подвиги любви Христовой; их идеал богоугодной жизни был не в среде человеческих отношений, а, напротив, вне их. Спасение удобнее казалось одинокому, оторванному от людей затворнику; и напротив, обращение с людьми приводило к неизбежному греху, – так думали русские, тогда как по духу Евангелия следовало наоборот. Словам Христа, – что тот

недостойн Его, кто ради Его и Евангелия не оставит отца, матери, жены и всего, что есть для него дорогого в мире, – давали смысл вступления в монастырь, тогда как они означали требование от последователя Христова предпочитать всяким родственным и кровным отношениям правду, возведенную учением Спасителя и подкрепленную примером его жизни и смерти. Высокий подвиг страдания за правду, за ближних обратился в подвиг страдания ради самого страдания; средство стало целью; борьба с дьяволом в образе зла и растреления человеческого общества заменялась борьбой с призраками, тревожившими расстроенные нервы истязавшего себя пустытника. Безбрачие, – некогда предлагаемое апостолом как состояние более удобное, и то временно, для некоторых, ему подобных, в тяжелую эпоху гонений, – возведено было само по себе в доблесть, и тем унижен был семейный союз; то, что могло быть уделом только очень немногих, одаренных способностью «вместить», становясь если не обязательной, то все-таки высшей добродетелью, достойною стремления, превращалось в чудовищное насильствие природы; наконец, уважение к слезам, скорби, болезни, нищете, вообще к несчастью, завещанное учителем в видах облегчения от горести, для счастья человеческого, превращалось в умышленное искание слез, скорби, болезни, нищеты. Таким образом логически выходила бесцельность дел любви Христовой; если страдание являлось само по себе целью, то незачем было стремиться к уменьшению его на земле; на-

против, нужно, казалось, заботиться, чтобы люди страдали: к этому приводила односторонность, вытекавшая из господства монашеского направления в христианстве. Так как идеал христианской доблести поставлен был вне гражданского общества и под условием насильствования человеческой природы, то он не мог достигаться не только всеми, но и большею частью тех, которые исключительно ему отдавались; отсюда вытекло, что последствием стремления к такому идеалу являлось именно то, что более всего было противно духу Христова учения: лицемерство, самообольщение, ханжество и отупение. За исключением немногих личностей, которым дано было свыше достигать высшего монашеского идеала, за исключением бедняков, слабых духом и телом, неспособных к труду в обществе, – монастыри наполнялись людьми, возмечтавшими о себе то, чего в них не было, жалкими самоистязателями, воображавшими, что Богу угодно насилие данной Богом же духовной и телесной природы человека, а более всего эгоистами, тунеядцами и лицемерами, надевавшими на себя личину святости. За пределами же монастырей весь мир пребывал в грубейшей чувственности и в темнейшем невежестве, продолжали в нем господствовать и развиваться пороки, совершались насилия и злодеяния, лилась реками кровь человеческая, люди терзали друг друга; а благочестивое чувство утешало себя тем, что так неизбежно должно быть на свете по воле Божией, и искало примирения с совестью и божеством в соблюдении кое-каких видимых при-

емов, приближающих жизнь к монашескому идеалу, поставленному вне мира и гражданского общества.

Глава 4

Князь Владимир Мономах

Между древними князьями дотатарского периода после Ярослава никто не оставил по себе такой громкой и доброй памяти, как Владимир Мономах, князь деятельный, сильный волей, выделявшийся здравым умом посреди своей братии князей русских. Около его имени вращаются почти все важные события русской истории во второй половине XI и в первой четверти XII века. Этот человек может по справедливости назваться представителем своего времени. Славяно-русские народы, с незапамятных времен жившие отдельно, мало-помалу подчинились власти киевских князей, и, таким образом, задачей их совокупной истории стало постепенное и медленное образование государственной цельности. В каких формах и в какой степени могла проявиться эта цельность и достигнуть полного своего осуществления – это зависело уже от последующих условий и обстоятельств. Общественное устройство у этих народов имело те общие для всех признаки, что они составляли земли, которые тянули к городам, пунктам своего средоточия, и в свою очередь дробились на части, хотя сохраняли до известной степени связь как между частями дробления, так и между более крупными единицами, и отсюда происходило, что города были двух родов: старейшие и меньшие; последние зависели от первых,

но с признаками внутренней самобытности. Члены земли собирались в городах совещаться о своих делах, а творить расправу, защищать землю и управлять ею должен был князь. Сперва политическая власть киевских князей выражалась только тем, что они собирали дань с подчиненных, а потом шагом к более прочному единству и связи между землями было размещение сыновей киевского князя в разных землях, а следствием этого было разветвление княжеского рода на линии, более или менее соответствовавшие расположению и разветвлению земель.

Это размещение княжеских сыновей началось еще в язычестве, но грубые варварские нравы не допускали развиваться какому-нибудь новому порядку; сильнейшие братья истребляли слабейших. Так, из сыновей Святослава остался только один Владимир; у Владимира было много сыновей, и всех их он разместил по землям; но Святополк, по образцу языческих предков, начал истреблять братьев, и дело кончилось тем, что за исключением особо выделенной полоцкой земли, которая досталась старшему сыну Владимира Изяславу как удел его матери, вся остальная Русь была под властью одного киевского князя Ярослава. Это не было единодержавие в нашем смысле слова и вовсе не вело к прочному сцеплению земель между собой, а напротив, чем более земель могло скопиться под властью единого князя, тем менее было возможности этой единой власти наблюдать над ними и иметь влияние на течение событий в этих подвластных землях. Напро-

тив, когда после принятия христианства вместе с одной верою входил в Русь и единый письменный язык и одинаковые нравственные, политические и юридические понятия, если в различных землях и пребывали свои князья, то эти князья – происходя из единого княжеского рода, сохраняя более или менее одинаковые понятия, привычки, предания, воззрения, руководимые при этом единой церковью – своим управлением способствовали распространению таких свойств и признаков, которые были одинаковы во всех землях и, следовательно, вели их к единению между собою.

После Ярослава начинается уже непрерывно тот период, который обыкновенно называют удельным. Особые князья явились в земле северян или черниговцев, в земле смоленских кривичей, в земле волынской, в земле хорватской или галицкой. В земле новгородской сначала соблюдалось как бы правило, что там князем должен быть старший сын киевского князя, но это правило очень скоро уступило силе народного выбора. Земля полоцкая уже прежде имела особых князей. В земле русской или киевской выделилось княжение переяславское, и к этому княжению по разделу Ярослава присоединена отдаленная Ростовская область. Собственно, не было ни правил для размещения князей, ни порядка их преемственности, ни даже прав каждого лица из княжеского рода на княжение где бы то ни было, а потому, естественно, должен был возникать ряд недоразумений, которые приводили неизбежно к междоусобиям. Само собой разумеется,

что это задерживало ход развития тех начал образованности, которые Русь получила вместе с христианской верой. Но еще более препятствовало этому развитию соседство с кочевыми народами и непрестанные столкновения с ними. Русь как будто приговором судьбы осуждена была видеть у себя приходивших с востока гостей, сменявших друг друга: в X веке и в первой половине XI в. она терпела от печенегов, а с половины XI их сменили половцы. При внутренней безлاديце и княжеских усобицах, Русь никак не могла оградить себя и избавиться от такого соседства, тем более, когда князья сами приглашали иноплеменников в своих междоусобиях друг против друга.

При таком положении дел важнейшею задачею тогдашней политической деятельности было, с одной стороны, установление порядка и согласия между князьями, а с другой – дружное обращение всех сил русской земли на свою защиту против половцев. В истории дотатарского периода мы не видим ни одной такой личности, которой бы удалось совершить прочно и плодотворно такой великий подвиг; но из всех князей никто не стремился к этой цели с такой ясностью взгляда и с таким, хотя временным, успехом, как Мономах, и потому имя его долго пользовалось уважением. Кроме того, о его жизни сложилось понятие, как об образцовом князе.

Владимир родился в 1053 году, за год до смерти деда своего Ярослава. Он был сыном Всеволода, любимейшего из сыновей Ярослава; тогда как прочих сыновей Ярослав разме-

стил по землям, назначив им уделы, Всеволода отец постоянно держал возле себя, хотя дал ему в удел близкий от Киева Переяславль и отдаленный Ростов. Старик Ярослав умер на руках у Всеволода. Мать Владимира, последняя супруга Всеволода, была дочь греческого императора Константина Мономаха; Владимир по деду со стороны матери получил имя Мономаха. Таким образом, у него было три имени: одно княжеское – Владимир, другое крестное – Василий, третье дедовское по матери – Момах.

Будучи тринадцати лет от роду, он принялся за занятия, которые, по тогдашним понятиям, были приличны княжескому званию – войною и охотою. Владимир в этом случае не был исключением, так как в те времена князья вообще очень рано делали то, что, по нашим понятиям, прилично только возмужалым; их даже женили в отроческих летах. Отец послал Владимира в Ростов, и путь его лежал через землю вятичей, которые еще тогда не хотели спокойно подчиняться княжеской власти Рюрикова дома. Владимир недолго был в Ростове и скоро появился в Смоленске. На Руси тем временем начинались одна за другой две беды, терзавшие страну целые века. Сначала поднялись княжеские междоусобия. Начало им было положено тем, что сын умершего Ярославова сына, Владимира, Ростислав бежал в Тмутаракань, город, находившийся на Таманском полуострове и принадлежавший тогда черниговскому князю, поместившему там своего сына Глеба. Ростислав выгнал этого Глеба, но и сам не удержал-

ся после него. Это событие, само по себе одно из множества подобных в последующие времена, кажется замечательным именно потому, что оно было тогда первым в этом роде. Затем прорвалась вражда между полоцкими князьями и Ярославичами. В 1067 году полоцкий князь Всеслав напал на Новгород и ограбил его; за это Ярославичи пошли на него войной, разбили и взяли в плен.

В следующем 1068 году настала беда другого рода. Нахлынули с востока половцы, кочевой народ тюркского племени; они стали нападать на русские земли. Первое столкновение с ними было неудачно для русских. Киевский князь Изяслав был разбит и вслед за тем прогнан самими киевлянами, с которыми он и прежде не ладил. Изяслав возвратился в Киев с помощью чужеземцев-поляков, а его сын варварски казнил и мучил киевлян, изгнавших его отца; потому-то киевляне при первой же возможности опять избавились от своего князя. Изяслав снова бежал, а вместо него сел на киевский стол его брат Святослав, княживший прежде в Чернигове; тогда черниговской землей стал управлять Всеволод, а сына его Владимира Мономаха посадили на княжение в Смоленске.

Во все продолжение княжения Святослава Владимир служил ему, как старейшему князю, так как отец Владимира, Всеволод, находился в согласии со Святославом. Таким образом, Владимир по поручению Святослава ходил на помощь полякам против чехов, а также в интересах всего Ярославова племени воевал против полоцких князей. В 1073 го-

ду Святослав умер, и на киевский стол опять сел Изяслав, на этот раз, как кажется, поладивший с киевлянами и со своим братом Всеволодом. Этот князь вывел прочь из Владимира-Волынского сына Святославова Олега, с тем, чтобы там посадить своего собственного сына. Олег, оставшись без удела, прибыл в Чернигов к Всеволоду: Владимир находился тогда в дружелюбных отношениях с этим князем и, приехав из Смоленска в Чернигов, угощал его вместе с отцом своим. Но Олегу досадно было, что земля, где княжил его отец и где протекло его детство, находится не у него во власти. В 1073 году он убежал из Чернигова в Тмутаракань, где после Ростислава жил уже подобный ему князь, беглец Борис, сын умершего Вячеслава Ярославича. Не должно думать, чтобы такого рода князья действительно имели какие-нибудь права на то, чего добивались. Тогда еще не было установлено и не вошло в обычай, чтобы все лица княжеского рода непременно имели удел, как равным образом не утвердилось правило, чтобы во всякой земле были князьями лица, принадлежавшие к одной княжеской ветви в силу своего происхождения. В самом распоряжении Ярослава не видно, чтобы, размещая своих сыновей по землям, он имел заранее в виду распространить право посаженных сыновей на их потомство. Сыновья Ярослава также не установили такого права, как это видно в Смоленске и на Волыни.⁸ Только ветвь полоцкая держа-

⁸ Еще раньше Вячеслав, княживший в Смоленске, умер; князья перевели туда из Волыни Игоря, а по смерти Игоря назначили туда князем Владимира Моно-

лась упорно и последовательно в своей кривской земле, хотя Ярославичи хотели ее оттуда вытеснить. При совершенной неопределенности отношений, при отсутствии общепринятых и освященных временем прав князей на княжение, понятно, что всякий князь, как только обстоятельства давали ему силу, старался устроить своих ближних, – главное сыновей, если у него они были, – и в таком случае не стеснялся столкнуть с места иного князя, который был ему менее близок: от таких поступков не могла останавливать князей мысль о нарушении чужого права, потому что такого права еще не существовало. Со своей стороны очень естественно было князю искать княжения так же, как княжили его родители и родные, и преимущественно там, где был князем его отец, где, быть может, он сам родился и где с детства привыкал к мысли заступить место отца. Такой князь легче всего мог найти себе помощь у воинственных иноплеменников. И вот бежавшие в Тмутаракань Олег и Борис обратились к половцам. Не они первые вмешали этих врагов Руси в ее внутренние междоусобия. Сколько нам известно, первый, показавший им дорогу к такому вмешательству, был Владимир Мономах, так как по собственному его известию, помещенному в его поучении, он еще прежде них, при жизни своего

маха помимо детей Игоря. Равным образом на Волыни не было наследственной преемственности между князьями, а киевские князья помещали там своих сыновей; так что, когда княжил в Киеве Изяслав, на Волыни был его сын, а когда Святослав овладел Киевом, то поместил там своего сына; когда же Святослав умер и Изяслав опять сделался князем в Киеве, на Волыни стал княжить сын Изяслава.

дяди Святослава Ярославича, водил половцев на полоцкую землю.

Олег и Борис с половцами бросились на северскую землю. Всеволод вышел против них из Чернигова и был разбит. Олег легко овладел Черниговым; черниговцы приняли его сами, так как знали его издавна: вероятно, он и родился в Чернигове. Когда после того Всеволод вместе с киевским князем Изяславом хотел отнять Чернигов у Олега, черниговцы показали себя преданными Олегу, и после того, как Всеволод и Изяслав успели овладеть стенами окольного города и сожгли строения, находившиеся в черте, образуемой этим окольным городом, жители не сдавались, ушли во внутренний город, так называемый «большой», и защищались в нем до последних сил. Олега с ними в городе не было: упорство, с которым тогда стояли за него черниговцы, не поддерживалось его присутствием или стараниями, и, вероятно, происходило от искренней привязанности к нему черниговцев. Владимир был тогда с отцом. Услышавши, что Олег с Борисом идет против них на выручку Чернигова и ведет с собой половцев, князья оставили осаду и пошли навстречу врагам. Битва произошла на Нежатиной Ниве близ села этого имени. Борис был убит, Олег бежал. Но их победители дорого заплатили за свою победу. Киевский князь Изяслав был убит в этой сече.

Смерть Изяслава доставила Киев Всеволоду. Чернигов, потеряв надежду на Олега, сдался, и в этом городе посадили

Владимира Мономаха. Олег и брат его Роман Святославич в 1079 году попытались выгнать Владимира из Чернигова, но безуспешно. Владимир предупредил их, вышел с войском к Переяславлю и без битвы избавился от соперников; он заключил мир с половцами, помогавшими Святославичам. Половцы и находившиеся с ними хазары предательски поступили со своими союзниками: Олега отправили в Царьград, а Романа убили. Уменьше рассорить своих противников показывает большую сметливость Владимира.

Оставшись на княжении в Чернигове, Владимир со всех сторон должен был расправляться с противниками. Тмутаракань опять ускользнула из-под его власти: там утвердились два другие безудельные князья, сыновья Ростислава Владимировича. Половцы беспрестанно беспокоили черниговскую землю. Союз с ними, устроенный Владимиром под Переяславлем, не мог быть прочен: во-первых, половцы – народ хищнический, не слишком свято держали всякие договоры; во-вторых, половцы разбивались на орды, находившиеся под предводительством разных князьков или ханов и называемых в наших летописях «чадью»; тогда как одни мирились с русским князем, другие нападали на его область. Владимир расправлялся с ними сколько это было возможно. Таким образом, когда двое половецких князьков опустошили окрестности северского пригорода Стародуба, Владимир, пригласив на помощь другую орду, разбил их, а потом под Новым Городом (Новгородом-Северским), рассеял орду другого по-

ловецкого князя и освободил пленников, которых половцы уводили в свои становища, называемые в летописях «вежами». На севере у Владимира были постоянные враги – полоцкие князья. Князь Всеслав напал на Смоленск, который оставался во власти Владимира и после того, как отец посадил его в Чернигове. В отмщение за это Владимир нанял половцев и водил их опустошать землю полоцкую: тогда досталось Минску; там, по собственному свидетельству Владимира, не оставлено было ни челядина (слуги), ни скотины. С другой стороны Владимир воевал с вятичами: этот славянский народ все еще упорно не поддавался власти Рюрика дома, и Владимир два раза ходил войной на Ходоту и сына его – предводителей этого народа. По приказанию отца, Владимир занимался делами и на Волыни: сыновья Ростислава овладели было этой страной; Владимир выгнал их и посадил Ярополка, Изяславова сына, а когда этот князь не поладил с киевским, то Владимир, по велению отца, прогнал его и посадил на Волыни князя Давида Игоревича, и в следующем году за тем (1086) опять посадил Ярополка. Тогда власть киевского князя в этом крае была еще сильна, и князья ставились и сменялись по его верховной воле.

В 1093 году умер Всеволод. Владимир не захотел воспользоваться своим положением и овладеть киевским столом, так как предвидел, что от этого произойдет междоусобие; он сам послал звать на киевское княжение сына Изяславова Святополка (княжившего в Турове), который был старше Влади-

мира летами и за которого, по-видимому, была значительная партия в киевской земле. Во все продолжение княжения Святополка Владимир оставался его верным союзником, действовал с ним заодно и не показал ни малейшего покушения лишить его власти, хотя киевляне уже не любили Святополка, а любили Владимира.

Владимир сделался, так сказать, душой всей русской земли; около него вращались все ее политические события.

Едва только уселся Святополк в Киеве, как половцы прислали к нему послов с предложением заключить мир, Святополк привел с собой из Турова дружину, людей ему близких. С ними он во всем совещался, и они посоветовали ему засадить половецких послов в погреб; когда после того половцы начали воевать и осадили один из пригородов киевской земли – Торцкий, Святополк выпустил задержанных послов и сам предлагал мир, но половцы уже не хотели мира. Тогда Святополк начал совещаться с киевлянами; советники его разделились во мнениях: одни, более отважные, порывались на бой, хотя у Святополка было наготове с оружием только восемьсот человек; другие советовали быть осторожнее, наконец порешили на том, чтобы просить Владимира помогать в обороне киевской земли от половцев.

Владимир отправился со своею дружиною, пригласил также своего брата Ростислава, бывшего на княжении в Переяславле. Ополчение трех князей сошлось на берегу реки Стугны, и там собрался совет.

Владимир был того мнения, что лучше, как бы ни было, устроить мир, потому что половцы были тогда соединены силами; то же доказывал боярин по имени Ян и еще кое-кто из дружины, но киевляне горячились и хотели непременно биться. Им уступили.

Ополчение перешло реку Стугну, пошло тремя отрядами, сообразно трем предводительствовавшим князьям, прошло Триполье и стало между валами. Это было 20 мая 1093 года.

Здесь половцы наступили на русских, гордо выставив в их глазах свои знамена. Сначала пошли они на Святополка, смяли его, потом ударили на Владимира и Ростислава. У русских князей силы было мало в сравнении с неприятелем; они не выдержали и бежали. Ростислав утонул при переправе через Стугну; Владимир сам чуть не пошел ко дну, бросившись спасать утопавшего брата. Тело утонувшего привезли в Киев и погребли у Св. Софии. Смерть Ростислава была приписана к Божию наказанию за жестокий поступок с печерским иноком старцем Григорием. Встретив этого старца, о котором тогда говорили, что он имеет дар предвидения, Ростислав спросил его: от чего приключится ему смерть. Старец Григорий отвечал: от воды. Ростиславу это не понравилось, и он приказал бросить Григория в Днепр; и за это злодеяние, как говорили, Ростислава постигла смерть от воды.

Дело этим не окончилось. Половцы дошли до Киева и между Киевом и Вышгородом на урочище Желани в другой раз жестоко разбили русских того же года 23 июля.

После этой победы половцы рассеялись по русским селам и пленили много людей. Современник в резких чертах описал состояние бедных русских, которых толпами гнали враги в свои вежи: «Печальные, измученные, истомленные голодом и жаждою, нагие и босые, черные от пыли, с окровавленными ногами, с унылыми лицами шли они в неволю и говорили друг другу: я из такого-то города, я из такой-то деревни, рассказывали о родных своих и со слезами возводили очи на небо к Всевышнему, ведущему все тайное».

В следующем 1094 году Святополк думал приостановить бедствия русского народа, заключил с половцами мир и женился на дочери половецкого хана Тугоркана. Но и этот год был не менее тяжел для русской земли: саранча истребила хлеб и траву на полях, а родство киевского князя с половецким не спасло Руси и от половцев. Когда одни половцы мирились и роднились с русскими, другие вели на Владимира его неумолимого соперника Олега. Олег, засланный византийцами в Родос, недолго там оставался. В 1093 году он уже был в Тмутаракани, выгнал оттуда двух князей, таких же безместных, как и он (Давида Игоревича и Володаря Ростиславича), и сидел некоторое время спокойно в этом городе, но в 1094 году, пригласивши половцев, пустился добывать ту землю, где княжил его отец. Владимир не дрался с ним, уступил ему добровольно Чернигов, вероятно и потому, что в Чернигове, как и прежде, были сторонники Олега. Сам Владимир уехал в Переяславль.

Тогда уже, как видно, выработался вполне характер Владимира и в нем созрела мысль действовать не для личных своих выгод, а для пользы всей русской земли, насколько он мог понимать ее пользу; главное же – энергически соединенными силами избавить русскую землю от половцев. До сих пор мы видели, что Владимир, насколько было возможно, старался устроить мир между русскими и половцами, но с этих пор он становится постоянным и непримиримым врагом половцев, воюет против них, подвигает на них всех русских князей и с ними все силы русских земель. Вражду эту он открыл поступком с двумя половецкими князьями: Китаном и Итларем. Князья эти прибыли к Переяславлю договариваться о мире, разумеется, с намерением нарушить этот мир, как делалось прежде. Китан стал между валами за городом, а Итларь с знатнейшими лицами приехал в город: с русской стороны отправился к половцам заложником сын Владимира Святослав.

Тогда же прибыл от Святополка киевлянин Славята и стал советовать убить Итларя, приехавшего к русским. Владимир сначала не решался на такое вероломство, но к Славяте пристали дружинники Владимира и говорили: «Нет греха в том, что мы нарушим клятву, потому что сами они дают клятву, а потом губят русскую землю и проливают христианскую кровь».

Славята с русскими молодцами взялся проникнуть в половецкий стан за городом и вывести оттуда Мономахова сы-

на Святослава, посланного к половцам заложником. С ним вместе взялись за это дело торки (народ того же племени, к которому принадлежали и половцы, но, будучи поселены на киевской земле, они верно служили Руси). В ночь 24 февраля они не только счастливо освободили Святослава, но умертвили Китана и перебили его людей.

Итляр находился тогда во дворе у боярина Ратибора; поутру 24 февраля Итляря с его дружиною пригласили завтракать к Владимиру; но только что половцы вошли в избу, куда их позвали, как за ними затворили двери, и сын Ратиборов Ольбег перестрелял их сверху через отверстие, сделанное в потолке избы. После такого вероломного поступка, который русские оправдывали тем, что их враги были так же вероломны, Владимир начал созывать князей против половцев, и в том числе Олега, от которого потребовал выдачи сына убитого Итляря. Олег не выдал его и не шел к князьям.

Киевский князь Святополк и Владимир звали Олега в Киев на совет об обороне русской земли. «Иди в Киев, – говорили ему князья, – здесь мы положим порядок о русской земле пред епископами, игуменами, перед мужами отцов наших и перед городскими людьми, как нам оборонять русскую землю». Но Олег высокомерно ответил: «Не пристало судить меня епископам, игуменам и смердам» (т.е. мужичью, переводя на наш способ выражения).

Тогда князья, пригласившие Олега, послали ему от себя такое слово: «Если ты не идешь на неверных и не приходишь

на совет к нам, то, значит, ты мыслишь на нас худое и хочешь помогать поганым. Пусть Бог нас рассудит».

Это было объявление войны. Итак, вместо того чтобы идти соединенными силами на половцев, Владимиру приходилось идти войною на своих. Владимир со Святополком выгнали Олега из Чернигова, осадили его в Стародубе и держали в осаде до тех пор, пока Олег не попросил мира. Ему даровали мир, но с условием, чтоб он непременно прибыл в Киев на совет. «Киев, – говорили князья, – старейший город на русской земле; там надлежит нам сойтись и положить поряд». Обе стороны целовали крест. Это было в мае 1096 года.

Между тем раздраженные половцы делали на Русь набеги. Хан половецкий Боняк со своею ордою жег окрестности Киева, а тесть Святополка Тугоркан, несмотря на родство с киевским князем, осадил Переяславль. Владимир со Святополком разбили его 19 мая; сам Тугоркан пал в битве, и его зять Святополк привез тело тестя в Киев: его похоронили между двумя дорогами: одною, ведущею в Берестово, и другою – в Печерский монастырь. В июле Боняк повторил свое нападение и 20 числа утром ворвался в Печерский монастырь. Монахи, отстояв заутреню, почивали в кельях; половцы выломали ворота, ходили по кельям, брали что попадалось под руки, сожгли церковные южные и северные двери, вошли в церковь, таскали из нее иконы и произносили оскорбительные слова над христианским Богом и законом. Тогда полов-

цы сожгли загородный княжеский двор, называемый красным, построенный Всеволодом на выдубичском холме, где впоследствии выстроен был Выдубицкий монастырь.

Олег не думал исполнять договора и являться в Киев на княжеский съезд. Вместо того он явился в Смоленск (где тогда неизвестно каким путем сел брат его Давид), набрал там войска и, вышедши оттуда, пошел вниз по Оке, ударил на Муром, который достался в управление сыну Мономаха Изяславу, посаженному на княжение в соседней ростовской земле. (Отец Олега Святослав, сидя в Чернигове, был в то же время на княжении и в Муроме, и потому Олег считал Муром своею отчиною). 6 сентября 1096 года Изяслав был убит в сече. Олег взял Муром и оковал всех найденных там ростовцев, белозерцев и суздальцев: видно, что князь Изяслав управлял муромцами при помощи людей своей земли. В Муроме и его волости в то время еще господствовало язычество; край был населен народом финского племени, муромою, и держался за князьями только посредством дружины, составлявшей здесь, вероятно, еще единственное славянское население в те времена. В Ростове, Суздале и Белозерске, напротив, славяно-русская стихия уже прежде пустила свои корни, и эти края имели свое местное русское население.

Олег, отвоевавши Муром, взял Суздаль и поступил сурово с его жителями: одних взял в плен, других разослал по своим городам и отнял их имущество. Ростов сдался Олегу сам. Возгордившись успехами, Олег затевал подчинить

своей власти и Новгород, где на княжении был другой сын Мономаха Мстислав, молодой князь, очень любимый новгородцами. Новгородцы предупредили покушение Олега и, прежде чем он мог встать с войском на новгородской земле, сами отправились на него на ростовско-суздальскую землю. Олег убежал из Суздаля, приказав в досаде сжечь за собою город, и остановился в Муроме. Мстислав удовлетворился тем, что выгнал Олега из ростовско-суздальской земли, которая никогда не была уделом ни Олега, ни его отца; предложил Олегу мир и предоставлял ему снестись со своим отцом. Мстислава располагало к уступчивости то, что Олег был его крестным отцом. Олег притворно согласился, а сам думал внезапно напасть на своего крестника; но новгородцы узнали об его намерении заблаговременно и вместе с ростовцами и белозерцами приготовились к бою. Враги встретились друг с другом на реке Колакше в 1096 году. Олег увидел у противников распущенное знамя Владимира Мономаха, подумал, что сам Владимир Мономах пришел с большою силою на помощь сыну, и убежал. Мстислав с новгородцами и ростовцами пошел по его следам, взял Муром и Рязань, мирно обошелся с муромцами и рязанцами, освободил людей ростовско-суздальской области, которых Олег держал в городах Муроме и Рязани пленниками; после того Мстислав послал к своему сопернику такое слово: «Не бегай более, пошли с мольбой к своей братьи; они тебя не лишат русской земли». Олег обещал сделать так, как предлагал ему победи-

тель.

Мономах дружелюбно обошелся со своим соперником, и памятником тогдашних отношений его к Олегу осталось современное письмо его к Олегу, очень любопытное не только потому, что оно во многом объясняет личность князя Владимира Мономаха, но и потому, что вообще оно составляет один из немногих образчиков тогдашнего способа выражения: «Меня, – пишет он, – принудил написать к тебе сын мой, которого ты крестил и который теперь недалеко от тебя: он прислал ко мне мужа своего и грамоту и говорит так: сладимся и примиримся, а братцу моему суд пришел; не будем ему мстителями; возложим все на Бога; пусть они станут пред Богом, мы же русской земли не погубим. Я послушался и написал; примешь ли ты мое писание с добром или с поруганием, – покажет ответ твой. Отчего, когда убили мое и твое дитя перед тобою, увидавши кровь его и тело его, увянувшее подобно едва распустившемуся цветку, отчего, стоя над ним, не вник ты в помыслы души своей и не сказал: зачем это я сделал? Зачем ради кривды этого мечтательного света причинил себе грех, а отцу и матери слезы? Тебе было бы тогда покаяться Богу, а ко мне написать утешительное письмо и прислать сноху мою ко мне... она тебе не сделала ни добра, ни зла; я бы с нею оплакал мужа ее и свадьбу их вместо свадебных песен. Я не видел прежде их радости, ни их венчания; отпусти ее как можно скорее, я поплачу с нею заодно и посажу на месте, как грустную горлицу на сухом

дереве, а сам утешусь о Боге. Так было и при отцах наших. Суд пришел ему от Бога, а не от тебя! Если бы ты, взявши Муром, не трогал Ростова, а прислал бы ко мне, мы бы уладились; рассуди сам, тебе ли следовало послать ко мне или мне к тебе? Если пришлешь ко мне посла или попа и грамоту свою напишешь с правдою, то и волость свою возьмешь, и сердце наше обратится к тебе, и будем жить лучше, чем прежде; я тебе не враг, не мститель».

Тогда, наконец, состоялось то, что долго замышлялось и никак не могло прийти к исполнению. В городе Любече съехались князья Святославичи – Олег, Давид и Ярослав, киевский Святополк, Владимир Мономах, волынский князь Давид Игоревич и червонорусские князья Ростиславичи: Володарь и Василько. С ними были их дружинники и люди их земель. Цель их совещания была – устроить и принять меры к охране русских земель от половцев. Всем делом заправлял Мономах.

«Зачем губим мы русскую землю, – говорили тогда князья, – зачем враждуем между собою? Половцы разоряют землю; они радуются тому, что мы друг с другом воюем. Пусть же с этих пор будет у всех нас единое сердце; соблюдаем свою отчину».

На этом съезде князья решили, чтобы все они владели своими волостями: Святополк Киевом, Владимир уделом отца своего Всеволода: Переяславлем, Суздалем и Ростовом; Олег, Давид и Ярослав – уделом Святослава, отца их: север-

скую землю и рязанскую; Давид Игоревич – Волынью, а Василько и Володарь городами: Теробовлем и Перемышлем с их землями, составлявшими тот край, который впоследствии назовется Галичиною. Все целовали крест на том, что если кто-нибудь из князей нападет на другого, то все должны будут ополчиться на зачинщика междоусобия. «Да будет на того крест честный и вся земля русская». Такой приговор произнесли они в то время.

До сих пор Владимир находился в самых приятельских отношениях к Святополку киевскому. Последний был человек ограниченного ума и слабого характера и подчинялся Владимиру, как вообще люди его свойств подчиняются лицам, более их сильным волей и более их умным. Но известно, что такие люди склонны подозревать тех, которым они невольно повинуются. Они им покорны, но в душе ненавидят их. Давид Игоревич был заклятый враг теробовльского князя Василька и хотел присвоить себе его землю. Возвращаясь на Волынь из Любеча через Киев, он уверил Святополка, что у Василька с Владимиром составился злой умысел лишить Святополка киевской земли. Сам Василько был человек предприимчивого характера; он уже водил половцев на Польшу; затем, как он сам потом признавался, думал идти на половцев, но, если верить ему, не думал делать ничего дурного русским князьям.

Натравленный Давидом Святополк звал к себе Василька на именины в то время, когда последний, возвращаясь из

Любеча домой, проезжал мимо Киева и, не заезжая в город, остановился в Выдубицком монастыре, отославши свой обоз вперед. Один из слуг Василька, или подозревая коварство, или, быть может, даже предостерегаемый кем-то, не советовал своему князю ехать в Киев: «Тебя хотят схватить», – говорил он. Но Василько понадеялся на крестное целование, немного подумал, перекрестился и поехал.

Было утро 5 ноября. Василько вошел в дом к Святополку и застал у него Давида. После первых приветствий они сели. Давид молчал. «Оставайся у меня на праздник», – сказал Святополк. «Не могу, брат, – отвечал Василько, – я уже отослал свой обоз вперед». – «Ну так позавтракай с нами», – сказал Святополк. Василько согласился. Тогда Святополк сказал: «Посидите здесь, а я пойду велю кое-что приготовить». Василько остался с Давидом и стал было вести разговор с ним, но Давид молчал и как будто ничего не слышал. Наконец Давид спросил слуг: «Где брат?» – «Стоит на сених», – отвечали ему. «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди», – сказал он Васильку и вышел. Тотчас слуги наложили на Василька оковы и приставили к нему стражу. Так прошла ночь.

На другой день Святополк созвал вече из бояр и людей киевской земли и сказал: «Давид говорит, что Василько убил моего брата Ярополка и теперь совещается с Владимиром; хотят убить меня и отнять мои города». Бояре и люди киевские сказали: «Ты, князь, должен охранять свою голову. Если Давид говорит правду, пусть Василько будет казнен, а ес-

ли неправду, то пусть Давид примет месть от Бога и отвечает перед Богом».

Ответ был двусмысленный и увертливый. Игумены были смелее и стали просить за Василька. Святополк ссылался на Давида. Сам Святополк готов был отпустить Василька на свободу, но Давид советовал ослепить его и говорил: «Если ты его отпустишь, то не будет княжения ни у меня, ни у тебя». Святополк колебался, но потом совершенно поддался Давиду и согласился на гнусное злодеяние.

В следующую ночь Василька повезли в оковах в Белгород, ввели в небольшую избу. Василько увидел, что ехавший с ним торчин стал точить нож, догадался, в чем дело, начал кричать и взывать к Богу с плачем. Вошли двое конюхов: один Святополков, по имени Сновид Изечевич, другой Давидов – Дмитрий; они постлали ковер и взялись за Василька, чтобы положить его на ковер. Василько стал с ними бороться; он был силен; двое не могли с ним справиться; подоспели на помощь другие, связали его, повалили и, сняв с печи доску, положили на грудь; конюхи сели на эту доску, но Василько сбросил их с себя. Тогда подошли еще двое людей, сняли с печи другую доску, навалили ее на князя, сами сели на доску и придавили так, что у Василька затрещали кости на груди. Вслед за тем торчин Беренда, овчар Святополка, приступил к операции: намереваясь ударить ножом в глаз, он сначала промахнулся и порезал Васильку лицо, но потом уже удачно вынул у него оба глаза один за другим. Василь-

ко лишился чувств. Его взяли вместе с ковром, на котором он лежал, положили на воз и повезли дальше по дороге во Владимир.

Проезжая через город Звиждень, привезли его к какой-то попадье и отдали ей мыть окровавленную сорочку князя. Попадья вымыла, надела на Василька и горько плакала, тронутая этим зрелищем. В это время Василько очнулся и закричал: «Где я?» Ему отвечали: «В Звиждене городе». – «Дайте воды!» – сказал Василько. Ему подали воды, он выпил – и мало-помалу совсем пришел в себя, вспомнил, что с ним происходило и, ощупав на себе сорочку, спросил: «Зачем сняли? Я бы в этой окровавленной сорочке принял смерть и стал перед Богом».

Пообедавши, злодеи повезли его во Владимир, куда прибыли на шестой день. Давид поместил Василька на дворе какого-то владимирского жителя Вакея и приставил к нему тридцать сторожей под начальством двух своих княжеских отроков, Улана и Колчка.

Услышал об этом прежде других князей Владимир Мономах и ужаснулся. «Этого не бывало ни при дедах, ни при прадедах наших», – говорил он. Немедленно позвал к себе черниговских князей Олега и Давида на совещание в Городец. «Надобно поправить зло, – говорил он, – а иначе еще большее зло будет, начнет брат брата умерщвлять, и погибнет земля русская, и половцы возьмут землю русскую». Давид и Олег Святославичи также пришли в ужас и говорили:

«Подобного не бывало еще в роде нашем». Действительно не бывало: в княжеском роде прежде случались варварские братоубийства, но ослеплений еще не бывало. Этот род злодеяния принесла в варварскую Русь греческая образованность.

Все три князя отправили к Святополку своих мужей с таким словом: «Зачем наделал ты зла в русской земле, зачем сверг нож в братью? Зачем ослепил брата? Если бы он был виноват перед тобою, ты бы должен был обличить его перед нами и доказать вину его: он был бы наказан, а теперь скажи: в чем его вина?» Святополк отвечал: «Мне сказал Давид Игоревич, что Василько убил брата моего Ярополка и меня хочет убить, чтобы захватить волость мою: Туров, Пинск, Берестье и Погорынье, говорил, что у него положена клятва с Владимиром: чтобы Владимиру сесть в Киеве, а Васильку в городе Владимире. Я поневоле оберегал свою голову. Не я его ослепил, а Давид; он его и увез к себе».

«Этим не отговаривайся, – отвечали князья, – Давид его ослепил, но не в Давидовом городе, а в твоём».

Владимир с князьями и дружинами хотел переходить через Днепр против Святополка; Святополк в страхе собирался бежать, но киевляне не пустили его и послали к Владимиру его мачеху и митрополита Николая с таким словом:

«Молим тебя, князь Владимир, и вместе с тобою братию твою князей, не губите русской земли; если вы начнете воевать между собою, поганые возрадуются и возьмут землю нашу, которую приобрели отцы ваши и деды ваши трудом и

храбростью; они боролись за русскую землю и чужие земли приобретали, а вы хотите погубить русскую землю».

Владимир очень уважал свою мачеху и склонился на ее мольбы. «Правда, – сказал он, – отцы и деды наши соблюдали русскую землю, а мы хотим ее погубить».

Княгиня, возвратившись в Киев, принесла радостную весть киевлянам, что Владимир склоняется на мир.

Князья стояли на левой стороне Днепра, в бору, и пересылались со Святополком. Наконец последнее их слово было таково: «Если это преступление Давидово, то пусть Святополк идет на Давида, пусть либо возьмет его, либо стонит с княжения».

Святополк целовал крест поступать по требованию Владимира и его товарищей.

Князья собрались идти на Давида, а Давид, узнав об этом, стал пытаться поладить с Васильком и заставить его самого отклонить от Давида опасность, которой подвергался Давид за Василька.

Призвал ночью Давид какого-то Василия, которого рассказ включен в летопись целиком. Давид сказал ему:

«Василько в эту ночь говорил Улану и Колчке, что ему хочется послать от себя мужа своего к князю Владимиру. Пошлю тебя, Василий, идти к одноименнику своему и скажи ему от меня: если ты пошлешь своего мужа к Владимиру и Владимир воротится, я дам тебе какой хочешь город: либо Всеволожь, либо Шепель, либо Перемиль». Василий отпра-

вился к Васильку и передал ему речь Давида. «Я ничего такого не говорил, – сказал Василько, – но готов послать мужа, чтобы не проливали из-за меня крови; дивно только, что Давид дает мне города свои, а мой Теробовль у него. Ступай к Давиду и скажи, пусть пришлет ко мне Кульмея. Я пошлю его к князю Владимиру». Василий сходил к Давиду и, воротившись, сказал, что Кульмея нет.

Василько сказал: «Посиди со мной немного». Он велел слуге выйти вон и говорил Василию:

«Слышу, что Давид хочет меня отдать ляхам, не насытился он еще моей кровью; еще больше хочет упиться ею. Я много зла наделал ляхам и хотел еще наделать и мстить им за русскую землю. Пусть выдает меня ляхам, смерти я не боюсь. Скажу только тебе по правде. Наказал меня Бог за мое высокомерие; ко мне пришла весть, что идут ко мне берендичи, печенеги, торки, и я сказал себе в уме: как будут у меня берендичи, печенеги, торки, скажу я брату своему Володарю и Давиду: дайте мне свою меньшую дружину, а сами пейте себе и веселитесь; я же зимою пойду на ляхскую землю, а на лето завоюю ляхскую землю и отомщу за русскую землю. Потом я хотел овладеть дунайскими болгарами и поселить их у себя, а потом хотел проситься у Святополка и Владимира идти на половцев: либо славу себе найду, либо голову сложу за русскую землю; иного помышления у меня в сердце не было ни на Святополка, ни на Давида. Клянусь Богом и его пришествием, не мыслил я никакого зла брату; но за мое

возношение низложил меня Бог и смирил!» Неизвестно, чем кончились эти сношения Давида с Васильком, но, вероятно, Василько остановил Владимира, потому что в этом году не было от него нападения на Давида. Наступала Пасха. Давид не выпустил Василька и, напротив, хотел захватить волость ослепленного; он пошел туда с войском, но у Божска встретил его Володарь. Давид был такой же трус, как и злодей. Он не осмелился вступить в бой и заперся в Божске. Володарь осадил его и послал к нему такое слово: «Зачем наделал зла и еще не каешься. Опомнись!» – «Разве я это сделал, – отвечал Давид, – разве в моем городе это сделалось? Виною всему Святополк: я боялся, чтобы и меня не взяли и не сделали со мною того же; поневоле пришлось мне пристать к нему в совет, был у него в руках».

Володарь не перечил ему, стараясь только о том, как бы выручить брата из неволи. «Бог свидетель всему этому, – послал он сказать Давиду, – а ты выпусти моего брата, и я с тобой примирюсь».

Давид обрадовался, приказал привести слепого и отдал его Володарю. Они заключили мир и разошлись.

Но на другую весну (1098) Володарь и Василько с войском шли на Давида. Они подошли к городу Всеволожу, взяли его приступом и зажгли; жители бежали, Василько приказал всех их истребить и мстил за себя невинным людям, замечает летописец, Василько показал, что хотя он и был несчастен, но вовсе не любил русской земли в той мере, как говорил.

Братья подошли к Владимиру. Трусливый Давид заперся в нем. Братья князя послали к владимирцам такое слово:

«Мы пришли не на ваш город и не на вас, а пришли мы на врагов своих: на Туряка, Лазаря и Василия, – они подговорили Давида; он их послушал и сделал зло. Если хотите биться за них, – и мы готовы; а не хотите, – так выдайте врагов наших».

Владимирские граждане собрались на вече и так сказали Давиду:

«Выдай этих мужей, мы за них не бьемся; за тебя же биться можем; если не выдашь, – мы отворим город, а ты сам о себе промышляй как знаешь».

Давид отвечал: «Их нет здесь, я послал их в Луцк; Туряк бежал в Киев, Василий и Лазарь в Турийске».

«Выдай тех, кого они хотят, – крикнули горожане, – а не то – мы сдадимся!»

Давиду нечего было делать. Он послал за своими любимцами: Василием и Лазарем, и выдал их.

Братья Ростиславичи по заре повесили Василия и Лазаря перед городом, а сыновья Василька расстреляли их стрелами. Совершивши казнь, они отступили от города.

После этой расправы на Давида пошел Святополк, который до сих пор медлил исполнением княжеского приговора наказать Давида за его злодеяние. Давид искал помощи у польского князя Владислава Германа, но последний взял с него деньги за помощь и не помог. После семинедельной

осады во Владимире Давид сдался и уехал в Польшу.

В великую субботу 1098 года Святополк вошел во Владимир. Овладев Волынью, киевский князь думал, что не худо таким же способом овладеть и волостями Ростиславичей, за которые он начал войну с Давидом. Володарь, предупреждая нападение, вышел против киевского князя и взял с собою слепого брата. Враги встретились на урочище, называемом Рожново поле. Когда рати готовы были ударить друг против друга, вдруг явился слепой Василько с крестом в руке и кричал, обращая речь свою к Святополку:

«Вот крест, который ты целовал перед тем, как отнял у меня зрение! Теперь ты хочешь отнять у меня душу. Этот честный крест рассудит нас!»

Произошла жестокая битва. Ростиславичи победили. Святополк бежал во Владимир. Победители не погнались за ним. «С нас довольно стать на своей меже», – говорили они.

Тогда у Ростиславичей и у их врага Давида явилось общее дело: защищать себя от Святополка, тем более, что киевский князь не думал оставлять их в покое и, посадив одного из своих сыновей, Мстислава, во Владимире-Волынском, другого, Ярослава, послал к уграм (венграм) подвигать их на Володаря, а сам ушел в Киев, вероятно, замышляя посадить этого самого Ярослава в уделе Ростиславичей, выгнавши последних, подобно тому, как он уже выгнал Давида. Святополк хотел воспользоваться вспыхнувшею враждою между Давидом и Ростиславичами для того, чтобы доставить на их

счет владения своим сыновьям. Давид прибыл из Польши и сошелся с Володарем. Заклятые враги помирились, и Давид оставил свою жену у Володаря, а сам отправился нанимать половецкую орду, которою управлял воинственный и свирепый хан Боняк. Вероятно, Давид успел уверить Володаря, что в самом деле виной злодеяния, совершенного над Васильком, был не он, а Святополк.

Володарь сидел в Перемышле. Пришли венгры со своим королем Коломаном, приглашенные Ярославом Святополковичем, и осадили Перемышль. На счастье Володаря Давиду не пришлось далеко ездить за половцами: он встретил Боняка где-то недалеко и привел его в Перемышль.

Накануне ожидаемой битвы с венграми, Боняк в полночь отъехал от войска в поле и стал выть по-волчьи. Ему вторили голоса множества волков. Таково было половецкое гаданье. «Завтра, – сказал Боняк, – мы победим угров». Дикое предсказание половецкого хана сбылось. «Боняк, – говорит современный летописец, – сбил угров в мяч так, как сокол сбивает галок». Венгры бежали. Много их потонуло и в Вагре и в Сане. Давид двинулся к Владимиру и овладел Владимирскою волостью. В самом городе сидел Мстислав Святополкович с засадой (гарнизон), состоявшей из жителей владимирских пригородов: берестьян, пинян и выгошевцев. Давид начал делать приступы: дождем сыпались с обеих сторон стрелы: осаждающие закрывались подвижными вежами (башнями); осажденные стояли на стенах за досками; таков

был тогдашний способ войны. В одну из таких перестрелок, 12 июня 1099 года, стрела сквозь скважину доски поразила насмерть князя Мстислава. Осажденные после его смерти терпели тягостную осаду до августа, наконец Святополк прислал к ним на выручку войско. Августа 5 Давид не устоял в битве с присланным войском и бежал к половцам. Победители ненадолго овладели Владимиром и Луцком. Давид, пришедши с Боняком, отнял у них и тот и другой город.

Намерение Мономаха соединить князей на единое дело против половцев не только не привело к желанной цели, а, напротив, повело к многолетней войне между князьями; для русской земли от этого умножилось горе. Однако на следующий 1100 год Мономаху таки удалось опять устроить между князьями совещание и убедить Давида Игоревича отдаться на княжеский суд. Давид сам прислал к князьям послов по этому делу. К сожалению, мы не знаем подробностей подготовки к этому делу. 10 августа князья: Владимир Мономах, Святополк, Олег с братом Давидом сошлись в Витичеве, а через двадцать дней, 30 августа, они снова сошлись на том же месте, и уже тогда был с ними Давид Игоревич.

«Кому есть на меня жалоба?» – спросил Давид Игоревич. «Ты присылал к нам, – сказал Владимир, – объявил, что хочешь жаловаться перед нами за свою обиду. Вот теперь ты сидишь с братьею на одном ковре. На кого у тебя жалоба?» Давид ничего не отвечал.

Тогда князья сели на лошадей и стали врознь каждый со

своею дружиною. Давид Игоревич сидел особо. Князья рассуждали о Давиде: сначала каждый князь со своею дружиною, а потом совещались между собою и послали Давиду от каждого князя мужей. Эти мужи сказали Давиду такую речь:

«Вот что говорят тебе братья: не хотим тебе дать стола Владимирского за то, что ты вверг нож между нас, сделал то, чего еще не бывало в русской земле: но мы тебя не берем в неволю, не делаем тебе ничего худого, седи себе в Бужске и в Остроге; Святополк придает тебе Дубен и Чарториск, а Владимир дает тебе 200 гривен да еще Олег и Давид дают тебе 200 гривен». Потом князья послали к Володарю такое слово: «Возьми к себе брата своего Василька; будет вам обоим Перемышль. Хотите, живите вместе, а не хотите-отпусти Василька к нам; мы будем его кормить!»

Володарь с гневом принял такое предложение; Святополк и Святославичи хотели выгнать Ростиславичей из их волости и послали приглашать к участию в этом предприятии Владимира, который после съезда в Витичеве поехал в северные свои области и был на Волге, когда пришел к нему вызов от Святополка идти на Ростиславичей: «Если ты не пойдешь с нами, то мы будем сами по себе, а ты сам по себе». Видно, что и на витичевском съезде Владимир не ладил с князьями и не совсем одобрял их постановления: «Я не могу идти на Ростиславичей, – отвечал он им, – и преступать крестное целование. Если вам не нравится последнее, принимайте прежнее» (т.е. постановленное в Любече). Владимир был тогда

огорчен, как показывают и слова в его духовной, касающиеся описываемого события. По этому поводу он счел уместным привести выражение из псалтыря: «Не ревнуй лукавствующим, не завиди творящим беззаконие!» В самом деле, то, чем покончили князья свои междоусобия, мало представляло справедливости. Владимир не противоречил им во многом, потому что желал как бы то ни было прекратить междоусобия, чтобы собрать силы русских земель против общих врагов половцев.

Святополку, как киевскому князю, хотелось, подобно своим предшественникам, власти над Новгородом, и для этого желал он посадить в Новгороде своего сына, между тем там уже был князем сын Мономаха Мстислав. Владимир уступил Святополку, а вместо новгородского княжения Святополк обещал Мстиславу Владимирское.

Мономах призвал Мстислава из Новгорода в Киев, но вслед за Мстиславом приехали новгородские послы и повели такую речь Святополку:

«Приславшие нас велели сказать: не хотим Святополка и сына его; если у него две головы, то посылай его. Нам дал Мстислава Всеволод, мы его вскормили, а ты, Святополк, уходил от нас».

Святополк не мог их переспорить и не в состоянии был принудить новгородцев исполнить его волю. Мстислав опять вернулся в Новгород. Новгород, по своему местоположению за неприступными болотами и дремучими лесами, чувство-

вал свою безопасность. Туда нельзя было навести ни половцев, ни ляхов; нельзя было с иноземною помощью овладеть Новгородом.

С тех пор Владимир непрерывно обращал свою деятельность на ограждение русской земли от половцев. В 1101 году Владимир поднял князей против них, но половцы, услышав о сборах русских князей, одновременно от разных орд прислали просьбу о мире. Русские согласились на мир, готовые наказать половцев за первое вероломство. В 1103 году этот мир был нарушен половцами, и Мономах побудил русских князей предпринять первый наступательный поход на половецкую землю соединенными силами. В летописи этот поход описан с большим сочувствием, и видно, что он сделал впечатление на современников. Киевский князь со своею дружиною и Владимир со своею сошлись на Долобске (на левой стороне Днепра близ Киева). Князья совещались в шатре. Святополкова дружина была против похода. Тогда раздавались такие голоса: «Теперь весна, как можно отрывать смерда от пашни; ему надобно пахать».

Но Владимир на это возразил: «Удивительно, что вы не жалеете смерда, а жалеете лошадь, на которой он пашет. Начнет смерд пахать, прибежит половчин и отымет у него лошадь, и его самого ударит стрелою, и ворвется в село, и жену и детей его возьмет в полон».

Дружина Святополкова ничего на это не могла возразить, и Святополк сказал: «Я готов».

«Ты много добра сделаешь», – сказал ему на это Мономах. После долобского совещания князья стали приглашать черниговских князей принять участие в походе, а за ними и других князей. Давид послушался, а Олег отговорился нездоровьем. Он неохотно ссорился с половцами, которые помогли ему взять Чернигов, и, быть может, рассчитывал, что дружба с ними пригодится ему и его детям. Прибыл со своей дружиной полоцкий князь Давид Всеславич, прибыли и некоторые другие князья. Русские шли конные и пешие: последние на ладьях по Днепру до Хортицы. После четырехдневного пути степью от Хортицы на урочище, называемом Сутень, русские 4 апреля встретили половцев и разбили их наголову. Половцы потеряли до двадцати князей. Один из их князей Белдюзь попался в плен и предлагал за себя большой выкуп золотом, серебром, лошадьми и скотом, но Владимир сказал ему: «Много раз поставляли вы с нами договор, а потом ходили воевать русскую землю; зачем ты не учил сынов своих и род свой не преступать договора и не проливать христианской крови?» Он приказал затем убить Белдюзя и рассечь по членам его тело. Русские набрали тогда много овец, скота, верблюдов и невольников.

В 1107 году воинственный Боняк и старый половецкий князь Шарукан задумали отомстить русским за прежнее поражение, но были разбиты наголову под Лубнами. В 1109 году Владимир посылал воеводу Димитрия Иворовича к Дону: русские нанесли большое разорение половецким вежам. За

это на другой год половцы опустошили окрестности Переяславля, а на следующий Владимир опять с князьями предпринял поход, который более всех других облекся славою в глазах современников. Предание связало с ним чудодейственные предзнаменования. Рассказывают, что февраля 11 ночью над Печерским монастырем появился огненный столб: сначала он стал над каменною трапезою, перешел оттуда на церковь, потом стал над гробом Феодосия, наконец поднялся по направлению к востоку и исчез. Явление это сопровождалось молнией и громом. Грамотеи растолковали, что это был ангел, возвещавший русским победу над неверными. Весной Владимир с сыновьями, киевский князь Святополк со своим сыном, Ярослав и Давид с сыном на второй неделе поста отправились к Суле, перешли через Псёл, Ворсклу и 23 марта пришли к Дону, а 27 в страстной понедельник разбили наголову половцев на реке Сальнице и воротились обратно со множеством добычи и пленников. Тогда, говорит летопись, слава о подвигах русских прошла ко всем народам: грекам, ляхам, чехам и дошла даже до Рима. С тех пор надолго половцы перестали тревожить русскую землю.

В 1113 году умер Святополк, и киевляне, собравшись на вече, избрали Владимира Мономаха своим князем; но Владимир медлил; между тем киевляне, недовольные поборами своего покойного князя, напали на дом его любимца Путяты и разграбили жидов, которым потакал Святополк во время своего княжения и поверял собрание доходов. В другой раз

послали киевляне к Владимиру послов с такой речью: «Иди, князь, в Киев, а не пойдешь, так разграбят и княгиню Святополкову, и бояр, и монастыри; и будешь ты отвечать, если монастыри ограбят». Владимир прибыл в Киев и сел на столе по избранию киевской земли.

Время его княжения до смерти, последовавшей в 1125 году, было периодом самым цветущим в древней истории Киевской Руси. Уже ни половцы и никакие другие иноплеменники не беспокоили русского народа. Напротив, сам Владимир посылал своего сына Ярополка на Дон, где он завоевал у половцев три города и привел себе жену, дочь ясского князя, необыкновенную красавицу. Другой сын Владимира Мстислав с новгородцами нанес поражение Чуди на балтийском побережье, третий сын Юрий победил на Волге болгар. Удельные князья не смели заводить междоусобиц, повиновались Мономаху и в случае строптивости чувствовали его сильную руку. Владимир прощал первые попытки нарушить порядок и строго наказывал вторичные. Так, например, когда Глеб Мстиславич, один из кривских князей, напал на Слуцк и сжег его, Владимир пошел на Глеба войною, но Глеб поклонился Владимиру, просил мира, и Владимир оставил его княжить в Минске; но несколько лет спустя, вероятно, за такой же проступок, Владимир вывел Глеба из Минска, где он и умер. Точно так же в 1118 году Владимир, собрав князей, пошел на волынского князя Ярослава Святополковича, и когда Ярослав покорился ему и ударил челом, он оставил

его во Владимире, сказав ему: «Всегда иди, когда я тебя позову». Но потом Ярослав напал на Ростиславичей и навел на них ляхов; кроме того, он дурно обращался со своею женою; Владимир сердился на него и за это. Владимир выгнал Ярослава, отдавши Владимир-Волынский своему сыну Андрею. Ярослав покушался возвратить себе Владимир с помощью ляхов, венгров и чехов, но не успел, и был изменнически убит ляхами.

Не так удачны были дела Мономаха с Грецией. Он отдал свою дочь за Леона, сына византийского императора Диогена, но вслед за тем в Византии произошел переворот. Диоген был низвергнут Алексеем Комнином. Леон с помощью тестя хотел приобрести себе независимую область в греческих владениях на Дунае, но был умерщвлен убийцами, подосланными Комнином. Леон оставил сына, для которого Мономах хотел приобрести то же самое владение в Греции, которого добивался Леон, и сначала воевода Владимиров Войтишич, посадил было Владимировых посадников в греческих дунайских городах, но греки прогнали их, а в 1122 году Владимир помирился с преемником Алексея, Иоанном Комнином и отдал за него свою внучку, дочь Мстислава.

Владимир Мономах является в русской истории законодателем. Еще ранее его, при детях Ярослава, в «Русскую Правду» вошли важные изменения и дополнения. Важнейшее из изменений было то, что месть за убийство была устранена, а вместо того введено наказание платежом вир. Это повлек-

ло к усложнению законодательства и к установлению многих статей, касающихся разных случаев обид и преступлений, которые влекли за собой платеж вир в различном размере. Таким образом, различные размеры вирных платежей назначались за разного рода оскорбления и побои, наносимые одними лицами другим, как равно и за покражу разных предметов. Независимо от платежа виры за некоторые преступления, как например, за разбойничество и зажигательство, виновный подвергался потоку и разграблению – древнему народному способу наказания преступника. Убийство вора не считалось убийством, если было совершено при самом воровстве, когда вор еще не был схвачен. При Мономахе, на совете, призванном им и составленном из тысяцких: киевского, белгородского, переяславского и людей своей дружины, постановлено было несколько важных статей, клонившихся к ограждению благосостояния жителей. Ограничено произвольное взимание рез (процентов), которое при Святополке доходило до больших злоупотреблений и вызвало по смерти этого князя преследование жидов, бывших ростовщиками. При Владимире установлено, что ростовщик может брать только три раза проценты и если возьмет три раза, то уже теряет самый капитал. Кроме того, постановлен был дозволенный процент: 10 кун за гривну, что составляло около трети или несколько более, если принимать упоминаемую гривну гривною куна.⁹

⁹ Гривна была – гривна серебра и гривна кун. Гривна серебра была двоякая:

Частые войны и нашествия половцев разоряли капиталы, являлись неоплатные должники, а под видом их были и плуты. Торговые предприятия подвергали купца опасностям; от этого и те, которые давали ему деньги, также находились в опасности потерять свой капитал. Отсюда и высокие проценты. Некоторые торговцы брали у других купцов товары, не платя за них деньги вперед, а выплачивали по выручке с процентами; по этому поводу возникали обманы. При Владимире положено было различие между тем неоплатным купцом, который потерпит нечаянно от огня, от воды или от неприятеля, и тем, который испортит чужой товар, или пропьет его, или «пробьется», т.е. заведет драку, а потом должен будет заплатить виру или «продажу» (низший вид виры). При несостоятельности купца следовало принимать во внимание: от какой причины он стал несостоятелен. В первых случаях, т.е. при нечаянном разорении, купец не подвергался насилию, хотя не освобождался от платежа долга. Некоторые брали капитал от разных лиц, а также и у князей. В случае несостоятельности такого торговца его вели на торг и продавали его имущество. При этом гость, т.е. человек из иного города или чужеземец, имел первенство перед другими заимодавцами, а за ним князь, потом уже прочие заимодавцы получали остальное. Набеги половцев, проценщина, корыстолю-

большая, состоявшая в серебряных кусках, которые попадают весом от 43 до 49 золот., и гривна малая – в кусках от 35 до 32 золот. Семь гривен кун составляло гривну серебра, следовательно, гривна кун составляла приблизительно от 6 до 7 или от 5 до 6 золотников серебра.

бие князей и их чиновников – все способствовало тому, что в массе народа умножались бедняки, которые, не будучи в состоянии прокормить себя, шли в наемники к богатым. Эти люди назывались тогда «закупами». С одной стороны, эти закупы, взяв от хозяина деньги, убегали от него, а с другой – хозяева взводили на них разные траты по хозяйству и на этом основании притесняли и даже обращали в рабство. Закон Мономаха позволял закупу жаловаться на хозяина князю или судьям, налагал определенную пеню за сделанные ему обиды и притеснения, охранял его от притязания господина в случае пропажи или порчи какой-нибудь вещи, когда на самом деле закуп был не виноват; но зато с другой стороны – угрожал закупу полным рабством в случае, если он убежит, не выполнив условия. Кроме закупов, служащих во дворах хозяев, были закупы «ролейные» (поселенные на землях и обязанные работою владельцу). Они получали плуги и бороны от владельца, что показывает обеднение народа; хозяева нередко придирались к таким закупам под предлогом, что они испортили данные им земледельческие орудия, и обращали в рабство свободных людей. Отсюда возникла необходимость определить: кто именно должен считаться холопом. Законодательство Владимира Мономаха определило только три случая обращения в холопство: первый случай, когда человек сам добровольно продавал себя в холопы или когда господин продавал его на основании прежних прав над ним. Но такая покупка должна была непременно совершаться при

свидетелях. Второй случай обращения в рабство – принятие в супружество женщины рабского происхождения (вероятно, случилось, что женщины искали освобождения от рабства посредством замужества). Третий случай, когда свободный человек без всякого договора делается должностным лицом у частного человека (тиунство без ряду, или привяжет ключ к себе без ряду). Вероятно, это было постановлено потому, что некоторые люди, приняв должность, позволяли себе разные беспорядки и обманы, и, за неимением условий, хозяева не могли искать на них управы. Только исчисленные здесь люди могли быть обращаемы в холопы. За долги нельзя было обращать в холопство, и всякий, кто не имел возможности заплатить, мог отработать свой долг и отойти. Военнопленные, по-видимому, также не делались холопами, потому что об этом нет речи в «Русской Правде» при перечислении случаев рабства. Холоп был тесно связан с господином: господин платил его долги, а также выплачивал цену украденного его холопом. Прежде, при Ярославе, за побои, нанесенные холопом свободному человеку, следовало убить холопа, но теперь постановили, что в таком случае господин платил за раба пенью. Холоп вообще не мог быть свидетелем, но когда не было свободного человека, тогда принималось и свидетельство холопа, если он был должностным лицом у своего господина. За холопа и рабу вира не полагалась, но убийство холопа или рабы без вины наказывалось платежом князю «продажи». По некоторым данным ко временам Мо-

номаха следует отнести постановления о наследстве.

Вообще, по тогдашнему русскому обычному праву, все сыновья наследовали поровну, а дочерям обязывались выдавать приданое при замужестве; меньшому сыну доставался отцовский двор. Каждому, однако, предоставлялось распорядиться своим имуществом по завещанию. В правах наследства бояр и дружинников и в правах смердов существовала та разница, что наследство бояр и дружинников ни в каком случае не переходило к князю, а наследство смерда (простого земледельца) доставалось князю, если смерд умирал бездетным. Женино имение оставалось неприкосновенным для мужа. Если вдова не выходила замуж, то оставалась полной хозяйкой в доме покойного мужа, и дети не могли удалить ее. Замужняя женщина пользовалась одинаковыми юридическими правами с мужчиной. За убийство или оскорбления, нанесенные ей, платилась одинаковая вира, как за убийство или оскорбления, нанесенные мужчине.

Местом суда в древности были: княжеский двор и торг, и это означает, что был суд и княжеский, но был суд и народный – вечевой, и, вероятно, постановления Русской Правды, имеющие главным образом в виду соблюдение княжеских интересов, не обнимали всего вечевого суда, который придерживался давних обычаев и соображений, внушенных данными случаями. Доказательствами на суде служили: показания свидетелей, присяга и, наконец, испытание водою и железом; но когда было введено последнее – мы не знаем.

Эпоха Владимира Мономаха была временем расцвета состояния художественной и литературной деятельности на Руси. В Киеве и в других городах воздвигались новые каменные церкви, украшенные живописью: так, при Святополке построен был в Киеве Михайловский Золотоверхий монастырь, стены которого существуют до сих пор, а близ Киева – Выдубицкий монастырь на месте, где был загородный двор Всеволода; кроме того, Владимир перед смертью построил прекрасную церковь на Альте, на том месте, где был убит Борис. К этому времени относится составление нашей первоначальной летописи. Игумен Сильвестр (около 1115 года) соединил в один свод прежде существовавшие уже отрывки и, вероятно, сам прибавил к ним сказания о событиях, которых был свидетелем. В числе вошедших в его свод сочинений были и писания летописца Печерского монастыря Нестора, отчего весь Сильвестров летописный свод носил потом в ученном мире название Несторовой летописи, хотя и неправильно, потому что далеко не все в ней писано Нестором, и притом не все могло быть писано одним только человеком. Мысль описывать события и расставлять их последовательно по годам явилась вследствие возникшего знакомства с византийцами-летописцами, из которых некоторые, как, например, Амартол и Малала были тогда известны в славянском переводе. Сильвестр положил начало русскому летописанию и указал путь другим после себя. Его свод был продолжаем другими летописцами по годам и разветвился на

многие отрасли, сообразно различным землям русского мира, имевшим свою отдельную историю. Непосредственным и ближайшим по местности продолжением Сильвестрова летописного свода была летопись, занимающаяся преимущественно киевскими событиями и написанная в Киеве разными лицами, сменившими одно другое. Летопись эта называется «Киевскою»; она захватывает время Мономаха, идет через все XII столетие и прерывается на событиях начальных годов XIII столетия. Во времена Мономаха, вероятно, было переведено многое из Византийской литературы, как показывают случайно уцелевшие рукописи, которые относят именно к концу XI и началу XII века. Из нашей первоначальной летописи видно, что русские грамотные люди могли читать на своем языке Ветхий Завет и жития разных святых. Тогда же по образцу византийских жизнеописателей стали составлять жития русских людей, которых уважали за святость жизни и смерти. Так, в это время уже написано было житие первых основателей Печерской обители: Антония и Феодосия и положено было преподобным Нестором, печерским летописцем, начало Патерика, или сборника житий печерских святых, сочинения, которое, расширяясь в объеме от новых добавлений, составляло впоследствии один из любимых предметов чтения благочестивых людей. В этот же период написаны были жития Св. Ольги и Св. Владимира монахом Иаковом, а также два отличных одно от другого повествования о смерти князей Бориса и Глеба, из которых од-

но приписывается тому же монаху Иакову. От современника Мономахова, киевского митрополита Никифора, родом грека, осталось одно Слово и три Послания: из них два обращены к Владимиру Мономаху, из которых одно обличительное против латин. Тогда уже окончательно образовалось разделение церквей; вражда господствовала между писателями той и другой церкви, и греки старались привить к русским свою ненависть и злобу к Западной церкви. Другой современник Мономаха, игумен Даниил, совершил путешествие в Иерусалим и оставил по себе описание этого путешествия. Несомненно, кроме оригинальных и переводных произведений собственно религиозной литературы, тогда на Руси была еще поэтическая самобытная литература, носившая на себе более или менее отпечаток старинного язычества. В случайно уцелевшем поэтическом памятнике конца XII века: «Слово о полку Игоря» упоминается о певце Бояне, который прославлял события старины и между прочим события XI века; по некоторым признакам можно предположить, что Боян воспевал также подвиги Мономаха против половцев. Этот Боян был так уважаем, что потомство прозвало его Соловьем старого времени. Сам Мономах написал «Поучение своим детям», или так называемую Духовную. В ней Мономах излагает подробно события своей жизни, свои походы, свою охоту на диких коней (зубров?), вепрей, туров, лосей, медведей, свой образ жизни, занятия, в которых видна его неутомимая деятельность. Мономах дает детям своим советы как

вести себя. Эти советы, кроме общих христианских нравоучений, подкрепляемые множеством выписок из Священного Писания, свидетельствующих о начитанности автора, содержат в себе несколько черт любопытных, как для личности характера Мономаха, так и для его века. Он вовсе не велит князьям казнить смертью кого бы то ни было. «Если бы даже преступник и был достоин смерти, – говорит Мономах, – то и тогда не следует губить души». Видно, что князья в то время не были окружены царственным величием и были доступны для всех, кому была до них нужда: «Да не посмеются приходящие к вам ни дому вашему, ни обеду вашему». Мономах поучает детей все делать самим, во все вникать, не полагаться на тиунов и отроков. Он завещает им самим судить и защищать вдов, сирот и убогих, не давать сильным губить слабых, приказывает кормить и поить всех приходящих к ним. Гостеприимство считается у него первою добродетелью: «Более всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел: посол ли, знатный ли человек или простой, всех угощайте брашном и питием, а если можно, дарами. Этим прославится человек по всем землям», завещает им посещать больных, отдавать последний долг мертвым, помня, что все смертны, всякого встречного обласкать добрым словом, любить своих жен, но не давать им над собою власти, почитать старших себя как отцов, а младших как братьев, обращаться к духовным за благословением, отнюдь не гордиться своим званием, помня, что все поручено им Богом на малое время, и не

хоронить в земле богатств, считая это великим грехом. Относительно войны Мономах советует детям не полагаться на воевод, самим наряжать стражу, не предаваться пирам и сну в походе, и во время сна в походе не снимать с себя оружие, а проходя с войском по русским землям ни в каком случае не позволять делать вред жителям в селах или портить хлеб на полях. Наконец, он велит им учиться и читать и приводит пример отца своего Всеволода, который, сидя дома, выучился пяти языкам.

Мономах скончался близ Переяславля у любимой церкви, построенной на Альте, 19 мая 1125 года, семидесяти двух лет от роду. Тело его было привезено в Киев. Сыновья и бояре понесли его к Св. Софии, где он и был погребен. Мономах оставил по себе память лучшего из князей. «Все злые умыслы врагов, – говорит летописец, – Бог дал под руки его; украшенный добрым нравом, славный победами, он не возносился, не величался, по заповеди Божией добро творил врагам своим и паче меры был милостив к нищим и убогим, не щадя имущества своего, но все раздавая нуждающимся». Монахи прославляли его за благочестие и за щедрость монастырям. Это-то благодушие, соединенное в нем с энергической деятельностью и умом, вознесло его так высоко и в глазах современников, и в памяти потомства.

Вероятно, народные эпические песни о временах киевского князя Владимира Красное Солнышко, так называемые былины Владимирова цикла, относятся не к одному Влади-

миру Святому, но и ко Владимиру Мономаху, так что в поэтической памяти народа эти два лица слились в одно. Наше предположение может подтверждаться следующим: в Новгородской летописи под 1118 годом Владимир с сыном своим Мстиславом, княжившим в Новгороде, за беспорядки и грабежи призвал из Новгорода и посадил в тюрьму сотского Ставра с несколькими соумышленниками его, новгородскими боярами. Между былинами Владимирова цикла есть одна былина о Ставре боярине, которого киевский князь Владимир засадил в погреб (тюрьмами в то время служили погреба), но Ставра освободила жена его, переодевшись в мужское платье. Имя Владимира Мономаха было до того уважаемо потомками, что впоследствии составила сказка о том, будто византийский император прислал ему знаки царского достоинства, венец и бармы, и через несколько столетий после него спустя московские государи венчались венцом, который называли «шапкою» Мономаха.

Рассуждая беспристрастно, нельзя не заметить, что Мономах в своих наставлениях и в отрывках о нем летописцев является более безупречным и благодушным, чем в своих поступках, в которых проглядывают пороки времени, воспитания и среды, в которой он жил. Таков, например, поступок с двумя половецкими князьями, убитыми с нарушением данного слова и прав гостеприимства; завещая сыновьям умеренность в войне и человеколюбие, сам Мономах, однако, мимоходом сознается, что при взятии Минска, в котором

он участвовал, не оставлено было в живых ни челядина, ни скотины. Наконец, он хотя и радел о русской земле, но и себя не забывал и, наказывая князей действительно виноватых, отбирал их уделы и отдавал своим сыновьям. Но за ним в истории останется то великое значение, что, живя в обществе, едва выходявшем из самого варварского состояния, вращаясь в такой среде, где всякий гонялся за узкими своекорыстными целями, еще почти не понимая святости права и договора, один Мономах держал знамя общей для всех правды и собирал под него силы русской земли.

Глава 5

Князь Андрей Боголюбский

Во второй половине XII-го века русской истории появляются зародыши того хода событий, который развился и установился уже под влиянием татарского завоевания. Наш древний летописец, перечисляя ветви славяно-русского племени, указывает на полян, древлян, северян и т.д., но уже говоря по преданиям о событиях IX-го и X-го века, причисляет к системе русского мира Мерю, страну, населенную финским племенем того же имени, занимавшую пространство в нынешних губерниях: Владимирской, Ярославской, Костромской и части Московской и Тверской, относя наравне с этим народом соплеменные и соседние ему племена: Мурому на юг от Мери и Весь на севере от той же Мери по течению Шексны и около Белоозера. Уже в незапамятные времена славянские поселенцы проникали в страны этих народов и селились там, как это показывают славянские названия города Ростова в земле Мери и Белоозера в земле Веси. Нам, к сожалению, неизвестен ход славянской колонизации в этих землях; несомненно, что с принятием христианства она усиливалась, возникали города с русскими жителями, а самые туземцы, принимая христианство, утрачивали вместе с язычеством свою народность и постепенно сливались с русскими, некоторые же покидали свое преж-

нее отечество и убегали далее к востоку. Недавние раскопки могил, произведенные гр. Уваровым в земле Мери, показывают, что язычество и древняя народность уже угасли в XII веке, по крайней мере, позднейшие могилы с признаками мерянской народности могут быть отнесены к этому периоду. По письменным памятникам в XII столетии мы встречаем в этих местах значительное число городов, без сомнения, русских: Ростов, Суздаль, Переяславль-Залесский, Дмитров, Углич, Зубцов, Молога, Юрьев, Владимир, Москву, Ярославль, Тверь, Галич-Мерьский, Городец и др. Беспокойства в южной Руси побуждали ее тамошних жителей переселяться в эту страну. Народ Меря стоял на низкой степени образованности, не составлял самобытного политического тела и притом не был воинственным, как показывает скудость оружия в его могилах: оттого-то он легко подчинился власти и влиянию русских. В этом-то крае, колонизованном пришельцами из разных славяно-русских земель, образовалась новая ветвь славяно-русской народности, положившая начало великорусскому народу; ветвь эта в течение последующей истории охватила все другие народные ветви в русской земле, поглотила многие из них совершенно и слила с собою, а другие ветви подчинила своему влиянию. Недостаток сведений о ходе русской колонизации в этом крае составляет важнейший, ничем незаменимый пробел в нашей истории. Тем не менее, однако, можно уже в отдаленные времена подметить те свойства, которые вообще составляли отли-

чительные признаки великорусской народности; сплочение сил в собственной земле, стремление к расширению своих владений и к подчинению себе других земель. Это проглядывает уже в истории борьбы Юрия суздальского за Киев с Изяславом Мстиславичем. То был первый зачаток стремления подчинить русские земли первенству восточно-русской земли. Юрий хотел утвердиться в Киеве, потому что, по-видимому, тяготился пребыванием в восточной стране; но если мы вникнем в смысл событий того времени, то увидим, что уже тогда вместе с этим соединялось стремление русских жителей суздальской земли властвовать в Киеве. Это видно из того, что Юрий, овладев Киевом, держался в нем с помощью пришедших с ним суздальцев. Киевляне смотрели на княжение Юрия, как на чуждое господство, а потому, после смерти Юрия, в 1157 году, перебили всех суздальцев, которым Юрий поверил управление края. Впоследствии сын Юрия Андрей не думал уже переселяться в Киев, а хотел, оставаясь в суздальской земле, властвовать над Киевом и прочими русскими землями таким образом, чтобы суздальская земля приобрела то значение первенствующей земли, какое было прежде за Киевом. С Андрея начинает обозначаться яркими чертами самобытность суздальско-ростовской земли и вместе с тем стремление к первенству в русском мире. В эту-то эпоху выступил в первый раз на историческое поприще народ великорусский. Андрей был первый великорусский князь; он своею деятельностью положил

начало и показал образец своим потомкам; последним, при благоприятных обстоятельствах, предстояло совершить то, что намечено было их прародителем.

Андрей родился в суздальской, или, точнее, ростовско-суздальской земле, там провел он детство и первую юность, там усвоил он первые впечатления, по которым сложились у него взгляды на жизнь и понятия. Судьба бросила его в омут безвыходных междоусобий, господствовавших в южной Руси. После Мономаха, который был киевским князем по выбору земли, в Киеве княжили один за другим два сына его, Мстислав и Ярополк; спора у них за землю не было, и их можем мы причислить к истинным земским избранным князьям, как и отца их, потому что киевляне дорожили памятью Мономаха и любили сыновей его. Но в 1139 году черниговский князь Всеволод Ольгович выгнал третьего сына Мономахова, слабого и ограниченного Вячеслава, и овладел Киевом посредством оружия. Этим открыт был путь нескончаемой неурядице в южной Руси. Всеволод держался в Киеве при помощи своих черниговцев. Ему хотелось упрочить за своим родом Киев: Всеволод предложил киевлянам выбрать брата его Игоря. Киевляне поневоле согласились. Но как только Всеволод умер, в 1146 году, киевляне избрали себе князем сына старшего Мономаховича, Изяслава Мстиславича, низложили Игоря; потом, когда за последнего подняли войну его братья, киевляне убили Игоря всенародно, несмотря на то, что он уже отрекся от мира и вступил в Пе-

черский монастырь.

Изяслав счастливо разделался с Ольговичами, но против него поднялся новый неутомимый соперник, дядя его, князь суздальский Юрий Долгорукий, младший сын Владимира Мономаха. Началась долголетняя борьба, и в этой борьбе участвовал Андрей. Дела запутывались так, что междоусобию, казалось, не будет конца. Киев несколько раз переходил то в руки Изяслава, то в руки Юрия; киевляне совершенно сбились с пути: уверят Изяслава в своей готовности умирать за него, а потом перевозят Юрия через Днепр к себе и заставляют бежать Изяслава; принимают к себе Юрия и вслед за тем сносятся с Изяславом, призывают Изяслава к себе и прогоняют Юрия; вообще, однако, легко уступают всякой силе. Киевляне, несмотря на такое непостоянство, вынуждаемое обстоятельствами, неизменно любили Изяслава и ненавидели Юрия с его суздальцами. В течение этой усобицы Андрей не раз показывал храбрость в битвах, но также не раз пытался установить мир между раздраженными спорившими сторонами: все было напрасно. В 1151 году, когда Изяслав временно взял решительный перевес, Андрей убеждал отца удалиться в суздальскую землю и сам прежде него поторопился уйти в этот край – во Владимир-на-Клязьме, пригород, данный ему отцом в удел. Но Юрий ни за что не хотел оставлять юга, опять начал добиваться Киева, наконец, по смерти Изяслава, в 1154 г. овладел им и посадил Андрея в Вышгороде. Юрию хотелось иметь этого сына близ

себя, вероятно, с тем, чтобы передать ему киевское княжение, и с этою целью он назначил отдаленные от Киева города Ростов и Суздаль меньшим своим сыновьям. Но Андрея не пленяли никакие надежды в южной Руси. Андрей был столько же храбр, сколько и умен, столько же расчетлив в своих намерениях, сколько и решителен в исполнении. Он был слишком властолюбив, чтобы поладить с тогдашним складом условий в южной Руси, где судьба князя постоянно зависела и от покушений других князей, и от своенравия дружин и городов; притом соседство половцев не давало и вперед никакого ручательства на установление порядка в южнорусском крае, потому что половцы представляли собою удобное средство князьям, замышлявшим добывать себе силою города. Андрей решился самовольно бежать навсегда в суздальскую землю. Шаг был важный; современник летописец счел нужным особенно заметить, что Андрей решился на это без отцовского благословения.

У Андрея, как видно, созрел тогда план не только удалиться в суздальскую землю, но утвердить в ней средоточие, из которого можно будет ворочать делами Руси. Летопись говорит, что с ним в соумышлении были его свойственники бояре Кучковы. Мы думаем, что у него было тогда много сторонников как и в суздальской земле, так и в киевской. Первое оказывается из того, что в ростовско-суздальской земле любили его и скоро потом выказали эту любовь тем, что посадили князем по избранию; о втором свидетельствуют при-

знаки значительного переселения жителей из киевской земли в суздальскую; но Андрею, действовавшему в этом случае против отцовской воли, нужно было освятить свои поступки в глазах народа каким-нибудь правом. До сих пор в сознании русских для князей существовало два права – происхождения и избрания, но оба эти права перепутались и разрушились, особенно в южной Руси. Князья, мимо всякого старейшинства по рождению, добивались княжеских столов, а избрание перестало быть единодушным выбором всей земли и зависело от военной толпы – от дружин, так что, в сущности, удерживалось еще только одно право – право быть князьями на Руси лицам из Рюрикова дома; но какому князю где княжить, – для того уже не существовало никакого другого права, кроме силы и удачи. Надобно было создаться новому праву. Андрей нашел его; это право было высшее непосредственное благословение религии.

Была в Вышгороде в женском монастыре икона Св. Богородицы, привезенная из Цареграда, писанная, как гласит предание, Св. евангелистом Лукою. Рассказывали о ней чудеса, говорили, между прочим, что, будучи поставлена у стены, она ночью сама отходила от стены и становилась посреди церкви, показывая как будто вид, что желает уйти в другое место. Взять ее явно было невозможно, потому что жители не позволили бы этого. Андрей задумал похитить ее, перенести в суздальскую землю, даровать таким образом этой земле святыню, уважаемую на Руси, и тем показать, что над этою

землею почиет особое благословение Божие. Подговоривши священника женского монастыря Николая и диякона Нестора, Андрей ночью унес чудотворную икону из монастыря и вместе с княгинею и соумышленниками тотчас после того убежал в суздальскую землю. Путешествие этой иконы в суздальскую землю сопровождалось чудесами: на пути своем она творила исцеления. Уже в голове Андрея была мысль поднять город Владимир выше старейших городов Суздаля и Ростова, но он хранил эту мысль до поры до времени втайне, а потому проехал Владимир с иконою мимо и не оставил ее там, где, по его плану, ей впоследствии быть надлежало. Но не хотел Андрей везти ее ни в Суздаль, ни в Ростов, потому что, по его расчету, этим городам не следовало давать первенства. За десять верст от Владимира по пути в Суздаль произошло чудо: кони под иконою вдруг стали; запрягают других посильнее, и те не могут сдвинуть воза с места. Князь остановился; раскинули шатер. Князь заснул, а поутру объявил, что ему являлась во сне Божия Матерь с хартиєю в руке, приказала не везти ее икону в Ростов, а поставить во Владимире; на том же месте, где произошло видение, соорудить каменную церковь во имя Рождества Богородицы и основать при ней монастырь. В память такого видения написана была икона, изображавшая Божию Матерь в том виде, как она явилась Андрею с хартиєю в руке. Тогда на месте видения заложено было село, называемое Боголюбовым. Андрей соорудил там богатую каменную церковь; ее утварь и иконы

украшены были драгоценными камнями и финифтью, столпы и двери блистали позолотою. Там поставил он временно икону Св. Марии; в окладе, для нее сделанном Андреем, было пятнадцать фунтов золота, много жемчуга, драгоценных камней и серебра.

Заложенное им село Боголюбово сделалось его любимым местопребыванием и усвоило ему в истории прозвище Боголюбского.

Мы не знаем, что делал Андрей до смерти отца, но, без сомнения, он в это время вел себя так, что угодил всей земле. Когда отец умер в Киеве после пира у какого-то Петрила, 15 мая 1157 года, ростовцы и суздальцы со всею землею, нарушив распоряжение Юрия, отдававшего Ростов и Суздаль меньшим сыновьям, единодушно избрали Андрея князем всей своей земли. Но Андрей не поехал ни в Суздаль, ни в Ростов, а основал свою столицу во Владимире, построил там великолепную церковь Успения Богородицы с позолоченным верхом¹⁰ из белого камня, привезенного водою из Болгарии. В этом храме поставил он похищенную из Вышгорода икону, которая с тех пор начала носить имя Владимирской.

С тех пор Андрей явно показал свое намерение сделать Владимир, бывший до того времени только пригородом, главным городом всей земли и поставить его выше старых

¹⁰ По одним известиям, был один купол, по другим – пять; вероятнее первое, потому что в те времена обыкновенно строились церкви с одним верхом.

городов, Ростова и Суздаля. Андрей имел в виду то, что в старых городах были старые предания и привычки, которые ограничивали власть князя. Ростовцы и суздальцы избрали Андрея на вече. Они считали власть князя ниже своей вечевой власти; живя в Ростове или Суздале, Андрей мог иметь постоянные пререкания и должен был подлаживаться к горожанам, которые гордились своим старейшинством. Напротив, во Владимире, который ему обязан был своим возвышением, своим новым старейшинством над землею, воля народная должна была идти об руку с волею князя. Город Владимир, прежде малый и незначительный, сильно разросся и населился при Андрее. Жители его состояли в значительной степени из переселенцев, ушедших к Андрею из южной Руси на новое жительство. На это явно указывают названия урочищ во Владимире; там были река Лыбедь, Печерный город, Золотые Врата с церковью над ними, как в Киеве, и Десятинная церковь Богородицы: Андрей из подражания Киеву дал построенной им во Владимире церкви десятину от своих стад и от торгового и сверх того город Гороховец и села. Андрей строил много церквей, основывал монастыри, не жалел издержек на украшение храмов. Кроме церкви Успения, возбуждавшей удивление современников великолепием и блеском иконостаса, паникадил, сменной живописью и обильною позолотою, он построил во Владимире монастыри Спасский, Вознесенский, соборный храм Спаса в Переяславле, церковь Св. Федора Стратилата, которому он приписывал свое спа-

сение во время одной битвы, когда он вместе с отцом участвовал в княжеских междоусобиях на юге, церковь Покрова при устье Нерли и много других каменных церквей. Андрей приглашал для этого мастеров с Запада, а между тем начало развиваться и русское искусство, так что при Андрееве преемнике русские мастера уже без пособия иностранцев строили и расписывали свои церкви.

Построение богатых церквей указывает столько же на благосостояние края, сколько и на политический такт Андрея. Всякая новая церковь была важным событием, возбуждавшим внимание народа и уважение к ее строителю. Понимая, что духовенство составляло тогда единственную умственную силу, Андрей умел приобрести любовь его, а тем самым укреплял свою власть в народе. В приемах его жизни современники видели набожного и благочестивого человека. Его всегда можно было видеть в храме на молитве, со слезами умиления на глазах, с громкими воздыханиями. Хотя его княжеские тиуны и даже покровительствуемые им духовные позволяли себе грабительства и бесчинства, но Андрей всенародно раздавал милостыню убогим, кормил чернецов и черниц и за то слышал похвалы своему христианскому милосердию. Нередко по ночам он входил в храм, сам зажигал свечи и долго молился перед образами.

В то время к числу благочестивых подвигов князя, составлявших его славу, относились и войны его с неверными. По соседству с волостью Андрея, на Волге, было царство Бол-

гарское. Болгары, народ финского, или, вероятнее, смешанного племени, еще в десятом веке приняли магометанство. Они давно уже жили не в ладах с русскими, делали набеги на русские области, и русские князья не раз ходили биться против них: такие битвы считались богоугодным делом. Андрей два раза воевал с этим народом и первый раз отправился с войском против него в 1164 году. Он взял с собою Св. икону Богородицы, привезенную из Вышгорода; духовенство шло пешее и несло ее под знаменами. Сам князь и все войско перед походом причащались Св. Тайн. Поход кончился удачно; князь болгарский бежал; русские взяли город Ибрагимов (в наших летописях Бряхимов). Князь Андрей и духовные приписывали эту победу чудотворному действию иконы Богородицы; событие это поставлено было в ряду многочисленных чудес, истекавших от этой иконы, и в память его было установлено празднество с водосвящением, совершаемое до сих пор 1 августа. Патриарх цареградский, по желанию Андрея, утвердил этот праздник тем охотнее, что русское торжество совпало с торжеством греческого императора Мануила, одержавшего победу над Сарацинами, которую приписывали действию Животворящего Креста и хоругви с изображением Христа Спасителя.

Но не так благосклонно отнесся к желаниям Андрея патриарх Лука Хризовех, когда Андрей обратился к нему с просьбою посвятить в митрополиты во Владимир своего любимца Феодора. Этим нововведением Андрей хотел ре-

шительно возвысить Владимир, зависевший от ростовской епархии; тогда Владимир не только стал бы выше Ростова и Суздаля, а получил бы еще первенствующее духовное значение в ряду русских городов иных земель. Но патриархи, следуя давнему обычаю восточной церкви, не легко и не сразу соглашались на всякие изменения в порядке церковного управления. И на этот раз не согласился патриарх на такую важную перемену, тем более что ростовский епископ Нестор был еще в живых и, преследуемый не любившим его Андреем, бежал тогда в Цареград. Через несколько лет, однако, 1168 года, любимец Андрея Феодор, съездив в Цареград, выхлопотал себе посвящение если не в сан митрополита, то в сан епископа Ростовского. По желанию Андрея, он хотя числился ростовским, но должен был жить во Владимире, так как на это патриарх дал дозволение. Таким образом, его любимый Владимир, если не мог в духовном управлении получить того первенства в Руси, которое принадлежало Киеву, по крайней мере, делался выше Ростова, как местопребывание епископа. Любимец Андрея Феодор до того возгордился, что подобно своему князю, ни во что ставившему Киев, не хотел знать киевского митрополита: не поехал к нему за благословением и считал для себя достаточным поставление в епископы от патриарха. Так как это было нарушение давнего порядка на Руси, то владимирское духовенство не хотело ему повиноваться: народ волновался. Феодор затворил церкви и запретил богослужение. Если веригь летописям, то Феодор

по этому поводу, принуждая повиноваться своей верховной власти, позволял себе ужасные варварства: мучил непокорных игуменов, монахов, священников и простых людей, рвал им бороды, рубил головы, выжигал глаза, резал языки, отбирая имения у своих жертв. Хотя летописец и говорит, что он поступал таким образом, не слушая Андрея, послывшего его ставиться в Киев, но трудно допустить, чтобы все это могло происходить под властью такого властолюбивого князя против его воли. Если подобные варварства не плод преувеличения, то они могли совершаться только с ведома Андрея, или, по крайней мере, Андрей смотрел сквозь пальцы на проделки своего любимца и пожертвовал им только тогда, когда увидел, что народное волнение возрастает и может иметь опасные последствия. Как бы то ни было, Андрей, наконец, отправил Феодора к киевскому митрополиту, который приказал отрубить злодею правую руку, отрезать язык и выколоть глаза. Это – по византийскому обычаю.

Андрею не удалось возвысить свой Владимир в церковном отношении на степень митрополии. Тем не менее Андрей в этом отношении наметил заранее то, что совершилось впоследствии, при его преемниках.

Андрей был посажен на княжение всею землею, в ущерб правам меньших братьев, которые должны были княжить там по распоряжению родителя. Решительный в своих действиях, Андрей предупредил всякие со стороны их попытки к междоусобиям, разом выгнал своих братьев Мстислава,

Василька, восьмилетнего Всеволода (1162) и удалил от себя двух племянников Ростиславичей. Братья вместе со своею матерью, греческою царевною, отправились в Грецию, где греческий император Мануил принял их дружелюбно. Это изгнание не только не было событием, противным земле, но даже в летописях оно приписывается как бы земской воле. Андрей выгонял также и бояр, которых не считал себе достаточно преданными. Такие меры сосредоточивали в его руках единую власть над всею ростовско-суздальскою землею и через то самое давали этой земле значение самой сильнейшей земли между русскими землями, тем более что, будучи избавлена от междоусобий, она была в то время спокойна от всякого внешнего вторжения. Но с другой стороны, эти же меры увеличивали число врагов Андрея, готовых, при случае, погубить его всеми возможными средствами.

Забравши в свои руки власть в ростовско-суздальской земле, Андрей ловко пользовался всеми обстоятельствами, чтобы показывать свое первенство во всей Руси; вмешиваясь в междоусобия, происходившие в других русских землях, он хотел разрешать их по своему произволу. Главною и постоянною целью его деятельности было унижить значение Киева, лишить древнего старейшинства над русскими городами, перенести это старейшинство на Владимир, а вместе с тем подчинить себе вольный и богатый Новгород. Он добивался того, чтобы, по своему желанию, отдавать эти два важнейших города с их землями в княжение тем из князей, ко-

торых он захочет посадить и которые, в благодарность за то, будут признавать его старейшинство. Когда по смерти Юрия Долгорукого возник спор за Киев между черниговским князем Изяславом Давидовичем и Ростиславом, братом Изяслава Мстиславича, Андрей мирволил Изяславу, хотя прежде этот князь был врагом отца его. В 1160 году он съехался с ним на Волоке и умыслил выгнать Ростиславова сына Святослава из Новгорода. В Новгороде уже несколько лет происходила безурядица; призывали и выгоняли то тех, то других князей. Незадолго до того, еще при Юрии, княжил там брат Андрея Мстислав. В 1158 году новгородцы прогнали его и призвали сыновей Ростислава, Святослава и Давида: из них первого посадили в Новгороде, а другого в Торжке, но и против них скоро образовалась в Новгороде враждебная партия. Рассчитывая на помощь этой партии, Андрей послал в Новгород такое требование: «Да будет вам ведомо, я хочу искать Новгорода добром или злом; чтобы вы целовали мне крест иметь меня своим князем, а мне вам добра хотеть». Такой отзыв усилил волнение в Новгороде, часто стали собираться бурные веча. Сначала новгородцы, руководимые благоприятелями Андрея, придрались к тому, что Новгород содержит разом двух князей, и требовали удаления Давида из Торжка. Святослав исполнил требование и выслал брата из Новгородской земли, но после того противники его не оставили Святослава в покое, подушали против него народ и довели до того, что толпа схватила Святослава на Городище,

отправила под стражею в Ладогу; его жену заключили в монастырь Св. Варвары; перековали лиц, составлявших княжескую дружину, имение их разграбили, а потом послали просить у Андрея сына на княжение. Андрей рассчитывал давать им по возможности не тех князей, каких они пожелают, а тех, каких он сам им дать захочет. Андрей послал им не сына, а своего племянника Мстислава Ростиславича. Но в следующем году (1161), когда Изяслав Давидович был побежден Ростиславом и убит, а Ростислав укрепился в Киеве, Андрей поладил с ним и приказал новгородцам взять опять к себе на княжение того Святослава Ростиславича, которого они недавно выгнали, и притом, как выражается летописец, «на всей воле его». Андрею, очевидно, было все равно, тот или другой князь будет княжить в Новгороде, лишь бы только этот князь был посажен от его руки, чтобы таким образом для новгородцев вошло в обычай получать себе князей от суздальского князя. В 1166 году умер киевский князь Ростислав, человек податливый, под конец поладивший с суздальским князем и угождавший ему. На киевское княжение был избран Мстислав Изяславич. Кроме того, что этот князь был сын ненавистного Андрею Изяслава Мстиславича, с которым так упорно боролся отец его, Андрей лично ненавидел этого князя, да и Мстислав был не из таких, чтобы угождать кому бы то ни было, кто бы вздумал показать над ним власть. У покойного Ростислава было пять сыновей: Святослав, княживший в Новгороде, Давид, Роман, Рюрик и Мсти-

слав. Сначала Мстислав Изяславич был с этими своими двоюродными братьями заодно, но потом, к большому удовольствию Андрея, между ними дружба стала нарушаться. Началось из-за Новгорода. Новгородцы по-прежнему не ладили со своим князем Святославом и прогнали его, а потом послали к киевскому Мстиславу просить у него сына. Мстислав, не желая ссориться с Ростиславичами, медлил решением. Тем временем оскорбленный Святослав обратился к Андрею; за Святослава стали смоленские князья, его братья. К ним присоединились и полочане, которые прежде не ладили с Новгородом. Тогда Андрей решительно потребовал от новгородцев, чтобы они вновь приняли изгнанного ими Святослава. «Не будет вам иного князя, кроме этого», – приказал он сказать им и прислал на помощь Святославу и его союзникам войско против Новгорода. Союзники сожгли Новый Торг, опустошали новгородские села и перерезали сообщение Новгорода с Киевом, чтобы не дать новгородцам сойтись с Мстиславом киевским. Новгородцы почувствовали оскорбление своих прав, увидели чересчур решительное посягательство на свою свободу, разгорячились и не только не сдались на требования Андрея, но убили посадника Захария и некоторых других лиц, сторонников Святослава, за тайные сношения с этим князем, выбрали другого посадника по имени Якуна, нашли возможность дать знать обо всем Мстиславу Изяславичу и еще раз просили у него сына на княжение. В это время, кстати, киевские бояре Бориславичи

успели поссорить Мстислава с двумя Ростиславичами: Давидом и Рюриком.¹¹ Когда вслед за тем новгородцы снова прислали к Мстиславу просить сына, он уже не колебался и послал к ним сына своего Романа. Ростиславичи после этого поступка сделались отъявленными врагами Мстислава. Андрей тотчас воспользовался этим, чтобы идти на Мстислава. Рязанские и муромские князья уже прежде были с Андреем заодно, соединенные войною против болгар. Полочане вошли с ним в союз по вражде к Новгороду; на Волыни был у него союзник дорогобужский князь Владимир, дядя Мстислава, бывший его соперник за Киев. Андрей тайно снесся с князьями северскими Олегом и Игорем: в Переяславле Русском княжил брат Андрея Глеб, неизменно ему преданный; с Глебом был также другой брат, молодой Всеволод, вернув-

¹¹ Ссора началась из-за того, что слуги Ростиславичей украли Мстиславовых коней и наложили на них свои клейма. Бояре Бориславичи, Петр и Нестор, уверили Давида, что Мстислав в отмщение за то хочет, зазвавши их на обед, взять под стражу. Через несколько времени Мстислав действительно призвал на обед Давида и Рюрика. Эти князья, возбужденные наговорами бояр, прежде всего потребовали, чтобы Мстислав поцеловал крест, что им не будет ничего дурного. Мстислав обиделся; оскорбилась за него и его дружина. «Не годится тебе крест целовать, – говорили его дружинники, – без нашего ведома тебе нельзя было ни замыслить, ни сделать того, что они говорят, а мы все знаем твою истинную любовь к братьям, ведаем, что ты прав перед Богом и людьми. Пошли им и скажи: я целую вам крест в том, что не мыслил ничего дурного против вас, только вы мне выдайте того, кто на меня клеветает». Обе стороны поцеловали на этом друг другу крест, но Давид потом не исполнил желания Мстислава. «Если я выдам тех, которые мне говорили, – сказал он, – то вперед мне никто ничего не скажет». От этого возникла холодность между Мстиславом и Ростиславичами.

шийся из Цареграда и получивший княжение в Остерском Городце в южной Руси. Всего, таким образом, было до 11-ти князей с их дружинами и ратью. Суздальским войском предводительствовал сын Андрея Мстислав и боярин Борис Жидиславич. На стороне Мстислава был брат Андрея Михаил, княживший в Торжке; не предвидя против себя ополчения, Мстислав Изяславич отправил его с берендеями на помощь к сыну в Новгород; но Роман Ростиславич перерезал ему путь и взял в плен.

Подручники Андрея с войсками разных русских земель сошлись в Вышгороде и в начале марта заложили стан под Киевом, близ Кирилловского монастыря, и, раздвигаясь, окружили весь город. Вообще киевляне никогда и прежде не выдерживали осады и обыкновенно сдавались князьям, приходившим добывать Киев силою. И теперь у них достало выдержки только на три дня. Берендеи и торки, стоявшие за Мстислава Изяславича, склонны были к измене. Когда враги стали сильно напирать в тыл Мстиславу Изяславичу, киевская дружина сказала ему: «Что, князь, стоишь, нам их не пересилить». Мстислав бежал в Василев, не успевши взять с собою жену и сына. За ним гнались; по нем стреляли. Киев был взят 12 марта, в среду на второй неделе поста 1169 года, весь разграблен и сожжен в продолжение двух дней. Не было пощады ни старым, ни малым, ни полу, ни возрасту, ни церквам, ни монастырям. Зажгли даже Печерский монастырь. Вывезли из Киева не только частное имущество,

но иконы, ризы и колокола. Такое свирепство делается понятным, когда мы вспомним, как за двенадцать лет перед тем киевляне перебили у себя всех суздальцев после смерти Юрия Долгорукова; конечно, между суздальцами были люди, мстившие теперь за своих родственников; что же касается до черниговцев, то у них уже была давняя вражда к Киеву, возраставшая от долгой вражды между Мономаховичами и Ольговичами.

Андрей достиг своей цели. Древний Киев потерял свое вековое старейшинство. Некогда город богатый, заслуживавший от посещавших его иностранцев название второго Константинополя, он уже и прежде постоянно утрачивал свой блеск от междоусобий, а теперь был ограблен, сожжен, лишен значительного числа жителей, перебитых или отведенных в неволю, поруган и посрамлен от других русских земель, которые как будто мстили ему за прежнее господство над ними. Андрей посадил в нем своего покорного брата Глеба, с намерением и наперед сажать там такого князя, какого ему будет угодно дать Киеву.

Разделавшись с Киевом, Андрей последовательно хотел разделаться и с Новгородом. Те же князья, которые ходили с ним на Киев, с теми же ратями, которые уничтожили древнюю столицу русской земли, пошли на север с тем, чтобы приготовить ту же судьбу и Новгороду, какая постигла Киев. «Не будем говорить, рассуждает суздальский летописец, преданный Андрею и его политике, – что новгородцы правы,

что они издавна от прародителей князей наших свободны; а если б и так было, то разве прежние князья велели им преступать крестное целование и ругаться над внуками и правнуками их?» Уже в трех церквах новгородских на трех иконах плакала Пресв. Богородица: она предвидела беду, собиравшуюся над Новгородом и его землею; она молила Сына своего не предавать новгородцев гибели, как Содом и Гоммору, но помиловать их, как ниневитян. Зимой 1170 года явилась грозная рать под Новгородом – суздальцы, смольняне, рязанцы, муромцы и полочане. В течение трех дней они устраивали острог около Новгорода, а на четвертый начали приступ. Новгородцы бились храбро, но потом стали ослабевать. Враги Новгорода, надеясь на победу, заранее в предположениях делили между собою по жребию новгородские улицы, жен и детей новгородских подобно тому, как это сделали с киевлянами; но в ночь со вторника на среду второй недели поста – как гласит предание – новгородский архиепископ Иоанн молился перед образом Спаса и услышал глас от иконы: «Иди на Ильину улицу в церковь Спаса, возьми икону Пресвятой Богородицы и вознеси на забрало (платформу) стены, и она спасет Новгород». На другой день Иоанн с новгородцами вознес икону на стену у Загородного конца между Добрыниной и Прусской улицами. Туча стрел посыпалась на него; икона обратилась назад; из глаз ее потекли слезы и упали на фелонь епископа. На суздальцев нашло одурение: они пришли в беспорядок и стали стрелять друг в друга.

Так гласит предание. Князь Роман Мстиславич к вечеру 25 февраля с новгородцами победил суздальцев и их союзников. Современный летописец, рассказывая об этом событии, ничего не говорит об иконе, но приписывает победу «силе честного креста, заступлению Богородицы и молитвам владыки». Враги бежали. Новгородцы наловили так много суздальцев, что продавали их за бесценок (по 2 нагаты).¹² Легенда об избавлении Новгорода имела важное значение на будущие времена, поддерживая нравственную силу Новгорода к борьбе его с суздальскими князьями. Впоследствии она приняла даже общее церковное во всей Руси значение: икона, которой приписывали чудотворное избавление Новгорода от рати Андрея, сделалась под именем Знаменской одною из первоклассных икон Божией Матери, уважаемых всей Русью. Праздник в честь ее был установлен новгородцами 27 ноября; праздник этот и до сих пор соблюдается православною русскою церковью.

Вскоре, однако, вражда остыла, и новгородцы поладили с Андреем. На следующий же год они невзлюбили Романа Мстиславича и прогнали от себя. Тогда был неурожай и сделалась дороговизна в Новгороде. Новгородцам нужно было получать хлеб из Суздальской области, и это было главною причиною скорого мира с Андреем. С его согласия они взяли себе в князя Рюрика Ростиславича, а в 1172 году, про-

¹² В гривне 20 нагат. По исчислению Карамзина, 6 нагат приблизительно равняются 50 к. Т. II. прим. 79.

гнав его от себя, выпросили у Андрея сына Юрия. Новгород все-таки остался в выигрыше в том отношении, что Андрей должен был показывать уважение к правам Новгорода и хотя посылал ему князей, но уже не иначе, как на всей воле новгородской.

Несмотря на поражение, нанесенное Киеву, Андрею пришлось еще раз посылать туда войско с целью удержать его в своей власти. Посаженный им князь Глеб умер. С согласия Ростиславичей Киев захватил было дядя их Владимир Дорогобужский, бывший союзник Андрея, но Андрей приказал ему немедленно выехать и объявил, что уступает Киев Роману Ростиславичу, князю кроткого и покорного нрава. «Вы назвали меня своим отцом, – приказал Андрей сказать Ростиславичам, – хочу вам добра и даю Роману, брату вашему, Киев». Через несколько времени Андрей задумал прогнать Романа Ростиславича: был ли он недоволен Ростиславичами, находя, что они зазнаются, или же просто намеревался посадить туда брата, и потому нужно было ему их выгнать, – как бы то ни было, только он придрался к этим князьям, послал к ним своего мечника Михна с требованием выдачи Григория Хотовича и двух других лиц. «Они, – говорил он, – уморили брата моего Глеба; они все нам враги». Ростиславичи, зная, что со стороны Андрея это не более как придирка, не решились выдать людей, которых считали невиновными, и дали им средства спастись. Этого только и нужно было Андрею. Он писал им такое грозное слово: «Если не живете по моей

воле, то ты, Рюрик, ступай вон из Киева, а ты, Давид, ступай из Вышегорода, а ты, Мстислав, из Белаягорода; остается вам Смоленск: там себе делитесь как знаете». Роман повиновался и уехал в Смоленск. Андрей отдал Киев брату Михаилу, с которым помирился. Михаил остался пока в Торческе, где находился прежде на княжении, и послал в Киев брата своего Всеволода с племянником Ярополком Ростиславичем. Но другие Ростиславичи не были так безгласны, как Роман. Они отправили к Андрею посла с объяснениями; но Андрей не дал ответа. Тогда они ночью вошли в Киев, схватили Всеволода и Ярополка, осадили самого Михаила в Торческе, принудили его отказаться от Киева и довольствоваться Переяславлем, который ему уступили, а сами возвратились в Киев и посадили на киевском столе одного из своей среды: Рюрика Ростиславича. Сам непостоянный, Михаил, которого Андрей прочил в Киев, отступил снова от Андрея и пристал к Ростиславичам, так же как он против Андрея и Ростиславичей уже стоял за Мстислава Изяславича. Андрей, услышавши обо всем этом, сильно разгневался, а тут кстати пришло к нему предложение подать помощь против Ростиславичей: черниговский князь Святослав Всеволодович, помышлявший во время сумятицы овладеть Киевом, подстрекал Андрея на Ростиславичей; заодно с ним были и другие князья Ольговичи. Посол, присланный от имени этих князей, говорил Андрею: «Кто тебе враг, тот и нам враг; мы с тобой готовы».

Гордый Андрей призвал своего мечника Михна и сказал: «Поезжай к Ростиславичам, скажи им вот что: вы не поступаете по моей воле; за это ты, Рюрик, ступай в Смоленск к брату в свою отчину, а ты, Давид, ступай в Берлад, не велю тебе быть в русской земле; а Мстиславу скажи так: ты всему зачинщик: я не велю тебе быть в русской земле».

Михно передал Ростиславичам поручение своего князя. Всех более не стерпел этой речи Мстислав. «Он, – говорит современник, – от юности своей не привык никого бояться, кроме единого Бога». Он приказал остричь Михну волосы на голове и бороде и сказал: «Ступай к своему князю и передай от нас своему князю вот что: мы тебя до сих пор считали отцом и любили, ты же прислал к нам такие речи, что считаешь меня не князем, а подручником и простым человеком; делай что замыслил. Бог всему судья!»

Андрей пришел в ярость, когда увидел остриженного Михна и услышал, что сказал Мстислав. Большое ополчение Суздальской земли – ростовцы, суздальцы, владимирцы, переяславцы, белозерцы, муромцы и рязанцы, под главным начальством сына Андрея Юрия и боярина Жидиславича, пошло в путь. Андрей, отправляя их, говорил: «Изгоните Рюрика и Давида из моей отчины, а Мстислава возьмите: ничего ему не делайте и привезите ко мне». К ним пристали новгородцы. Они шли через смоленскую землю; бедный Роман, видя у себя таких гостей, не мог сопротивляться и должен был, по требованию Андрея, послать с ними своих

смольнян. Вся эта сила вступила в черниговскую землю, и там соединился с нею Святослав Всеволодович с братьями. С другой стороны Андрей подвинул на Киев силы полоцкой земли: туровских, пинских и городенских князей, подчиненных Полоцку. Михаил Юрьевич отступил от Ростиславичей и вместе со Всеволодом и двумя племянниками поспешил овладеть Киевом. Ростиславичи не препятствовали ему. Рюрик заперся в Белгороде, Мстислав в Вышгороде, а Давида послали в Галич просить помощи у Ярослава (Осмомысла). Все ополчение главным образом напирало на Вышгород, чтобы взять Мстислава, как приказал Андрей. Много было крику, шуму, треску, пыли, мало убитых, но много раненых. 9 недель стояло это ополчение. Двоюродный брат Ростиславичей, Ярослав Изяславич Луцкий, пришедший со всею волынскойю землею, искал для себя старейшинства и киевского стола, чего добивался также Святослав Всеволодович черниговский, старейший князь в ополчении. Самого Андрея здесь не было, чтобы решить этот спор своею могучею волею; а все эти князья, сами того не сознавая, только затем и явились под Вышгород, чтобы дать возможность Андрею назначить в Киев такого князя, какого ему будет угодно. Ярослав, не поладивши со Святославом Всеволодовичем, отступился от союзников, передался к Ростиславичам и двинулся к Белгороду, чтобы, соединившись с Рюриком Ростиславичем, ударить на осаждающих. В то же время союзникам угрожало прибытие галичан, по призыву Давида, на помощь Ростисла-

вичам. Со своей стороны большая часть союзников не имела ни поводов, ни охоты продолжать упорную войну. Смольняне завлечены были совершенно поневоле. Новгородцы, всегда беспокойные и переменчивые, легко охладели к делу, к которому приступили мимоходом; вероятно, также полочане и другие ополчения из белорусских городов не отличались особенным рвением, так как для них в то время был совершенно безразличен вопрос о том, кому будет принадлежать Киев. Все это вместе было причиной того, что как только союзники увидели, что сила их врагов возрастает, то в стане их сделался переполох, и они ночью, перед рассветом, бежали в таком беспорядке, что многие, переправляясь через Днепр, утонули. Мстислав сделал вылазку, погнался за ними, овладел их обозом и захватил пленных. Эта победа над двадцатью князьями и силами стольких земель прославила Мстислава Ростиславича между своими современниками и дала ему название Храброго. «Так-то, – говорит летописец, – князь Андрей какой был умник во всех делах, а погубил смысл свой невоздержанием: распалился гневом, возгордился и напрасно похвалился; а похвалу и гордость дьявол вселяет в сердце человеку».

Киев был уступлен Ростиславичами Ярославу Луцкому, который, как и следовало ожидать, недолго просидел в нем, и бедная старая столица опять начала переходить из рук в руки. Но судьба ее не зависела уже от воли суздальских князей, как это хотелось Андрею. В следующем году Ростисла-

вичи готовы были помириться с Андреем, если только на киевском престоле сядет брат их Роман. Андрею, конечно, было бы приятнее видеть там покорного себе Романа, чем ненавистную ветвь Изяслава Мстиславича или Ольговичей, родовых врагов Мономахова племени; вероятно, и Ростиславичи имели это в виду, вступивши с Андреем в сношения. Но Андрей медлил решительным ответом. «Подождите немного, – сказал он, – пошлю к братьям своим на Русь». Андрей, как видно, не решил в своем уме, в чью пользу высказать приговор. Неожиданная насильственная смерть пресекла все его планы.

При всем своем уме, хитрости, изворотливости, Андрей не установил ничего прочного в русских землях. Единственным побуждением всей его деятельности было властолюбие: ему хотелось создать около себя такое положение, в котором бы он мог перемещать князей с места на место, как пешки, посылать их с дружинами туда и сюда, по своему произволу принуждать дружитья между собою и ссориться и заставить их всех волею-неволею признавать себя старейшим и первенствующим. Для этой цели он довольно ловко пользовался неопределенными и часто бессмысленными отношениями князей, существовавшей рознь между городами и землями, возбуждал и разжигал страсти партий; в этом случае ему оказывали услуги и новгородские внутренние неурядицы, и неурожаи новгородской земли, и давнее отчуждение полоцкой земли от других русских земель, и родовая непри-

язнь Ольговичей и Мономаховичей, и неожиданные вспышки вроде ссоры Ростиславичей со Мстиславом Изяславичем, и более всего те дикие противогражданственные свойства еще неустановившегося общества, при которых люди не умеют согласить личные цели с общественными, и легко можно расшевелить страсти надеждою на взаимный грабеж: все это, однако, были временные средства и потому имели временный характер. Кроме желанья лично властвовать над князьями, у Андрея едва ли был какой-нибудь идеал нового порядка для русских земель. Что же касается до его отношений к собственно Суздальской-ростовской волости, то он смотрел на нее как будто на особую землю от остальной Руси, но которая, однако, должна властвовать над Русью. Таким образом он заботился о благосостоянии своей земли, старался обогатить ее религиозною святынею и в то же время предал на разорение Киев со всем тем, что было там исстари святого для всей Руси. В какой степени оценила ее заботы сама суздальско-ростовская земля, показывает его смерть.

Властолюбивый князь, изгнавши братьев и тех бояр, которые недостаточно ему повиновались, правил в своей земле самовластно, забывши, что он был избран народом, отягощал народ поборами через своих посадников и тиунов и по произволу казнил смертью всякого, кого хотел. Ужасные варварства, сообщаемые летописями об епископе Феодоре, его любимце, достаточно бросают мрачную тень на эпоху Андреева княжения, если бы даже половина того, что рас-

сказывалось, была правда. Андрей, как видно, час от часу становился более и более жестоким. Он постоянно жил в селе Боголюбове: там постиг его конец. Был у него любимый слуга Яким Кучкович. Князь приказал казнить его брата. Яким стал говорить своим приятелям: «Сегодня того, другого казнил, а завтра казнит и нас: разделаемся-ка с этим князем!» В пятницу, 28 июня 1175 года, собрался совет в доме Кучкова зятя Петра. Было там человек 20 и в числе их ключник Андрея Амбал, родом ясин (ясы – народ кавказского племени: полагают, что это кабардинцы), и еврей Ефрем Моизич. Замечательно (как вообще черта подобных людей), что приближенными Андрея были иноземцы: чувствуя, что свои имеют повод не любить его, он, конечно, думал обезопасить себя этим средством – и ошибся. На совете порешили убить князя в эту же ночь. Андрей, по известию одной летописи, спал один, заперши дверь, а по другим, близ него находился кощей (мальчик). Заговорщики, отправляясь на свое дело, зашли прежде в медушу (погреб), напились для смелости вина и потом направились к ложнице Андрея.

«Господине, господине!» – сказал один, толкаясь в дверь. «Кто там?» – откликнулся Андрей.

«Прокопий», – отвечали ему. Прокопий был верный слуга Андрея.

«Нет, паробче, ты не Прокопий», – ответил, догадавшись, Андрей и бросился искать меча. Был у него меч Св. Бориса, которому он приписывал особую силу, но меча при нем не

оказалось: Амбал ключник заранее унес его.

Заговорщики выломали дверь и бросились на Андрея. Князь был силен, начал бороться с ними. Впотымах убийцы ранили одного из своих, но потом, различивши князя, поражали его мечами, саблями и копьями. Думая, что уже кончили с ним, они ушли, но князь, собравши последние силы, выскочил за ними, спустился с лестницы и спрятался под сени. Убийцы слышали его стоны. «Князь сошел с сеней вниз», – закричал один. «Посмотрим», – сказали другие и бросились назад в ложницу. Князя там не было.

«Мы погибли, – закричали они, – скорее, скорее ищите его!» Зажгли поспешно свечи и по следам крови на лестнице нашли князя: он сидел, прижавшись за лестничным столбом, и молился.

Петр Кучкович отсек ему правую руку. Князь успел проговорить: «Господи, в руки твои передаю дух мой!» – и окончил жизнь.

Уже рассветало. Убийцы нашли Прокопия, княжеского любимца, и убили его. Оттуда опять взошли они на сени, набрали золота, драгоценных камней, жемчуга, разного имущества и отправили, взложивши на приготовленных их соумышленниками коней, а сами, надев на себя княжеское вооружение, собрали своих: «Что, – говорили они, – если на нас приедет дружина владимирская?» – «Пошлем во Владимир», – порешили злоумышленники.

Они послали к владимирцам, извещали о случившемся

и велели сказать: «Если кто из вас что-нибудь помыслит на нас, то мы с теми покончим. Не у вас одних была дума; и ваши есть в одной думе с нами».

Владимирцы отвечали: «Кто с вами в думе, тот с вами пусть и будет, а наше дело сторона».

Весь дом Андрея был разграблен. Так поступали, сообразно тогдашним обычаям и понятиям. Имущество казненного общею волею все отдавалось на «поток и разграбление». Обнаженное тело князя было выброшено в огород.

Был между слугами князя один киевлянин Кузьмище. Узнавши, что князь убит, он ходил и спрашивал то того, то другого: «Где мой господин?» Ему отвечали: «Вон там в огороде лежит, да не смей его трогать. Это тебе все говорят; хотим его бросить собакам. А кто приберет его, тот наш враг и того уьем».

Но Кузьмище не испугался угроз, нашел тело князя и начал голосить над ним. К нему шел Амбал.

«Амбал, враг, – закричал, увидевши его, Кузьмище, – сбрось ковер или что-нибудь – постлать или чем-нибудь прикрыть нашего господина!»

«Прочь, – сказал Амбал, – мы его выбросим псам». «Ах ты еретик, – воскликнул Кузьмище, – как псам выбросить? А помнишь ли, жид, в каком платье ты пришел сюда? Ты весь в бархате стоишь, а князь лежит голый! Сделай же милость, брось что-нибудь».

Амбал бросил ему ковер и корзно (верхний плащ). Кузь-

мище обернул ими тело убитого и пошел в церковь.

«Отоприте божницу!» – сказал Кузьмище людям, которых там встретил. Эти люди были уже на радости пьяны. Они отвечали: «Брось его тут в притворе. Вот нашел еще себе печаль с ним!»

Кузьмище положил тело в притворе, покрыв его корзном, и причитывал над ним так:

«Уже, господине, тебя твои паробки не знают, а прежде, бывало, гость придет из Царьграда или из иных сторон русской земли, а то хоть и латинин, христианин ли, поганый, ты, бывало, скажешь: поведите его в церковь и на полаты, пусть видят все истинное христианство и крестятся; и болгары, и жида, и всякая погань – все, видевшие славу Божию и церковное украшение, плачут о тебе; а эти не велят тебя в церкви положить».

Тело Андрея лежало два дня и две ночи в притворе. Духовенство не решалось отпереть церковь и совершать над ним панихиды. На третий день пришел игумен монастыря Козьмы и Дамиана, обратился к боголюбским клирошанам и говорил:

«Долго ли нам смотреть на старейших игуменов? Долго ли этому князю так лежать? Отомкните божницу, я отпою его; вложим его в гроб, пусть лежит здесь, пока злоба перестанет: тогда приедут из Владимира и понесут его туда».

По совету его, отперли церковь, положили тело в каменный гроб, пропели над ним панихиду. Этому, как видно, ни-

кто уже не мешал.

Между тем оказалось, что убийцы совершили поступок, угодный очень многим. Правление Андрея было ненавидимо. Народ, услышавши, что его убили, бросился не на убийц, а напротив, стал продолжать начатое ими. Боголюбцы разграбили весь княжий дом, в котором накоплено было золота, серебра, дорогих одежд, перебили его детских и мечников (посыльных и стражу), досталось и мастерам, которых собирал Андрей, заказывая им работу.

Грабеж происходил и во Владимире, но там одно духовное лицо, по имени Микулица (быть может, тот самый поп Никола, который помог в 1155 году Андрею похитить в Вышгороде икону Богородицы), в ризах прошел по городу с чудотворною иконою; это произвело такое впечатление, что волнение улеглось. Весть об убиении Андрея скоро разошлась по земле: везде народ волновался, нападал на княжеских посадников и тиунов, которые всем омерзели способами своего управления; их дома ограбили, а иных и убили.

Не ранее как через шесть дней после смерти князя, владимирцы, как бы опомнившись, порешили привезти тело убитого. 5 июля они отправили игумена Богородицкого монастыря Феодула с деместником (уставщиком) Лукою и с носильщиками за телом в Боголюбово, а Микулице сказали: «Собери всех попов, облачитесь в ризы, станьте с образом Богородицы перед Серебряными воротами и ждите князя!» Серебряными воротами назывались те ворота города, кото-

рые выходили на дорогу в Боголюбово; с противоположной стороны были Золотые ворота.

Народная толпа вышла из города. Когда похоронное шествие стало приближаться, показалось княжеское знамя, слышалось погребальное пение, тогда злоба уступила место печали; вспомнили, что за умершим были не одни дурные дела, но были и добрые, вспомнили его усердие к храмам и оплакивали князя.

Его погребли в церкви Св. Богородицы. Несомненно, что ненависть к Андрею не была уделом одной незначительной партии, но была разделяема народом. Иначе нельзя объяснить того обстоятельства, что тело князя оставалось непогребенным целую неделю, и народ, услышавши о насильственной смерти своего князя, обратился не на убийц его, а на его доверенных и слуг. Но, с другой стороны, если поступки этого князя, руководимого безмерным властолюбием, возбудили к себе злобу народа, то все-таки его деятельность в своем основании согласовалась с духом и характером той земли, которой он был правителем. Это всего яснее можно видеть из последующих событий и всей истории ростовско-суздальского края до самого татарского нашествия.

Ростовцы и суздальцы, в особенности первые, были недовольны Андреем за предпочтение, оказываемое городу Владимиру, и чувство досады тотчас прорвалось после смерти Андрея. Первые пригласили племянников Андрея, Ростиславичей, которые, не смея явиться во владениях дяди, про-

живали в рязанской земле; а владимирцы пригласили брата Андреева Михаила, проживавшего в Чернигове. Дошло было дело до междоусобия: ростовцы взяли верх, принудили владимирцев принять одного из Ростиславичей, Ярополка, и отзывались о владимирцах так: «Они наши холопы и каменщики: мы их город сожжем или посадника в нем от себя посадим». Но посаженные князя Ростиславичи, угождая одним ростовцам, вооружили против себя несправедливыми поборами и владимирцев, и всю землю. «Мы вольных князей принимаем к себе», – говорили владимирцы. По этой причине, когда владимирцы прогнали от себя Ярополка Ростиславича и снова пригласили к себе Михаила, то вся земля была на стороне города Владимира. Михаил вскоре умер, и владимирцы на вече выбрали меньшого сына Юрия Долгорукого Всеволода (крестное имя его было Димитрий). Ростовцы попытались подняться против него с Ростиславичами, но неудачно. За Ростиславичей пошел против Всеволода рязанский князь Глеб, однако был разбит наголову и взят в плен вместе с Ростиславичами и ростовскими боярами, которые их поддерживали. Глеб умер в тюрьме. Озлобление владимирцев против Ростиславичей было так велико, что они покусились было ослепить их против воли Всеволода. Причина этого озлобления объясняется тем, что Ростиславичи, вместе с рязанцами, навели на землю половцев. С тех пор волнения надолго утихают в ростовско-суздальской земле. По всему видно, что и в Ростове партия, ненавидевшая город Влади-

мир, искавшая власти и первенства над всею землею, состояла главным образом из бояр, которые не могли приобрести любви всего народа и увлечь его за собою. В самом Ростове жители вязали бояр и отдавали их Всеволоду. После того как с поражением рязанцев рассеяна была партия ростовских бояр, враждебная Всеволоду, Ростов оставался спокоен. Всеволод княжил долго (до 1212 года) и во многом продолжал политику Андрея, хотя поступал с гораздо большею умеренностью и мягкостью. В ростовско-суздальской земле он был вообще любим народом. По отношению к Новгороду он пользовался всеми обстоятельствами, чтобы поддерживать свое первенство и влияние над ним. Но он уступал новгородцам в случае крайнего упорства с их стороны и всегда показывал вид, что уважает новгородскую волю. Замечательно при этом, что Всеволод в делах с Новгородом должен был прибегать к крутым мерам не по личному побуждению, а по желанию дружины. Таким образом, когда он, не поладивши с новгородцами, осадил Торжок и уже готов был отступить и помириться, дружина кричала: «Князь, мы не целоваться с ними пришли», – и Торжок был взят и сожжен. По многим чертам видно, что мысль о подчинении Новгорода была мыслью всей ростовско-суздальской земли, а не одних князей ее, и оттого-то впоследствии новгородцы с таким озлоблением воевали не с одними князьями, а вообще с суздальцами и ненавидели их даже тогда, когда ладили с их князьями. С другой стороны, Всеволод поддерживал пер-

венство над рязанскими князьями, а в 1208 году, воспользовавшись безурядицей в рязанской земле, посадил там сына своего Ярослава. Но так как разом с этим князем наводнили рязанскую землю суздальцы и взяли в свои руки все управление, то рязанцы, которые сами прежде выдали Всеволоду своих князей и добровольно выбрали Ярослава, вышли из терпения, поднялись всею землею, заковали суздальцев и засадили в погреба, где многие задохлись. Поэтому Всеволод не в состоянии был удержать рязанской земли за собою.

Князь Всеволод пользовался уважением и в южной Руси, мирил между собою ссорившихся южнорусских князей, и даже в отдаленном Галиче один князь отдавался ему под покровительство. По смерти Всеволода произошло короткое междоусобие, возбужденное главным образом новгородцами. Но в 1219 году, по смерти старшего сына Всеволода, Константина, посажен был во Владимире на княжение второй сын его, Юрий, и ростовско-суздальская земля до самого татарского нашествия была избавлена от княжеских междоусобий. Достоинно замечания, что в этой земле княжило разом несколько князей, братьев и племянников Юрия, но все они действовали заодно. Все они управляли в согласии с народом, и самая власть их зависела от народа. Таким образом, когда Всеволод распределил уделы между своими сыновьями и Ярославу отдал Переяславль-Залесский, то Ярослав, приехавши в этот город и созвавши народ в соборной церкви Св. Спаса, сказал: «Братья переяславцы! Отец мой отошел

к Богу, вас отдал мне, а меня отдал вам на руки. Скажите, братья, желаете ли иметь меня своим князем?» Переяславцы отвечали: «Очень хотим, пусть так будет. Ты наш господин». И все целовали ему крест.

Это был период благосостояния восточной Руси. Земля населялась; строились церкви и монастыри; искусство поднялось до такой степени, что русские не нуждались более в иностранных мастерах: у них были свои зодчие и иконописцы. Вместе с тем распространялось там и книжное просвещение. Ростовский владыка Кирилл составил книгохранилище; под его руководством переводились с греческого и переписывались разные сочинения, принадлежащие духовной литературе. Несколько рукописей, уцелевших от этой эпохи, показывают, что искусство переписывания доходило до значительного изящества. Княжна черниговская Евфросинья, дочь Михаила Всеволодовича, завела в Суздале училище для девиц, где учила грамоте, письму и церковному пению. Правда, книжная образованность была односторонняя и вела к монастырской жизни, а потому вращалась только в избранном кругу духовных, мало проникала в народную массу, не обнимала жизненных потребностей, но при всем том нельзя не заметить, что ростовско-суздальская земля и с этими бедными начатками просвещения стояла тогда выше южных земель, где прежде появившиеся зачатки всякой умелости погибали от внутренних неурядиц и половецких разорений. Время Юрия было также периодом значительно-

го расширения Руси на северо-востоке. На месте соединения рек: Сухони и Юга построен был город Устюг, вскоре получивший важное торговое значение. Камские болгары было завладели им, но Юрий разбил их, заставил заключить мир, отпустить всех пленников, дать заложников и утвердить мир клятвою. С другой стороны русские двигались по Волге, вошли в землю мордовскую и при слиянии Оки с Волгою основали Нижний Новгород. Управляемая многими князьками, Мордва не в силах была устоять против натиска русского племени; тогда как одни мордовские князьки искали помощи болгар против русских, другие, захваченные врасплох, отдавались русским князьям в подручники и назывались «ротниками» (потому что произносили «роту», т.е. присягу). Так, в 1228 году князья двух мордовских племен Мокши и Эрзи, Пуреша и Пургас, отчаянно воевали между собою. Пуреша сделался ротником князя Юрия и просил у него помощи против своего соперника, а Пургас приглашал к себе на помощь против Пуреша болгарского князя, но болгарский князь не успел ничего сделать, а русские вошли в землю Пургаса Эрзю (называемая в летописи Русь Пургасова), опустошили ее и загнали Мордву в неприступные дремучие леса. В 1230 году Пургас покусился было на Нижний Новгород, но был отбит, а сын Пуреша напал на него с половцами и вконец опустошил его волость. Эти события сильно способствовали русской колонизации на востоке. Иногородцы покидали свои прежние жилища, бежали на юг или удаля-

лись за Волгу, а остатки их, удерживаясь в прежней земле, принимали крещение и скоро переделывались в русских. Восточно-русская народная стихия, расширяясь далее на восток, вместе с тем принимала в себя иноплеменную кровь и, таким образом, сохраняя основание славянской народности, являлась все более и более смешанною с другими. Так развивался и устанавливался тип великорусского народа.

Глава 6

Князь Мстислав Удалой

В первой четверти XIII века выдается блестящими чертами деятельность князя Мстислава Мстиславича, прозванного современниками «Удатным», а позднейшими историками «Удалым». Эта личность может по справедливости называться образцом характера, какой только мог выработаться условиями жизни дотатарского удельно-вечевого периода. Этот князь приобрел знаменитость не тем, чем другие передовые личности того времени, которых жизнеописания мы представляем. Он не преследовал новых целей, не дал нового поворота ходу событий, не создавал нового первообраза общественного строя. Это был, напротив, защитник старины, охранитель существующего, борец за правду, но за ту правду, которой образ сложился уже прежде. Его побуждения и стремления были так же неопределенны, как стремления, управлявшие его веком. Его доблести и недостатки носят на себе отпечаток всего, что в совокупности выработала удельная жизнь. Это был лучший человек своего времени, но не переходивший той черты, которую назначил себе дух предшествовавших веков; и в этом отношении жизнь его выражала современное ему общество.

В те времена сын наследовал в глазах современников честь или бесчестие своего отца. Каков был отец, таким за-

ранее готовы были считать сына. Этим определялось нравственное значение князя при вступлении его в деятельность. От него всегда ожидали продолжения отцовских дел, и только дальнейшая судьба зависела от его собственных поступков. Отец этого князя Мстислав Ростиславич приобрел такую добрую память, какой пользовались редкие из князей. Он был сын Ростислава Мстиславича, смоленского князя, правнук Мономаха, прославился богатырской защитой Вышгорода, отбиваясь от властолюбивых покушений Андрея Боголюбского, а потом, будучи призван новгородцами, одержал блестящую победу над чудью, храбро и неутомимо отстаивал свободу Великого Новгорода и пользовался восторженной любовью новгородцев. В 1180 году он умер в молодых годах в Новгороде и был единственный из выбранных новгородских князей, которым досталась честь быть погребенным в Св. Софии. Память его до такой степени была драгоценна для новгородцев, что гроб его стал предметом поклонения, и он впоследствии причислен был к лику святых. Современники прозвали его «Храбрым», и это название осталось за ним в истории. И не только храбростью – отличался он и благочестием и делами милосердия, – всеми качествами, которыми в глазах его века могла украшаться княжеская личность. До какой степени современники любили этого князя – показывает отзыв летописца; кроме общих похвал, воздаваемых и другим князьям по летописному обычаю, говоря о нем, летописец употребляет такие выражения,

которые явно могут быть отнесены только к нему одному: «Он всегда порывался на великие дела. И не было земли на Руси, которая бы не хотела его иметь у себя и не любила его. И не может вся земля русская забыть доблести его. И черные клобуки не могут забыть приголубления его». Эта-то слава родителя, эта-то любовь к нему новгородцев и всей русской земли проложили путь к еще большей славе его сыну.

Мстислав Мстиславич делается известен в истории тем, что, помогая дяде своему Рюрику против черниговского князя Всеволода, храбро защищал против него Торческ, но принужден был уйти из южной Руси. Он получил удел в Торопце, составлявшем часть смоленской земли, и долго проживал там, не выказав себя ничем особенным. Он был уже не первой молодости и имел замужнюю дочь, когда новгородские смятения вывели его на блестящее поприще.

Великий Новгород давно вошел в тесную связь, но вместе и в столкновение с суздальско-ростовской землею и с владимирскими князьями, получившими первенство в этой земле. Со времени Андрея Боголюбского князя эти стремились наложить руку на Новгород, стараясь, чтобы в Новгороде были князья из их дома и оставались их подручниками. Новгород упорно отстаивал свою свободу, но никак не мог развязаться с владимирскими князьями, потому что в самом Новгороде была партия, ради выгод тянувшая к суздальской земле. К этому побуждали новгородцев их торговые интересы. Новгородская земля была до крайности бедна земледельче-

скими произведениями. Благосостояние Новгорода опиралось единственно на торговлю. Поэтому для Новгорода было насущной потребностью находиться в добрых отношениях с такой землей, откуда он мог получать хлеб для собственно-го продовольствия и разные сырые произведения, служившие предметом вывоза за границу, особенно воск, и куда со своей стороны новгородцы могли сбывать заморские товары. Киевская Русь приходила в упадок: она была беспрестанно опустошаема кочевниками и сильно расстроена как княжескими междоусобиями, так и поражением, нанесенным Киеву Андреем Боголюбским; суздальско-ростовская земля, напротив, сравнительно с другими землями, более удалена была от нападения иноплеменников, менее страдала от междоусобий, приходила в цветущее состояние, наполнялась жителями и, естественно, стала удобным краем для торговли. Притом же она была сравнительно ближе к Новгороду других плодородных земель, и сообщение с нею представляло более удобств. Всякая вражда Новгорода с князьями этой земли отзывалась пагубно на хозяйстве Новгорода и его торговых интересах; поэтому-то в Новгороде были всегда богатые и влиятельные люди, хотевшие, во что бы то ни стало, находиться в ладах с этим краем. Суздальские князья хорошо понимали такую зависимость новгородских интересов от их владений и потому смело дозволяли себе насильственные поступки по отношению к Новгороду. Во все время продолжительного княжения суздальского князя Всеволода Юрье-

вича Новгород не любил этого князя, ссорился с ним, но отвязаться от него не мог. Со своей стороны, Всеволод, чтобы не ожесточить новгородцев, временами льстил их самолюбию, оказывал наружное уважение к свободе Великого Новгорода, а потом, при случае, заставлял их чувствовать свою железную руку. В 1209 году, угождая благоприятствующей ему партии, он вывел из Новгорода старшего своего сына Константина и послал другого сына, Святослава, без вольного избрания, как будто желая показать, что имеет право назначать в Новгород такого князя, какого ему будет угодно. Но в Новгороде, кроме партии, которая склонялась ради собственных выгод к суздальскому князю, была постоянно противная партия, которая ненавидела вообще князей суздальской земли и не хотела, чтоб оттуда приходили князья на княжение в Новгород. Эта партия взяла тогда верх и обратилась на своих противников – сторонников суздальских князей. Народ низложил посадника Дмитра, обвинил его в отягощении людей, разграбил и сжег дворы богачей, державшихся из корысти суздальской партии; а Всеволод, в отмщение за такую народную расправу, приказал задерживать новгородских купцов, ездивших по его волости, отбирать у них товары и не велел пускать из своей земли хлеба в Новгород. Это было в 1210 году.

В это время как бы внезапно является в новгородской земле торопецкий князь Мстислав. В древних известиях не видно, чтобы его призывал кто-нибудь. Мстислав является бор-

цом за правду, а правда для Новгорода была сохранение его старинной вольности. Зимой неожиданно напал Мстислав на Торжок, схватил дворян Святослава Всеволодовича и новоторжского посадника, державшегося суздальской стороны, заковал, отправил в Новгород и приказал сказать новгородцам такое слово:

«Кланяюсь Св. Софии и гробу отца моего, и всем новгородцам: пришел к вам, услыхавши, что князья делают вам насилие; жаль мне своей отчины!»

Новгородцы воодушевились, умолкли партии, притаились корыстные побуждения. Все волей-неволей стали заодно. Князя Святослава, сына Всеволодова, с его дворянами посадили под стражу на владычнем дворе и послали к Мстиславу с честною речью: «Иди, князь, на стол».

Мстислав прибыл в Новгород и был посажен на столе. Собралось ополчение новгородской земли: Мстислав повел его на Всеволода, но когда он дошел до Плоской – к нему явились послы Всеволода с таким словом от своего князя: «Ты мне сын, я тебе отец; отпусти сына моего Святослава и мужей его, а я отпущу новгородских гостей с их товарами и исправлю сделанный вред».

Всеволод был осторожен и умел вовремя уступить. Мстиславу не за что было драться. С обеих сторон целовали крест. Мстислав воротился в Новгород победителем, не проливши ни капли крови.

В следующем году (1211), по настоянию Мстислава, был

сменен новгородский владыка Митрофан, сторонник князя суздальского. Хотя он был поставлен и с согласия веча, но по предложению Всеволода; и потому его выбор казался тогда несвободным. Его низложили и сослали в Торопец, наследственный удел Мстислава. На его место избрали Антония из Хутынского монастыря. В мире он был боярин и назывался Добрыня Ядрейкович, ходил в Цареград на поклонение святыни и описал свое путешествие, а по возвращении постригся в монахи; это был человек противный суздальской партии. Мстислав ездил по новгородской земле, учреждал порядок, строил укрепления и церкви; потом предпринимал два похода на Чудь вместе со псковичами и торопчанами. В первый – взял он чудский город Оденпе. Во второй – подчинил Новгороду всю чудскую землю вплоть до моря. Взявши с побежденных дань, он дал две трети новгородцам, а треть своим дворянам (дружине).

По возвращении Мстислава из чудского похода, к нему пришло приглашение из южной Руси решить возникшее там междоусобие. Киевский князь Рюрик Ростиславич, дядя Мстислава, умер. Черниговский князь Всеволод, прозванный Чермным, выгнал с киевской земли Рюриковых сыновей и племянников и сам овладел Киевом: за несколько лет перед тем в Галиче народным судом повесили его родственников Игоревичей; Всеволод обвинял изгнанных киевских князей в соучастии и принял на себя вид мстителя за казненных. Изгнанники обратились к Мстиславу. Снова пред-

ставился Мстиславу случай подняться за правду. Линия Мономаховичей издавна княжила в Киеве; народная воля земли не раз заявляла себя в их пользу. Ольговичи, напротив, покушались на Киев и овладевали им только с помощью насилия. Мстислав собрал вече и стал просить новгородцев оказать помощь его изгнанным родственникам.

Новгородцы в один голос закричали: «Куда, князь, взглянешь ты очами, туда обратимся мы своими головами!»

Мстислав с новгородцами и своею дружиною двинулся к Смоленску. Там присоединились к нему смольняне. Ополчение пошло далее, но тут на дороге новгородцы не поладили со смольнянами. Одного смольнянина убили в ссоре, а потом несогласие дошло до того, что новгородцы не хотели идти далее. Как ни убеждал их Мстислав, новгородцы ничего не слушали; тогда Мстислав поклонился им и, распроставшись с ними дружелюбно, продолжал путь со своей дружиной и смольнянами.

Новгородцы опомнились. Собралось вече. Посадник Твердислав говорил: «Братья, как наши деды и отцы страдали за русскую землю, так и мы пойдем со своим князем». Все опять пошли за Мстиславом, догнали его и соединились с ним.

Они повоевали города черниговские по Днепру, взяли приступом Речицу, подошли под Вышгород. Тут произошла схватка. Мстислав одолел. Двое князей Ольгова племени попались в плен. Вышегородцы отворили ворота. Тогда Все-

волод Чермный увидел, что дело его проиграно, и бежал за Днепр, а киевляне отворили ворота и поклонились князю Мстиславу. На киевском столе был посажен его двоюродный брат Мстислав Романович. Установивши ряд в Киеве, Мстислав отправился к Чернигову, простоял под городом двенадцать дней, заключил мир и взял со Всеволода дары, как с побежденного.

Он со славою вернулся в Новгород, и сам великий Новгород возвышался его подвигами, так как новгородская сила решала судьбу отдаленных русских областей.

Но у Мстислава было слишком много охоты к трудам и подвигам, притом не по душе ему было и то, что в Новгороде не исчезала партия, расположенная к суздальской земле. Явилось ко Мстиславу посольство из Польши, куда уже проникла его слава. Краковский князь Лешко приглашал его отнять Галич у венгров, которые, пользуясь смутами на галицкой земле, посадили там своего королевича.

Мстислав на вече поклонился Великому Новгороду и сказал: «Есть у меня дела на Руси; а вы вольны в князьях». Затем он уехал в Галич с дружиною.

В Галиче именем несовершеннолетнего венгерского королевича Коломана правили венгерский воевода Бенедикт Лысый и боярин Судислав, глава боярской партии, призвавшей венгров. Мстислав выгнал их обоих из Галича, сел в этом городе и обручил дочь свою Анну за Данила, княжившего во Владимире-Волынском. Данило был сын Романа, два раза

княжившего в Галиче, и сам в юности уже не раз был призываем и изгоняем галичанами.

Скоро пришлось Мстиславу поссориться с Лешком, который пригласил его в Галич. Князь Данило обратился к Мстиславу с жалобой на Лешка, что он захватил себе часть волынской земли, и просил содействия, чтоб отнять у него свое достояние. Мстислав, всегда верный данному слову, отвечал: «Лешко мой друг, я не могу подняться на него; ищи себе иных друзей!» Тогда Данило расправился сам и отнял у польского князя присвоенный им край. Лешко думал, что Мстислав мирволит поступкам своего зятя, заключил союз с венграми и стал воевать разом и против Мстислава, и против Данила. Мстиславовы воеводы, которые должны были первые отражать врагов, вели дела плохо и сдали венграм и полякам Перемышль и Городок (Гродек). Мстислав оставил оборонять Галич князя Данила и его двоюродного брата Александра Бельзского, а сам стал на Зубри. Александр не слушал и ушел, а Данило храбро отбивался в городе; но когда враги, оставивши осаду, двинулись на Мстислава, Мстислав приказал Данилу выйти из Галича. Данило геройски пробивался сквозь неприятельскую силу с боярином Глебом Зеремеевичем и другими и с большим трудом, терпя при этом голод, соединился с Мстиславом. Похвалив зятя за мужество, Мстислав сказал ему: «Иди, князь, теперь в свой Владимир, а я пойду к половцам, будем мстить за свое посрамление».

Но Мстислав отправился не к половцам, а на север. Пришла к нему весть, что князья опять творят насилие над его дорогим Новгородом, и он поспешил выручить его из беды.

По уходе Мстислава из Новгорода, там взяла верх суздальская партия: руководимая торговыми интересами, она решила призвать к себе князем одного из сыновей Всеволодовых Ярослава, человека нрава крутого. К нему отправились посадник, тысяцкий и десять старейших купцов. Владыка Антоний, хотя и не расположенный внутренне к такой перемене, должен был встречать нового князя с почетом.

Этот князь тотчас же начал расправляться с недоброжелателями и противниками, приказал схватить двух из них, Якуна Зуболомича и Фому Доброщинича, новоторжского посадника, и отправил их в оковах в Тверь; затем, по наущению Ярослава на вече, сторонники его разграбили дом тысяцкого Якуна, схватили жену его, и князь взял под стражу его сына. Противная ему партия взволновалась. Пруссы (жители прусской улицы) убили Евстрата и сына его Луготу, вероятно, сторонников Ярослава. Рассерженный такою народною расправою, Ярослав оставил на Городище наместника Хотя Григоровича, а сам ушел в Торжок и задумал большое дело — «обратить Торжок в Новгород».

Город Новый Торг или Торжок, новгородский пригород, в предшествовавшее время получил важное торговое значение. Новоторжцы стали соперничать с новгородцами и, естественно, желали большей или меньшей независимости

от Новгорода. Положение Торжка было таково, что добрые отношения с суздальской землей были для его жителей крайней необходимостью. Как только у Новгорода наступал разлад с суздальскими князьями и начинались враждебные действия со стороны последних против Новгорода, прежде всего доставалось Торжку: суздальские князья захватывали этот пограничный город новгородской земли. Так в 1181 году Всеволод Юрьевич, рассорившись с новгородцами, не в силах был добраться до самого Новгорода, но взял Новый Торг и разорил его. И прежде бывали примеры, что те новгородские князья, которые были подручниками суздальских князей, будучи изгнаны из Новгорода, уходили в Торжок и находили себе там упор, чтобы с помощью, получаемой из суздальской земли, вредить Новгороду. (Так в 1196 году поступил князь Ярослав Владимирович). На этот раз Ярослав Всеволодович поступал решительнее. У него уже был пример в суздальской земле, где князья подняли значение пригорода Владимира и унизили достоинство старых городов: Ростова и Суздаля. По примеру отца и дяди, Ярослав хотел произвести то же на новгородской земле: сделать Новый Торг столицей земли, а Новгород низвести на степень пригорода. Обстоятельства помогали ему. На новгородской земле мороз побил хлеб; сделалась дороговизна, страшная для бедных людей. Ярослав не пускал в Новгород ни одного воза с хлебом. В Новгороде начался голод. Родители из-за куса хлеба продавали детей своих в рабство. Люди умирали с го-

лodu на площадях, на улицах; мертвые валялись по дорогам, и собаки терзали их. Новгородцы послали к князю Ярославу просить его к себе, но Ярослав ничего не отвечал им и задержал посланных. Новгородцы вторично послали к этому князю с такою речью: «Иди в свою отчину к Св. Софии, а не хочешь идти – так скажи». Ярослав снова задержал посланных и ничего не сказал Новгороду, но на этот раз только позаботился о том, чтобы вывезти оттуда свою жену, дочь Мстислава Мстиславича. Он велел останавливать на дорогах новгородских гостей и держал их в Торжке. Тогда, по словам летописца, в Новгороде была великая печаль и вопль.

В таких стесненных обстоятельствах снова явился Мстислав выручать Великий Новгород, счастливо избегнув отряда из ста новгородцев, посланного Ярославом не допускать Мстислава до города. Этот отряд сам передался Мстиславу. 11 февраля 1216 года Удалой прибыл в Новгород, приказал схватить и заковать Ярославовых дворян, приехал на Ярославов двор на вече, поцеловал крест Великому Новгороду и сказал: «Либо возвращу новгородских мужей и новгородские волости, либо голову свою повалю за Великий Новгород!» – «На жизнь и на смерть готовы с тобой!» – отвечали новгородцы.

Прежде всего Мстислав отправил к Ярославу священника Юрия, из церкви Иоанна на Торговище, с такой речью: «Сын мой, отпусти мужей и гостей новгородских, уйди из Нового Торга и возьми со мною любовь!» Ярослав не только отпу-

стиль священника без мирного слова, но, как бы в поругание над требованием своего тестя, приказал заковать захваченных новгородцев и отправить в заточение по разным городам, а товары и имущество роздал своей дружине. Число таких узников, вероятно, преувеличенное, летописец простирает до двух тысяч.

Когда весть об этом дошла в Новгород, Мстислав велел звонить на вече на Ярославовом дворе, явился посреди народа и сказал:

«Идем, братья, поищем мужей своих, вашу братью, вернем волости ваши, да не будет Новый Торг Великим Новгородом, ни Новгород Торжком! Где Св. София – тут и Новгород; и во многом Бог и в малом Бог и правда!»

Новгородцы были не одни. По призыву Мстислава за них шли псковичи с братом Мстислава Владимиром, а впоследствии присоединились и смоляне с племянником Мстислава Владимиром Рюриковичем. На счастье новгородцам, в самой суздальской земле после смерти Всеволода Юрьевича шел тогда спор между старшим сыном его Константином ростовским и меньшим Юрием, которому отец, вопреки правам старшего брата, завещал старейшинство на суздальской земле. Мстислав объявил, что, защищая новгородское дело, он в то же время заступает за правду и в суздальской земле хочет восстановить права старейшего брата.

1-го марта 1216 года ополчение двинулось в поход через Селигер, а дня через два несколько знатных новгородцев бе-

жало к Ярославу, забрав с собою свои семьи, которым бы пришлось плохо от народного негодования. Проходя через торопецкую землю, Мстислав позволил своим воинам собирать корм для себя и лошадей, но строго запрещал трогать людей. Брат Ярослава Святослав прибыл было помогать брату, но Мстислав прогнал его от Ржева. Следуя далее, Мстислав взял Зубцов, на реке Вазузе соединился со смольнянами и, ставши на реке Холохольне, послал, от имени своего, союзных князей и Новгорода предлагать Ярославу мир и управу.

Ярослав отвечал: «Не хочу мира; пошли, так идите – сто наших будет на одного вашего!» «Ты, Ярослав, с силой, а мы с крестом!» – сказали тогда между собою союзные князья.

Новгородцы кричали: «Идти к Торжку!» – «Нет, не к Торжку, – отвечал Мстислав. – Если пойдем к Торжку, то опустошим новгородскую землю; пойдем лучше к Переяславлю; есть у нас там третий друг».

Новгородцы не знали, где Ярослав: в Твери или Торжке; пошли к Твери и начали разорять и жечь села. Ярослав услышал об этом и ушел в Тверь, но, узнавши, что враги идут дальше на суздальскую землю, убежал в Переяславль. Мстислав отправил боярина Явольда к Константину ростовскому с вестью, а сам с новгородцами шел в санях по льду. На этом пути они сожгли городки Шешю и Дубну, а псковичи и смольняне взяли город Коснятин. По дороге к ним прибыл посланный от Константина с поклоном. Он посылал союзникам 500

человек ратников в помощь. Скоро лед стал таять. Они побросали сани, сели на лошадей и поехали к Переяславлю, проведавши, что Ярослав уже там. У городища на реке Саре апреля 9-го, в великую субботу, пришел к ним Константин со своими ростовцами. Князья взаимно целовали крест, отрядили псковичей к Ростову, а сами, отпраздновав Пасху, подошли к Переяславлю. Ярослава уже там не было: он ушел к брату Юрию во Владимир, где готовилось большое ополчение.

Вся суздальская земля вооружилась; из сел погнали на войну земледельцев. К суздальцам пристали муромцы, городчане и бродники (последним именем назывались сбродные шайки восточных степей). «Сын шел на отца, брат на брата, рабы на господ», – говорит летописец, намекая на то, что в суздальском ополчении были новоторжцы и даже новгородцы, с новгородцами против суздальской земли шли ростовцы со своим князем.

Собранное суздальское ополчение расположилось на реке Гзе; Мстислав с новгородцами и Владимир со псковичами стали у Юрьева, а Константин с ростовцами стал на реке Липице. Мстислав послал сотского Лариона к Юрию:

«Кланяемся тебе, от тебя нам нет обиды. Обида нам от Ярослава».

Князь Юрий отвечал: «Мы один человек с братом Ярославом». Тогда Мстислав послал того же Лариона к Ярославу с таким словом: «Освободи мужей моих новгородцев и ново-

торжцев, верни волости новгородские, что ты занял, Волок отдай; возьми с нами мир и целуй нам крест, а крови проливать не будем».

Ярослав отвечал: «Мира не хотим; мужи ваши у меня; издалека вы пришли, а вышли, как рыбы на сухо».

Услышали от Лариона речь эту новгородцы, и Мстислав опять послал сказать князьям: «Братья Юрий и Ярослав! Мы пришли не кровь проливать; не дай Бог дойти до этого; мы пришли управиться между собою; мы одного племени: дадим старейшинство Константину и посадим его во Владимире, а вам вся суздальская земля».

«Скажи братьям нашим Мстиславу и Владимиру, – отвечали Ярослав и Юрий, – прийти-то вы пришли, а куда-то думаете уйти? А брату Константину скажи: пересиль нас – твоя будет вся земля!»

Самонадеянные суздальские князья заранее хвалились будущей победой и учредили у себя в шатре пир с боярами. Некоторых из старых бояр смущало то, что на стороне противников была правда, освященная старыми обычаями. Один из них, Творимир, обратился к князьям с такою речью:

«Князья Юрий и Ярослав! Меньшие братья в вашей воле; но как по моему гаданию, – то лучше бы вам взять мир и дать старейшинство Константину! Не смотрите, что их меньше, чем наших; Ростиславова племени князья мудры, рядны и храбры, и мужи их новгородцы и смольняне дерзки в бою; а про Мстислава Мстиславича сами знаете, что храбрость дана

ему паче всех; подумайте, господа».

Молодым князьям не полюбилась такая речь. Зато другие бояре, помоложе, льстили им и говорили так: «Князья Юрий и Ярослав! Никогда того не бывало, ни при отцах ваших, ни при дедах, ни при прадедах, чтобы кто вошел ратью в сильную суздальскую землю и вышел бы из нее цел; да хоть бы вся русская земля пошла на нас: и галицкая, и киевская, и смоленская, и черниговская, и новгородская, и рязанская, да и тогда ничего с нами не поделают; а что эти полки, – там мы их седлами закидаем!»

Понравились такие слова князьям. Они созвали бояр и начальных людей и сказали им такую речь:

«Сам товар пришел в руки: достанутся вам кони, брони, платье; а кто человека возьмет живьем, – сам убит будет; хоть у кого и золотом будет шито оплечье, – и того бей; двойная от нас будет награда! Не оставим живым никого. А кто из полку убежит, да поймает его, того прикажем вешать и распинать; а кто из князей попадет к нам в руки, так уж мы о них тогда потолкуем».

Отпустивши людей, князья вернулись в свой шатер и в несомненной надежде на победу стали делить между собою волости побежденных; и сказал Юрий: «Мне, брат Ярослав, володимирскую и ростовскую землю, а тебе Новгород, а Смоленск брату нашему Святославу, а Киев дадим черниговским князьям, а Галич нам же!» Летописец говорит, что они даже писали грамоты в таком смысле, и эти грамоты, по-

сле одержанной над ними победы, попали в руки смольнянам.

Мстислав с новгородцами, псковичами и смольнянами стоял все еще у Юрьева. Он не совсем доверял ростовскому князю; хотя общие виды соединили ростовского князя с новгородцами, но он все-таки был один из суздальских князей, и если бы братья с ним поладили, то и он, быть может, пошел бы заодно с ними, когда дело приняло бы исключительно смысл борьбы всей суздальской земли с новгородской.

Вечером после пира, происходившего у суздальских князей, прибыл от них ко Мстиславу гонец с приглашением выступить на бой к Липице. Война имела вид как бы поединка; враги сходились на бой в заранее условленное место.

Мстислав и его союзники пригласили тотчас Константина, потолковали с ним обстоятельно и привели к крестному целованию: он присягнул в том, что не перейдет к братьям и не изменит союзникам. Вслед за тем ночью новгородцы и их союзники двинулись к Липице.

Суздальские полки также выступили ночью; в стане Константина заиграли на трубах, и ратники его дружно крикнули. Тогда, если верить новгородскому сказанию, на суздальцев нашел переполох и сами князья, так недавно в воображении делившие между собою волости побежденных, чуть было не побежали.

На рассвете новгородцы с союзниками были уже на Липице. Врагов, вызывавших их на бой в это место, где была

равнина, там не было: они перешли через лес и стали на горе, которая называлась Авдова гора. Тогда новгородцы и их союзники также пошли от реки Липицы в сторону и стали на горе, которая называлась Юрьева. Внизу под нею протекал ручей, называемый Тунег, а на другой стороне долины была гора Авдова, где стояли суздальцы. Несколько времени враги смотрели друг на друга при утреннем солнце и не начинали битвы. Мстислав все еще сохранял вид, что вышел на брань только по крайней необходимости, что виной всему упрямство и несправедливость суздальских князей и что он сам всегда предпочитает мир брани. Он еще раз отправил к Юрию трех мужей с таким словом:

«Дай мир, а не дашь мира, то либо вы отсюда отступите на ровное место и мы на вас пойдем, либо мы отступим к Липице, а вы на нас нападайте». Юрий отвечал:

«Мира не принимаю и не отступлю; вы прошли через нашу землю, так разве этой заросли не перейдете».

Суздальские князья приказали внизу заплести плетень и вбить кольев: они думали, что враги ударят на них ночью.

Получив ответ от Юрия, Мстислав вызвал охотников, удающую молодежь, и пустил их открывать битву. Молодцы билась усердно до вечера: тогда был большой ветер и сделалось очень холодно. Воины Мстислава досадовали, что враги уклоняются от решительного боя.

Утром союзники решили идти к Владимиру и начали сниматься. Суздальцы заметили в неприятельском лагере суету

и стремительно стали сходить с горы, думая ударить новгородцам и их союзникам в тыл; но новгородцы тотчас обратились на них.

Тут князья начали держать совет. Ростовский князь сказал: «Когда мы пойдем мимо них, они нас возьмут в тыл, а люди мои не дерзки на бой: разойдутся в города».

В ответ на это Мстислав возразил: «Братья, гора нам не может помочь и гора не победит нас; воззрите на силу честного креста и на правду: пойдем к ним!»

Воодушевленные его словами союзные князья стали устанавливать ратных в боевой порядок. Со своей стороны, суздальцы, видя, что противники не идут далее, сами стали устанавливаться. Новгородцы со Мстиславом и псковичи со своим князем занимали середину, на одном крае стояли смольняне, на другом – ростовцы с Константином. У Константина были славные витязи Александр Попович со слугою Торопом и Добрыня Резанич, по прозванию «Золотой Пояс». Напротив псковичей стал Ярослав со своими полками: в ряду их были бежавшие новгородцы и новоторжцы, с ними стояли муромцы, городчане и бродники. Против Мстислава и новгородцев стояла вся суздальская земля с князем Юрием, а против Константина и ростовцев его меньшие братья.

Мстислав, проезжая перед рядами новгородцев, говорил: «Братья! Мы вошли в землю сильную: воззрим на Бога и станем крепко; не озирайтесь назад: побежавши, не уйдешь; за-

будем, братья, жен, детей и дома свои: идите на бой, как кому любо умирать, кто на коне, кто пеший!»

«Мы на конях не хотим умирать, мы будем биться пешие, как отцы наши бились на Колокше!» – говорили новгородцы.

Новгородцы сбросили с себя верхнее платье, сапоги и босые побежали вперед с криком. Их примеру последовали смольняне, но, сбросив сапоги, обвили себе ноги. Смольнянами предводительствовал Ивор Михайлович; он ехал верхом, так, чтобы его видели ратные. За ним следовали князья с дружиною, также на конях. С противной стороны устремились в бой пешие Ярославовы люди. Ивор проезжал через заросль и под ним споткнулся конь; пешие новгородцы опередили его и сцепились с неприятелем: пошли в дело дубины и топоры. Поднялся страшный крик. Суздальцы побежали; новгородцы подсекли стяг (знамя) Ярослава. Затем подоспел Ивор со смольнянами. Добрались до другого стяга. Князья с дружинами оставались позади. Тут Мстислав, увидя, что молодцы зашли слишком далеко и неприятельская сила может окружить и смять их, закричал: «Не дай Бог, братья, выдавать этих добрых людей!» И он пустился вперед сквозь свою пехоту: за ним последовали другие князья. Настала жестокая сеча. Юрий и Ярослав бежали, сбросив свой обоз. Быть может, это было сделано в надежде, что противники бросятся на грабеж, а тем временем можно будет обратиться и ударить на них. Но Мстислав закричал: «Братья новгородцы, не бросайтесь на обоз, а бейте их; не то – они вернутся и

сметут нас». Новгородцы послушались и продолжали крепко сражаться, а смоляныне оставили бой и начали грабить обоз. Сам Мстислав трижды проехал сквозь неприятельские полки, поражая направо и налево топором, который был у него привязан к руке поворозкою (шнурком).

Все пошло врассыпную; много суздальцев пало под ударами топоров новгородских и смоленских, много утонуло во время бегства, много раненых прибежало во Владимир, Переяславль, Юрьев и там умерло. «Такова-то была, – говорит летописец, – слава Юрия и Ярослава; напрасна была их похвальба: в прах обратились сильные полки их». Семнадцать знамен Юрия, тринадцать Ярослава и до ста труб и бубен достались победителям. Шестьдесят человек было взято в плен; убитых врагов летописец насчитывает 9203, а у новгородцев и смолян было убито только 5 человек: цифры, разумеется, баснословные. Несомненно только то, что суздальцы были разбиты наголову.

Эта замечательная битва происходила в четверг 21 апреля 1216 года.

Прежде всех бежал Ярослав; Юрий последовал за ним: он загнал трех коней, прискакал без седла на четвертом во Владимир в полдень того же дня, босой и в одной рубашке. В городе оставались одни попы, чернецы, женщины и дети, народ невоинственный. Увидя своих, они обрадовались: думали, что возвращаются победители; ведь и прежде уверяли их: «Наши одолеют!» Но не победителем вернулся Юрий; расте-

рянный ездил он вокруг стен города и кричал: «Укрепляйте город». Тогда вместо веселья поднялся плач. К вечеру усилилось смятение, когда с несчастного побоища стали собираться беглецы: кто был ранен, а кто наг и бос. И всю ночь продолжали они сходитьсь один за другим.

Наутро князь собрал вече и говорил: «Братья владимирцы, затворимся в городе и станем отбиваться».

«С кем затворимся? – возражали ему. – Братья наши избиты, другие в плен взяты, а те, что прибежали, безоружны: с кем станем на бой?»

«Все это я знаю, – оворил Юрий. Прошу только, не выдавайте меня, не выдавайте меня ни Мстиславу, ни брату моему Константину! Лучше я сам по своей воле выеду из города». Владимирцы обещали.

Союзники подступили к городу в воскресенье 29 апреля и объехали его кругом.

В ночь с воскресенья на понедельник загорелся княжеский двор во Владимире. Новгородцы хотели взять город приступом, но Мстислав не пустил их; на другую ночь опять сделался пожар; смольняне хотели идти на приступ, но их остановил князь Владимир Рюрикович. Неизвестно, что было причиною этих пожаров: случай ли, зажигательство в пользу осаждающих или метание огня через стену. Но после второго пожара Юрий прислал поклон князьям и велел сказать: «Не делайте мне зла сегодня; завтра я выеду из города». Наутро Юрий с двумя меньшими братьями явился к

Мстиславу и его союзникам и сказал: «Братья, кланяюсь вам и челом бью: живот оставьте и хлебом накормите; а брат мой Константин в вашей воле!» Юрий поднес дары князьям, и они помирились с ним.

Мстислав дал такое решение: Константину взять Владимир, а Юрию отдать Радилев-Городец.

Немедленно изготовили ладьи и насады. В них села дружина князя Юрия; одна ладья ожидала самого князя с его женой. Юрий помолился в последний раз в церкви Богородицы, поклонился гробу отца и сказал: «Суди Бог брату моему Ярославу: он меня довел до этого!» С ним отправился владыка.

Во Владимир въехал Константин. Граждане вышли к нему навстречу с крестами и целовали ему крест в верности. Он щедро одарил своих союзников: новгородцев, псковичей и смольнян.

Упрямый и жестокий Ярослав с побоища бежал в Переяславль так скоро, что загнал четырех коней, а на пятом прискакал в город. В порыве досады он приказал перековать всех новгородцев и смольнян, какие только были в городе по торговым и другим делам. Новгородцев велел он бросить в погреб и тесные избы; их было человек полтора, и многие из них задохлись; пятнадцать человек смольнян держали в заключении особо, и они все остались живы.

Мстислав с союзниками 3 мая подходил к Переяславлю. Рядом с ним шел со своим полком и Константин. Не допу-

стивши их до Переяславля, Ярослав сам добровольно вышел и явился к брату своему Константину.

«Брат и господин, – сказал он, – я в твоей воле; не выдавай меня ни тестю моему Мстиславу, ни Владимиру, сам накорми меня хлебом».

Константин взялся примирить Мстислава с Ярославом. Ярослав послал щедрые дары князьям и новгородцам. Но Мстислав не пошел к городу, не хотел видеть Ярослава, а потребовал только, чтобы дочь его, жена Ярослава, приехала к нему и чтобы все задержанные новгородцы, какие остались в живых, были немедленно отпущены на свободу и доставлены к нему. Требование победителя было исполнено. Напрасно после того Ярослав посылал ко Мстиславу с мольбою отпустить жену. «По правде меня крест убил!» – сознавался он. Мстислав оставался непреклонен и уехал с дочерью в Новгород.

Этот победоносной войной Мстислав утвердил за Новгородом высокое нравственное значение и показал, что нельзя безнаказанно нарушать его права и самостоятельность; вместе с тем он с новгородцами установил ряд в суздальской земле, как прежде сделал он это в киевской с теми же новгородцами. Ни один князь не сделал того для новгородцев, что сделал для них Мстислав Удалой; но они, как показывает последующая история, мало воспользовались его заслугами.

В следующем году, оставив жену и сына в Новгороде, Мстислав ходил с новгородскими боярами в Киев, быть мо-

жет, для приготовления к будущему походу в Галич, а по возвращении из Киева в Новгород, взял под стражу Станимира с сыном. Вероятно, суздальская партия оживала, и против Мстислава замышлялись козни. Мстислав, впрочем, вскоре отпустил его. То же вслед за тем произошло в Торжке, где посажен был сын Мстислава Василий. Мстислав взял там под стражу Борислава Некуришинича, но также простил его и отпустил. Эти случаи показывают, что и Мстислав, после всего сделанного им для Новгорода, не мог надеяться долго оставаться там в ладу со всеми: у него были зложелатели. В это время скончался в Торжке сын его Василий: тело его привезли в Новгород и погребли близ дедовского гроба в Св. Софии. Оплакавши сына, удалой князь вскоре после того явился на вече и сказал:

«Кланяюсь Св. Софии, гробу отца моего и вам! Хочу поискать Галича, а вас не забуду. Дай Бог лечь у гроба отца моего, у Св. Софии!»

Новгородцы упрашивали его остаться с ними. Все было напрасно. Мстислав уехал, и навсегда. Не привелось ему лечь у Св. Софии.

Галич, оставленный Мстиславом, находился в это время в руках венгров. Там снова был посажен королевич Коломан, а главным воеводою был назначен бан Фильний, который в летописях наших называется «Филя прегордый». Он относился с крайним презрением к русским, сравнивал их с глиняными горшками, а себя с камнем, приговаривая: «Один ка-

мень много горшков побивает». Была еще у него и другая поговорка: острый меч, борзый конь – много Руси! (т.е. покорю). Высокомерие его раздражало галичан, и он не доверял им. Мстислав Удалой между тем пригласил половцев и шел на Галич (1218). С ним был Владимир Рюрикович, недавно помогавший ему в борьбе с суздальской землей. Услыхавши об этом, Фильний укрепил Галич и внутри города обратил в крепость церковь Св. Богородицы, что еще более раздражило против него русских, видевших в этом оскорбление святыни. Поляки помогали венграм. Не допуская Мстислава до города, Фильний, взявши с собой галицкого боярина Судислава и других, вышел навстречу Мстиславу. Поляки составляли правую сторону его войска, а галичане и венгры левую. Русская рать также разделилась на две половины. Одной начальствовал Мстислав, другою – Владимир, а половцы стали в отдалении, чтобы ударить на неприятеля тогда, когда сцепятся с ними русские. Мстислав заметил, что поляки стоят на довольно далеком расстоянии от венгров, сообщил, что следует делать, вдруг отделился от Владимира и отошел на возвышение, там он укреплял свою рать именем честного креста. Владимир сильно роптал на него за это и говорил, что Мстислав погубит все русское войско. Поляки стремительно ударили на Владимира, обратили его в бегство и погнались за ним, так что венгерское войско скрылось у него из глаз. Но тогда-то Мстислав и половцы разом бросились на венгров. Сеча была злая, русские победили венгров.

Сам Фильний был взят в плен; все его венгры упали духом. Поляки, прогнавши Владимира, набравши добычи, возвращались со множеством пленных и пели победные песни, не зная, что сделалось с союзниками, как вдруг наткнулись на победителей, а с другой стороны бежавшие русские обратились на них же. Поляки были совершенно разбиты. Половцы забирали побежденных в плен, жадно бросались на лошадей, оружие и одежды, но русские, по приказанию Мстислава, не кидаясь на добычу, били врагов без всякой пощады. Вопль и крики убиваемых достигали до Галича. По всему полю валялись тела, никем не погребаемые; вода в реке побагровела от крови.

Мстислав, взявши с собою пленного Фильния, требовал сдачи Галича и обещал полную пощаду. Сам Фильний послал со своей стороны совет сдаться, так как никакой надежды на победу не было. Три раза посылал Мстислав и предлагал сдаться. Но венгры, сидевшие в Галиче, упорствовали и даже выгоняли из города галичан с женами и детьми из боязни измены и вместе для того, чтобы не кормить их во время осады. Тогда Мстислав объявил, что теперь уже не будет никакой пощады осажденным. Венгры, при своей самонадеянности, так были оплошны, что обращали внимание только на одни ворота, а между тем русские сделали подкоп, подземным путем проникли в город, отбили от ворот венгров, ошеломленных внезапностью, и отворили Мстиславу ворота.

Рано утром Мстислав вступил в Галич. Коломан с женою

и знатнейшие венгры со своими женами заперлись в церкви Св. Богородицы. Мстислав подошел к церкви и требовал сдачи. Венгры не сдавались. Жажда томила их. Мстислав сам послал Коломану сосуд холодной воды. Венгры благодарили за такое великодушие, делили между собой воду чуть ли не по капле, но все-таки не сдавались. Наконец, когда их стал одолевать голод, они отворили церковные двери, умоливши Мстислава даровать им, по крайней мере, жизнь. Венгерские бароны со своими женами и несколько поляков достались в плен половцам и русским. Самого пленного Коломана с женою Мстислав отправил в Торческ. Галицкая земля с восторгом признала победителя своим князем. Поселяне добивали разбежавшихся с битвы венгров. Русские величали Мстислава «своим светом», называли «сильным соколом», говорили, что сам Бог поручил ему меч для усмирения гордых иноплеменников. Бояре, державшиеся венгров, отдавались на милость победителя. Главнейший из них, Судислав, пришел к Мстиславу, обнимал его колена и просил помилования. Мстислав не только простил его, но даже дал в управление Звенигород. Данило приехал к тестю с малою дружиною и поздравлял его. Они пировали и радовались; и радовалась с ними вся галицкая земля.

Венгерский король Андрей, услышавши о несчастье, постигшем сына, отправил к Мстиславу требование отпустить пленника, в противном случае грозил послать огромное войско. Но Мстислава нельзя было испугать угрозами. Он от-

вечал, что победа зависит от Бога и он, Мстислав, надеясь на Бога, готов встретить неприятельские силы. Король мало-помалу оставил свой горделивый тон: супруга его особым посольством умоляла Мстислава сжалиться и отпустить сына. Со своей стороны, бояре, вскоре заметившие слабые стороны характера Мстислава, приобрели на него влияние и всячески располагали к миру с венгерским королем. Мстислав, при всей своей храбрости и воинственности, всегда был расположен к миру и прибегал к войне только тогда, когда противники не хотели мириться на условиях, которые он признавал согласными с правдой. В 1221 году Мстислав не только помирился с венграми и поляками, но заключил дружественный договор с венгерским королем, обручил дочь свою Марию с его сыном Андреем и отдал будущему зятю во владение Перемышль.

Но через два года судьба призывала Мстислава к иному подвигу. В то время как русские князья и дружины их тратили силы в междоусобиях, в неведомых восточных странах совершались великие перевороты. На северной границе китайской империи хан Темучин, властитель монголов, народа, прежде подвластного татарам-ниучам, сделался сам повелителем многочисленных татарских племен, разорил часть китайской империи и взял Пекин, потом обратился на запад, завоевал и разорил могущественную и цветущую империю турков харазских¹³ и положил основание обширней-

¹³ Бухара, Самарканд, Герат, Балк, Хива и проч.

шей империи, когда-либо существовавшей в Азии. Он владел неизмеримыми пространствами от Амура до Волги, повелевал множеством народов, составлявших его военную силу, и был прозван Чингис-Ханом, т.е. великим ханом. Его завоевательные движения достигли до половцев. Татары столкнулись с половцами на восточном берегу Каспийского моря, где половцы были заодно с аланами (жителями Дагестана). Чтобы отвлечь половцев от этого союза, предводители полчища, посланного Чингис-Ханом, сначала коварно сдружились с ними, уверивши их, что татары, будучи одного с ними племени, не хотят действовать против них враждебно. Половцы доверились им и отстали от аланов; но потом монголы, разделившись с аланами, покорили и половцев. Половецкие князья, уже крещеные, Юрий Кончакович и Данило Кобякович были убиты. Татары гнались за их товарищами до вала Половецкого, отделявшего землю половецкую от русской.

Половецкий хан Котян, тесть Мстислава Удалого, прибежал в Галич к зятю со страшным известием, что идет с востока несметная сила неведомых завоевателей. «Сегодня отняли нашу землю, завтра ваша взята будет», – говорил он.

Мстислав разослал вестников к разным русским князьям и созывал их для совета об общем деле в Киеве. Много князей съехалось туда. Там были Мстислав Романович киевский, Мстислав Удалой галицкий, Мстислав черниговский, Даниил Романович волынский, Михаил Всеволодович, сыны Всеволода Чермного и многие другие. Только суздальский

Юрий не приехал на совет. Хан Котян щедро одарил русских князей: конями, верблюдами, буйволами и невольниками, а другой князь половецкий, Бастый, принял Св. крещение. Мстислав Удалой умолял русских князей спешить на помощь половцам. «Если мы им не поможем, – говорил он, – то половцы пристанут к врагам, и сила их станет больше». После долгих совещаний князья решили соединенными силами идти в поход. «Лучше встретить врага на чужой земле, чем на своей», – говорили русские.

Сборное место назначено было на днепровском острове, называемом Варяжский (вероятно, Хортица). Туда стекались со своими князьями киевляне, черниговцы, смольняне, галичане, волынцы. Весь Днепр покрылся их ладьями. Из Курска, Трубчевска, Путивля шли туда князья со своими дружинами, сухопутьем на конях, а тысяча галичан с воеводами Юрием Домажиричем и Держикраем Володиславичем проплыли по Днестру в море и, вступивши в Днепр, стали у реки Хортицы.

У Заруба явились к русским князьям татарские послы с таким словом: «Слыхали мы, что вы идете против нас, послушавши половцев, а мы вашей земли не трогали, ни городов ваших, ни сел ваших; не на вас пришли, но пришли по воле Божией на холопов и конюхов своих половцев. Вы возьмите с нами мир; коли побегут к вам, – гоните от себя и забирайте их имение; мы слышали, что и вам они наделали много зла; мы их и за это бьем».

Но князя вместо ответа перебили послов. Без сомнения, они поступили таким образом оттого, что половцы рассказали им, как татары коварно обманули их: предложили дружбу, чтобы разъединить с аланами, потом напали на них самих.

Сбор происходил в апреле 1224 года. Когда все сошлись, ополчение двинулось вниз по Днепру и стало станом, не доходя Олешья. Тут пришли к ним другие татарские послы и говорили так: «Вы послушали половцев и перебили послов наших; теперь идете на нас, ну так идите; мы вас не трогали: над всеми нами Бог».

Князя на этот раз отпустили послов невредимыми. Передовые татарские отряды стали появляться у Днепра. Мстислав Удалой перешел через Днепр с 1000 человек воинов. С ним пошли Данило Романович, Мстислав Немой, Олег Курский и другие молодые князья. Они разбили и обратили в бегство сторожевой отряд. Беглецы спрятали своего воеводу Гемебега в яму в каком-то половецком кургане. Половцы отыскали его там и упросили Мстислава позволить им убить его. Мстислав шел далее.

Между тем в стане русских на Днепре происходили толки о том, каковы враги. Юрий Домажирич говорил: «Они отличные стрелки и отличные воины». Другие же возражали ему: «Нет, это народ простой, хуже половцев». Молодые князья торопили старых идти вперед: «Мстислав, и ты, другой Мстислав, пойдемте на них».

Во вторник 21 мая русские снялись со стана и пошли в

степь. Они вскоре встретились с татарским отрядом. Русские стрелки рассеяли его, и им досталось в добычу множество скота. Восемь дней шли они до реки Калки, где снова встретили татарский отряд, который, побившись с ними, скрылся. Мстислав Удалой, опередивши князей, приказал Данилу перейти Калку и сам перешел вслед за ним с задней стражей. Вдруг перед ними предстали татарские полчища. «Вооружайтесь», – закричал Мстислав. Русские вступили в бой. Двадцатитрехлетний Данило бросился вперед и был ранен в грудь, но, не заметивши этого, продолжал сражаться. Храбро бились и Мстислав Немой, и Олег Курский. Но сила татарская одолела их; Данило обратил своего коня назад; за ним побежали другие. Бежал и Мстислав Удалой в первый раз в своей жизни.

Между тем остальные русские князья перешли через Калку, расположились станом и выслали вперед Яруна с половцами. Татары стремительно ударили на половцев. Половцы бросились назад, обратились на русский стан и смяли его. Русские еще не успели вооружиться, началась страшная резня; русские, приведенные в беспорядок половцами, бежали.

Во время этого всеобщего бегства русских один Мстислав Романович не двигался с места, стал на высоком каменистом берегу Калки с зятем своим Андреем и дубровицким князем Александром. Большая часть татар преследовала бегущих, а один отряд с бродниками окружил трех храбрых князей, которые огородили себя кольями и отбивались от них

неустанно три дня и три ночи. Трудно стало татарам одолеть их силой, и они прибегли к коварству. Какой-то Плоскыня, воеводствовалавший над бродниками, уговорил князей сдаться татарам на выкуп и целовал крест на том, что они останутся живы. Князья поверили и вышли, но Плоскыня тотчас связал их и выдал татарам. Татары, взявши укрепление, перебили всех бывших там русских воинов, а связанных князей положили под доски, и сами сели на досках обедать. Так кончили жизнь свою несчастные князья.

Татары гнались за бегущими до самого Днепра и по дороге убили шестерых князей, и в том числе Мстислава черниговского. Мстислав Удалой избежал погони и, достигши Днепра, истребил огнем и пустил по реке стоявшие у берега ладьи, чтобы не дать возможности татарам переправиться через реку, а сам с остатками разбитых вернулся в Галич.¹⁴

¹⁴ Летописец представляет Мстислава как бы виновником бедствия русских на Калке, говоря, что он из зависти не известил обоих Мстиславов о татарах в то время, когда Даниил схватился с ними, но это обвинение едва ли можно признать справедливым. Не говорим уже о том, что такая черта противоречит характеру Мстислава, насколько он нам известен из прежних его деяний, самый ход событий таков, что поведение Мстислава в этот день легко объясняется побуждениями. Мстислав, шедши впереди прочих князей, несколько дней уже не имел с ними сношений. Перейдя через Калку, он встретил татарские полчища неожиданно, ему пришлось сразиться с неприятелем так внезапно и его отряд был так малочислен, что, прежде чем давать знать князьям, нужно было думать о собственном спасении. Справедливее можно было бы поставить в упрек Мстиславу излишнюю удаль и неблагоразумие, при котором он, человек уже немолодой и опытный, пошел вперед с горячей молодежью, не раздумывая о том, что может встретить на пути, и наткнулся на силы неприятеля, далеко превосходящие его

Поражение князей навело на Русь всеобщий ужас, который усиливался от внезапности появления неведомого врага. Впечатление, произведенное на умы этим событием, наглядно отражается в словах современного летописца: «Пришли, – говорит он, – неведомые народы, о которых никто хорошо не знает, кто они такие, и откуда пришли, и каким языком говорят, и какого они племени, и какая у них вера; одни говорят, что их зовут татары, а иные – таурмены, а другие – печенеги». Книжники толковали, что это те самые народы, о которых говорил Мефодий Патарский: «Гедеон когда-то загнал их в пустыню Етриевскую, между востоком и севером, и они должны выйти оттуда перед концом света и попленить много земель».

После несчастья, постигшего Мстислава на Калке, положение его в Галиче не было прочным; бояре не любили его и строили козни против него, да и он сам, по своему простодушию, делался не раз жертвою их козней. В следующем 1225 году его чуть было не поссорили с зятем его Данилом. Князь Александр бельзский, человек коварный, ненавидевший Данила, наговорил Мстиславу, будто зять хочет убить его и подстрекает на него ляхов. Вспыльчивый Мстислав поддался клеветнику. Дошло дело до войны. Данило, в отместку Александру, опустошил бельзскую землю и разбил отряд Мстислава, посланный на помощь Александру. Раздраженный Мстислав приглашал уже было половецкого ха-

на Котяна, но, к счастью, клевета открылась. Подосланный к Мстиславу Александром какой-то Ян начал пред ним лгать так неискусно, что Мстислав увидел обман. Тесть и зять помирились, и Мстислав, в знак дружбы, подарил Данилу редкого жеребца и одарил Данилову жену Анну, свою дочь. С этой поры он уже не ссорился с Данилом.

Но в Галиче беспокойства не кончались. Во 1226 году один боярин, Жирослав, наговорил своей братье боярам, будто Мстислав приглашает своего тестя Котяна с тем, чтобы побить бояр. Бояре поверили и скрылись в Карпатские горы, откуда известили Мстислава о том, что им сказал Жирослав. Мстислав послал к ним духовную особу по имени Тимофей. Тимофей поклялся боярам, что князь ничего не замышляет против них и первый раз слышит об этом. Он убедил бояр приехать к Мстиславу. Мстислав обличил перед ними Жирослава и прогнал его от себя.

Наконец, бояре успели-таки выжить Мстислава из Галича. Королевич Андрей, которому Мстислав обручил свою дочь и отдал Перемышль, по наущению боярина Семьюнка, бежал к отцу и подстрекал его отнять у Мстислава Галич. Бояре, со своей стороны, представляли королю, что они не хотят Мстислава, а желают Андрея. Король пошел с войском в Галичину. Поляки с воеводою Пакославом помогали ему. Взявши Перемышль и Звенигород, король не посмел ехать в Галич: волхвы предрекли ему, что если он увидит Галич, то не будет жив. Король начал забирать галицкие пригоро-

ды. Ему удалось взять Теробовль, Тихомлю, но под Кременцом он был отбит и повернул назад к Звенигороду. Здесь вышел против него Мстислав, вступил в бой и разбил его. Король быстро убежал восвояси. Мстислав сообразил, что ему не ужиться с боярами, и хотел отдать Галич Данилу, но бояре Судислав и Глеб Зеремеевич, игравшие тогда главную роль между боярами, остановили его. «Ни тебя, ни Данила не хотят бояре, – говорили они, – отдай обрученную дочь твою за королевича Андрея и посади его в Галич: от него всегда можешь взять его обратно, когда захочешь, а отдашь Данилу – вовеки не будет тебе Галича!»

Мстислав, всегда уважавший волю земли, поступил так, как желали эти люди, бывшие тогда, по своей силе, представителями земли. Мстислав отдал дочь свою Андрею и вместе с нею Галич, а сам удержал за собою Понизье и уехал в Торческ. Вскоре он раскаялся в своей доверчивости, так как Данила ненавидели только бояре, а простой галицкий народ желал его. Сознавши это, Мстислав через посла Данилова Демьяна послал такое слово Данилу: «Сын! Согрешил я, не дал тебе Галича». Глеб Зеремеевич старался всеми силами не допустить Мстислава видеться с Данилом и передать в руки его землю, и дом, и детей.

На следующий после того год (1228) Мстислав скончался: из Торческа поехал он в Киев, заболел в пути и умер, успевши постричься в схиму по тогдашнему обычаю благочестивых князей. По известию польского историка, тело его

погребено было в Киеве в церкви Св. Креста, им построенной.¹⁵

¹⁵ В настоящее время этой церкви нет и могила Мстислава неизвестна.

Глава 7

Князь Данило Романович Галицкий

В XIII веке весь ход исторических событий в юго-западной Руси долгое время вращается около личности Даниила Галицкого. Чтобы понять значение этой личности в свое время, необходимо бросить взгляд на предшествовавшие события в этом крае.

Юго-западная Русь, Галичина, как во внутреннем строе своей жизни, так и по внешней обстановке, находилась в таких условиях, при которых все более и более слабела связь, соединявшая ее с остальными русскими землями. Хотя и здесь не угасало сознание народного сродства с последними; но история указывала им различные между собой пути: это видно уже в XII веке.

Галицкая земля до 1188 года находилась в княжении рода Ростислава Владимировича (внука Ярослава I). Володарь, сын Ростислава, по смерти несчастного Василька, сделался единым князем и передал после себя (1141) власть сыну своему Владимиру, обыкновенно называемому Владимирком. Ему наследовал сын Ярослав, названный в полку Игореве «Осмомыслом». Соединенная в одних руках, галицкая страна была долго избавлена от внутренних княжеских междоусобий и, благодаря счастливым условиям своей природы, находилась, сравнительно с другими русскими земля-

ми, в цветущем состоянии. Власть княжеская совсем не имела здесь монархической силы. Князь был князем по старой славянской идее; видно, что завоевание русскими князьями этой хорватской земли и присоединение ее к общей системе русских земель под властью единого княжеского рода не изменили древних общественных привычек. Князья, правившие Галичем, были избираемы и зависимы от веча. Но само вече находилось в руках богатых и сильных владетелей земель – бояр. Они, как видно, успели до того возвыситься над остальной массой народа, что исключительно управляли делами страны. Впрочем, есть известия о том, что люди незнатного происхождения попадали в бояре, из чего надобно полагать, что галицкая аристократия основывалась не столько на знатности родов, сколько на удаче и богатстве. Галицкие князья находились в такой зависимости от веча, что оно судило не только их политическую деятельность, но и домашнюю жизнь. Таким образом, когда Ярослав, не влюбившись своей жены Ольги, взял себе в любовницы какую-то Анастасью, галичане не стерпели такого соблазна, сожгли Анастасью и принудили князя жить с законною женою. Все попытки Ярослава удалить своего законного сына и передать наследство незаконному остались напрасны. Ярослав умер в 1187 году. Галичане, вопреки его завещанию, изгнали этого незаконного сына, Олега, и поставили князем законного – Владимира. Но и этот князь вскоре подвергся строгому суду веча за свое соблазнительное поведение; он был предан пьян-

ству, не любил советников, насилывал чужих жен и дочерей, взял себе в жены попадью от живого мужа и прижил с нею двоих сыновей. Галичане так вознегодовали, что некоторые хотели взять князя под стражу и казнить: но другие потребовали от него развода с попадью, предлагая ему достать жену по нраву. Владимир, опасаясь за жизнь своей возлюбленной попадью, убежал вместе с нею и детьми в Венгрию, а галичане призвали вместо него князя из соседней волынской земли – Романа Мстиславича (1188).¹⁶ Говорят, что сам Роман тайно действовал в Галиче в свою пользу, добиваясь избрания. Этот князь, умный и сильный волею, недолго удержался в Галиче: король венгерский Бела I, к которому было обратился изгнанный Владимир за помощью, заключил последнего в башню, завоевал Галич, посадил там сына своего Андрея. Роман принужден был бежать в свой Владимир-Волынский. Успехам венгров способствовало то, что в самом Галиче образовалась партия, искавшая себе выгод от венгерской власти. Непрочно, однако, оказалось там и могущество иноземцев: будучи католиками, они очень скоро успели раздражить против себя народ неуважением к православной религии. Владимир, между тем, убежал из своего заключения и с помощью польского короля Казимира Справедливого снова овладел Галичем в 1190 году. Тогда Владимир, чувствуя

¹⁶ Внука киевского князя Изяслава Мстиславича, известного в истории своей упорной борьбой сначала с суздальцами, а потом с Юрием Долгоруким. Род Романа шел от Мстислава, старшего сына Мономаха.

свое положение до крайности шатким, обратился к суздальскому князю Всеволоду и отдавался ему под начало, обещая навсегда быть в его воле со всем Галичем: устанавливалась, по-видимому, тесная связь между противоположными окраинами тогдашнего русского мира; но это явление не имело никаких прочных последствий, так как ничего прочного не было тогда в отношениях русских князей между собою. По смерти Владимира, Роман, уже не по вольному избранию, а с помощью польской рати и оружия, добыл себе снова Галич в 1198 году.

По известию польского писателя Кадлубка, Роман жестоко отомстил своим недоброжелателям в Галиче: он их четверил, расстреливал, зарывал живьем в землю и казнил другими изысканными муками, а тех, которые успевали убежать, приглашал воротиться, обещая разные милости. Но когда некоторые вернулись, то Роман, сдержав сначала данное слово и осыпавши ласками и милостями легковерных, находил предлог обвинить их в чем-нибудь и предавал мучительной казни. «Не передавивши пчел, меду не есть», – приговаривал Роман. Он навел такой страх на галичан, что те просили польского короля, чтобы он управлял ими сам или через своих наместников. Все эти известия о жестокостях Романа находятся исключительно у польского историка, но не встречаются в русских летописях, в которых Роман поэтически представляется удалым богатырем, страшным, подобно Мономаху, только для неверных иноплеменников. «Он хо-

дил по заповедям Божиим, – говорит о нем русский современник, – побеждал поганых язычников, устремлялся на них как лев, гневен как рысь, губителен как крокодил, пролетал по их земле как орел...» И в самом деле этот князь и в других случаях показал свою силу и деятельность. После долгой борьбы и междоусобий в Киевской Руси, он наконец успокоил ее, на время удержав в своей власти; сам он не сделался киевским князем, но посадил в Киеве своим подручником племянника. Не раз побивал он половцев, побеждал ятвягов и литву.¹⁷ Многого еще можно было ожидать от такого князя для судьбы юго-западной Руси. Но в 1205 году Роман поссорился с польским князем Лешком и был убит в сражении под Завихвостом.

Роман оставил по себе молодую вдову с двумя малолетними сыновьями. Старшему Данилу было тогда четыре года, а младший Василько был еще на руках кормилицы.

На первых порах галичане признали князем старшего сына Романова и клялись верно охранять его. Но удержать сына младенцу в такой беспокойной стране было решительно невозможно. Галичина представляла слишком лакомый ку-

¹⁷ У польско-литовских историков сохранилось сказание, будто он запрягал побежденных литовцев в плуги, заставлял их расчищать леса и обрабатывать землю, и будто, по этому поводу, на Руси о нем составила пословица: «Зле Романе робишь, что литвином орешь». Но это известие, передаваемое уже в XVI веке, более чем через 300 лет после Романа, не имеет никакой исторической достоверности, тем более, что у русских того времени, смотревших на Литву, как на врагов, не могла удержаться пословица, осуждавшая суровость Романа над врагами.

сок как для русских князей, так и для иноплеменных соседей, а галицкие бояре не отличались постоянством, были падки на выгоды и далеко не все могли любить племя Романово. Покушения на Галичину начали следовать за покушениями. Сперва попытался овладеть ею отец первой жены Романа, князь Рюрик Ростиславич киевский, которого Роман, после варварского разорения Киева наведенными Рюриком половцами, заманил к себе на совет и постриг в монастыре. Теперь этот самый Рюрик, услышавши, что Романа нет на свете, снял с себя монашеское одеяние, собрал свою киевскую дружину, нанял половцев и бросился на Галич. Вдова Романа обратилась под защиту названного брата и друга ее покойного мужа. Этот названный брат был прежний соперник Романа – тот венгерский королевич Андрей, который некогда вместе со своим отцом прогнал его из Галича; впоследствии, когда Роман в другой раз овладел Галичем, они подружились, назвались братьями и постановили между собою такой уговор: если кто из них умрет прежде, то другой будет заботиться о его семье.

Андрей только что получил теперь венгерскую корону и не забыл своего обещания, данного Роману. Он свиделся с княгинеею в Саноке и обласкавши Данила, как родного сына, дал ему войско на помощь против Рюрика. Рюрик бежал обратно в Киев.

Но в следующем году семье Романа грозила новая беда. В Чернигове собрался княжеский съезд: стеклись на совеща-

ние потомки Олега черниговского: к ним пристал смоленский князь с сыновьями; порешили они нанять половцев и идти добывать галицкую землю. По пути пристал к ним Рюрик с сыновьями и племянниками, поднявши с собою живших на киевской земле берендеев.¹⁸ Союзники вошли в совет и с поляками, с которыми еще не был у галичан заключен мир по смерти Романа. Вдова опять обратилась к Андрею, но пока из Венгрии пришла вспомогательная сила, она увидела себя в таком положении, что оставаться на месте казалось опасным. С одной стороны русские и половцы, с другой – поляки, да и сам Галич заволновался, и много в Галиче было таких, от которых можно было ждать, что ее выдадут вместе с детьми. Она убежала с детьми во Владимир-Волынский, наследственный удел ее мужа. Галичане разделились на партии. Верх в Галиче взял тогда боярин Володислав: изгнанный некогда Романом, он проживал в северской земле, спознался с тамошними князьями Игоревичами и теперь подал галичанам совет пригласить их на княжение. Игоревичи находились тогда в том ополчении, которое шло на Галич; получивши приглашение, ночью скрылись они из союзного стана и явились в Галич. Старший брат Владимир Игоревич посажен был на галицком столе; другому брату Роману дали Звенигород. Оставался третий, Святослав, без места. Тогда Игоревичи послали какого-то попа во Владимир-Волынский с такою речью к владимирцам: «Выдайте нам Ро-

¹⁸ Ветвь тюркского племени, близкая к торкам, печенегам, черным клобукам.

мановичей и примите князем Святослава, а то города вашего на свете не будет!» Владимирцы, услышавши это, пришли в такую ярость, что хотели убить попа, присланного к ним с этим предложением. Нашлись благоразумные, говорившие, что нельзя убивать посла. Однако эти благоразумные говорили так потому, что готовы были исполнить требование Игоревичей. Княгиня это проведала и, посоветовавшись с боярином Мирославом, дядькою Данила, убежала из города ночью, тайком через стенное отверстие, боясь выйти через ворота. Мирослав нес Данила, кормилица – Василька. С ними был еще какой-то священник. Они бежали к Лешку, отдавались под покровительство человека, который еще считался с ними во вражде. Польский князь принял их с рыцарским великодушием; княгиню с Васильком оставил у себя, а Данила с польским боярином Вячеславом Лысым отправил к Андрею венгерскому и приказал сказать так: «Я не помянул злобы Романа, а ты был его друг; ты клялся защищать их; они теперь в изгнании: пойдем, вернем их достояние».

Но Лешко, однако, на деле оказал для Романовичей менее участия, чем на словах: правда, он выгнал из Владимира Святослава Игоревича, приехавшего туда после бегства княгини, но отдал княжение не детям Романа, а родному племяннику Романа Александру Всеволодовичу, так как Лешко был женат на дочери его Гремиславе; Василька Лешко отпустил с матерью в Брест. Берестяне сами выпросили его себе князем, были довольны и говорили, что «они как будто ви-

дят у себя великою Романа».

Андрей венгерский после бегства вдовы Романа рассудил, что нельзя удержать Данила на княжении, и не мешал водворению Игоревичей в Галиче: но Игоревичи сами вскоре поссорились за свою добычу: Роман Игоревич с помощью другого брата своего прогнал третьего, Владимира, и овладел Галичем, но потом, по приказанию Андрея, венгерский воевода Бенедикт Бора схватил Романа в бане, отправил в Венгрию и стал сам управлять Галичем. В короткое время Бенедикт раздражил галичан разными насилиями и своим распутством так, что, по приглашению галичан, опять явились Игоревичи, прогнали Бенедикта и разделили между собою Галичину, на этот раз уже не ссорясь между собою как прежде, и уступили княжение в Галиче старшему из своей среды брату Владимиру. Тогда, думая упрочить за собою власть, Игоревичи составили план истребить тех бояр, которые, по своему непостоянству, казались им опасными. Коварный замысел над некоторыми удался, но в числе обреченных на убийство был их прежний благодетель боярин Володислав, по милости которого они получили княжение в стране, Володислав впору узнал о грозящей беде, с другими боярами успел убежать к Андрею и просил теперь на княжение в Галич Данила, проживавшего у венгерского короля. Король дал войско на помощь Данилу. Прежде всех сдался Перемышль и выдал Святослава Игоревича. Звенигород защищался, но сдался после того, как Роман Игоревич, бежав-

ши оттуда, был схвачен на мосту. Князь Владимир Игоревич счастливо убежал из Галича. Отрока Данила посадили на отеческом столе.

Пленных Игоревичей осудили народным судом и повесили – событие, выходящее из ряда обычных событий на Руси в то время. Малолетний Данило недолго мог удержаться среди бояр, хотевших править его именем. В Галич прибыла мать Данила, которую он не узнал после долгой разлуки. Бояре поспешили ее выпроводить, из боязни, чтобы она не отняла у них власти. Когда Данило в слезах бросился за матерью, один из них схватил за повод коня его. Раздраженный отрок ударил мечом коня и ранил. Мать сама вырвала из рук его меч и убедила его остаться в Галиче, а сама уехала в Бельз. Услыхал об этом король Андрей, поспешил с войском и привел обратно мать Данила в Галич, а боярина Володислава, главного виновника ее изгнания, увел с собою в Венгрию в оковах. Но как только Андрей удалился, бояре опять составили заговор против Данила и призвали на княжение пересопницкого князя Мстислава. Данило должен был бежать. Андрей на этот раз не мог уже помочь ему, потому что в это время в самой Венгрии произошло возмущение, стоившее жизни королеве.

Призванный Мстислав пересопницкий в свою очередь не усидел в Галиче. Из Венгрии прибыл отпущенный Андреем Володислав, и тогда в Галиче, после недавней казни князей, произошло событие, также небывалое на Руси со вре-

мени утверждения Рюрикова дома: боярин Володислав, не принадлежавший к княжескому роду, назвался князем в Галиче. Но ему не дано было начать нового княжеского дома. Лешко, приняв сторону Данила, согнал с княжения Володислава и заточил. Володислав умер в заточении. Галич остался без правителя.

Казалось тогда, что ни Данилу и никакому другому русскому князю невозможно было усидеть в этом беспокойном городе. Лешко предложил Андрею посадить там малолетнего сына Андреева Коломана, обручив его с трехлетней дочерью Лешка Соломиею. Это дело устроил воевода Пако-слав, показывавший до сих пор расположение к Романову семейству. В удовлетворение Романовичей, наследственный удел Романа Владимир был отнят у Александра бельзского и отдан Данилу (1214), которого хотели иметь князем и владимирские бояре. Таким образом, в руках Данила была теперь значительная часть Волыни. Города: Камянец, Тихомля и Перемиль отошли к Романовичам.

С тех пор Данило надолго был лишен Галича. Им овладел Мстислав Удалой, который отдал за Данила дочь свою Анну.¹⁹

Данило собирал под свою власть волынскую землю и возвратил от поляков Берестье, Угровеск, Верещин, Столпье, Комов и всю так называемую тогда «Украину», т.е. часть Волыни, прилегавшую к Польше по левой стороне Буга.

¹⁹ См. жизнеописание Мстислава Удалого.

Следствием этого была война, в которую невольно впутался Мстислав Удалой. Хотя она велась сначала неудачно для Даниила и Мстислава, но приобретенный Даниилом край все-таки остался за ним.

Вслед за тем Данило помирился с Лешком и обратился на Александра бельзского, который отступил от него во время обороны Галича и всячески вредил ему. За вероломство князя по тогдашним понятиям должна была отвечать его земля. Данило и Василько напали на Бельз ночью и произвели там страшное опустошение. В памяти жителей надолго осталась эта ночь под именем «злой». По просьбе Мстислава Данило оставил Александра в покое.

В 1224 году Данило, вместе с другими князьями, участвовал в страшной для русских битве при Калке, вел себя геройски и был ранен в грудь. Он так увлекся тогда битвой, что долго не замечал своей раны и заметил ее только тогда, когда, бежавши, стал пить.

Вернувшись домой и оправившись от ран, Данило вновь принялся расширять свои владения. Князь Мстислав пересопницкий, владевший Луцком, отдал Данилу свою отчину, поручивши ему сына, который вскоре умер. Луцком поспешил овладеть Ярослав, сын двоюродного брата Романа Ингваря, некогда княжившего в Луцке. Данило, едучи на богомолье в Жидичин, встретил Ярослава Ингварича на дороге. Бояре подавали совет схватить его. Данило с негодованием отверг такую коварную меру. «Я еду на богомолье – этого не

сделаю», – отвечал он. Но возвратившись во Владимир, он послал своих бояр в Луцк. Они схватили Ярослава, а потом овладели Луцком. Данило хотя и дал в другом месте удел Ярославу, но уже в качестве своего подручника. В это же время Данило отнял у него Дорогобуж, а у пинских князей – Чарторыйск, пленивши сыновей пинского князя Ростислава. Во всех этих делах Данило действовал заодно с Васильком, с которым он всю жизнь был неразделен и неразлучен – пример очень редкий в истории русских князей.

В 1228 году, по смерти Мстислава Удалого, Данило овладел Понизьем.

Такое возвышение Данила возбудило против него целый союз русских князей. Ростислав пинский сердился на него за отнятие Чарторыйска, за плен сыновей и возбуждал против него Владимира Рюриковича; последний помнил насильственное пострижение своего отца Романом. К союзу пристали черниговские и северские князья. Но Данило услышал об этом вовремя и пригласил ляхов, которыми начальствовал расположенный к нему воевода Пакослав. Союзные князья осадили Каменец и ничего не могли сделать, тем более что приглашенный ими половецкий князь Котян перешел на сторону Данила. Они принуждены были отступить. Данило погнался за ними, но киевские и черниговские бояре приехали к нему от своих князей и убедили помириться. Таким образом Данило уничтожил все замыслы соперников, и этот успех еще более поднял его в ряду русских князей: не только

все прежние области остались за ним, но и пинские князья сделались его подручниками, а Владимир Рюрикович с этих пор является постоянным другом и союзником Данила.

В 1229 году убит был в Польше союзник Данила Лешко. Данило отправился помогать брату его Конраду против Владислава (князя опольского), оставив подручника своего князя пинского оберегать пределы Волыни от вторжения ятвягов. Русские зашли вглубь Польши так далеко, как еще никогда не заходили: они вместе со сторонниками Конрада осадили Калиш и почти без боя принудили его сдаться Конраду. Тогда русские и поляки заключили между собою такое условие: «Если между ними будут вперед усобицы, то русские не должны брать в плен польских простых людей (челяди), а поляки – русских».

На возвратном пути из этого похода Данило услышал, что боярин Судислав, властвовавший в Галиче именем королевича, думал воспользоваться тем, что Данило зашел так далеко в Польшу, и в его отсутствие хотел овладеть Понизьем. Но как только Судислав вышел из Галича, недовольные им галичане отправили посольство к Данилу и просили прибыть к ним как можно скорее, пока не вернулся Судислав. Данило, отправивши против Судислава тысяцкого Демьяна с войском задерживать его, сам с многочисленною дружиною поспешил на зов галичан, стараясь предупредить Судислава, и на третий день достиг Галича. Но как ни спешил Данило, Судислав успел избегнуть стычки с Демьяном, ранее Данила

вошел в Галич и затворился в нем. Данилу приходилось добывать Галич осадой. К счастью, Данило успел овладеть загородным двором Судислава и нашел там много продовольствия для своего войска: это дало ему возможность решиться на продолжительную осаду. Он расположился станом в Углиничах, на другой стороне Днестра. Тысяцкий Демьян и старик Мирослав привели к нему нескольких бояр галицкой земли, склонившихся на его сторону; прибыли к нему свежие силы из волынской земли. Данилу нужно было перейти на другой берег, чтоб окружить город. Осажденные старались не допустить его до этого, делали вылазки и бились на льду; но в это время река стала вскрываться; напрасно Семьюнко, которого современник по наружному виду сравнивает с красной лисицей, зажег мост на Днестре, чтобы затруднить Данилу переход через реку. К счастью Данила пожар угас при самом конце моста, Данило с усиленною ратью перешел реку и обложил город со всех сторон. Тем временем, по его призыву, стекался к нему народ из галицкой земли от Боброка до Ушицы и Прута. Видимо земля была за Данила. Это заставило осажденных сдаться. Данило вошел в город. Помня давнюю дружбу с королем венгерским Андреем, он отпустил королевича, свояка своего, домой и сам проводил его до Днестра. С королевичем ушел и Судислав. Народ метал на него каменья и кричал: «Вон, вон, мятежник земли!» Таким образом, Данило, после долгих лет отсутствия, снова был признан князем в городе, откуда был изгнан

еще будучи ребенком. Оскорбительно было для венгерской чести удаление королевича. Судислав усиленно подстрекал венгров возвратить потерянный Галич. И вот, сын Андрея, Бела, собрал большое войско и пошел через Карпаты. Но тут начались непрерывные дожди. Лошади вязли в грязи, люди бросали лошадей и пробирались высокими местами. С большим трудом добрались они до Галича. Данила там не было; он наперед вышел из города приглашать на помощь поляков и половецкого хана Котяна, оставивши в Галиче тысяцкого Демьяна. Венгерский посол, подъехав к городу, громко возгласил галичанам: «Люди галицкие! Вам велит сказать великий король венгерский: не слушайте Демьяна; пусть Данило не надеется на Бога и свои силы. Столько стран победил наш король, и не удержится против него Галич!» Демьян держался крепко; галичане стояли за Данила: Данило уже подходил к Галичу с собранным войском. Между тем дожди не переставали, у венгерцев от постоянной сырости развалилась обувь, открылись болезни и смертность. Иные умирали, сидя на коне, другие – у разведенных огней; иной испускал дыхание, поднося кусок мяса ко рту... От дождей сильно разлился Днестр. «Злую игру сыграл он венграм», – говорили современники. Король снял осаду и пошел к Пруту. Дожди преследовали его. Венгерцы погибали на дороге.

Но едва только, благодаря непогоде, Данило избавился от врагов, как опять начались против него в самом Галиче боярские крамолы. Зачинщиком и подстрекателем бояр был все

тот же Александр бельзский, постоянно тайный враг Данила. Бояре обращались так неуважительно с князьями, что однажды на пиру какой-то боярин залил Данилу лицо вином. Данило стерпел это. Вслед за тем произошел такой случай. Василько, находясь в собрании бояр, в шутку обнажил меч на одного, называемого в летописи «слугою королевским». Тот схватился за щит. Бояре после этого бежали. Князья удивились этому бегству, не понимая в чем дело. Через несколько времени, когда Василько уехал во Владимир, один боярин, по имени Филипп, приглашал Данило к себе на пир в Вишню. Данило поехал, но на дороге его встретил посланный от Демьяна с такими словами: «Не ездь, князь, на пир; боярин Филипп с князем Александром хотят убить тебя». Данило вернулся. Говорили, будто бояре Молибоговичи, подстрекаемые Александром бельзским, совещались произвести пожар, чтобы в суматохе убить Романовичей, но приключение с Васильком внушило им опасение, что Романовичи передали о заговоре, и оттого-то они разбежались. Василько, по приказанию Данила, занял Бельз (удел Александра), а посланный седельничий его, Иван Михайлович, схватил Молибоговичей с их соучастниками, всего 28 человек. Данило простил им; быть может, улики были недостаточны, и все ограничивалось подозрениями.

Великодушие не помогло Данилу. Узнал он, что бояре опять строят против него козни с Александром. Данило с восемнадцатью верных себе «отроков» созвал вече и спраши-

вал галичан: «Хотите ли быть верными мне? Я пойду на врагов моих!» Все закричали: «Мы верны Богу и тебе, господин!» Сотский Микула привел при этом пословицу Романа, отца Данила: «Не передавивши пчел, меду не есть». Данило пошел в Перемышль, но те, которые шли за ним, не были на деле ему верны. Князь Александр с боярами уже успел бежать в Венгрию, где ждал его Судислав. По их подстрекательству, король Андрей с сыновьями, Белою и Андреем, двинулись на Галич. Боярин Давид Вышатич, по убеждению своей тещи, преданной Судиславу, сдал королю Ярославль. Затем другой боярин, Климята, посланный с войском против венгров, передался врагам; за ним изменили и прочие бояре.

Данило должен был покинуть Галич и ушел в Киев набирать войско у своего союзника, киевского князя Владимира, а король водворил снова сына своего Андрея в Галиче, но ненадолго. Данило с Владимиром киевским и половцами два раза разбил венгров и пошел прямо к Галичу. Бояре, видя, что успех клонится на сторону Данила, стали переходить к нему. Первый пример подал боярин Глеб Зеремеевич. Данило обласкал их, раздавал им волости, думал хотя на время привязать их себе. Князь Александр бельзский отступил от венгров, пристал к Данилу и испросил у него прощения. Данило осадил Галич, стоял под ним 9 недель, ожидая заморозков, когда можно будет перейти по льду через Днестр. Осажденные стали терпеть голод. Судислав, находясь с королевичем, успел соблазнить коварного Александра: прельщен-

ный обещаниями получить Галич, Александр, недавно при-
славший к Данилу, опять изменил ему и передался к оса-
жденным: но осажденным от этого не стало легче. Королевич
Андрей умер в осаде. Тогда все галичане порешили на ве-
че призвать Данила, и один из прежних врагов его, Семьюн-
ко Красный, выехал к Данилу просить его в город. Судислав
и князь Александр успели убежать: Судислав – к венграм,
Александр хотел было искать защиты у тестя своего, киев-
ского князя, но Данило гнался за ним три дня и три ночи,
не зная сна, догнал его у Полонного и схватил в Хоморском
лесу. Неизвестно, что сделал Данило с этим человеком, так
бесчестно поступавшим с ним много раз, но с тех пор имя
его не упоминается в летописях.

В это время в нашей истории являются мимоходом за-
гадочные и до сих пор необъясненные бологовские князья,
владевшие берегами Буга. Так как край этот совершенно
ускользает из летописных повествований о прежних событи-
ях и нет возможности отыскать происхождения этих князей
в разветвлении Рюрикова дома, то, по всему видно, это бы-
ли князья иных древних родов, остававшиеся неподвластны-
ми Рюриковичам. В этом нас убеждает еще и то, что сам Да-
нило в переговорах о них с поляками называет их «особны-
ми» князьями. Овладевши Понизьем, Данило хотел подчи-
нить их своей власти; они были постоянно ею противниками
и при всяком случае принимали сторону его врагов.

Избавившись от венгров, Данило должен был еще долго

бороться с русскими князьями за Галич. Тогда как князь киевский Владимир помогал Данилу, черниговский князь Михаил, вступивший в союз с бологовскими князьями, напал на киевские владения и подошел к Киеву. Данило поспешил на выручку союзника. Четыре месяца вместе с Владимиром Рюриковичем воевал он черниговскую землю и, возвращаясь назад через Полесье, услышал, что враги его навели половцев на киевскую землю. Войско Данила было очень утомлено, и старый Мирослав, бывший дядька его, отсоветовал ему идти на них. Даже сам князь киевский разделял мнение старика; но верный себе, Данило сказал им: «Воину, устремившемуся на брань, следует или победить или пасть. Не говорил ли я вам прежде сам, что надо дать отдых усталым войскам? А теперь – нечего бояться! Пойдем!» У Торческа произошла кровопролитная битва (в 1234). Данило дрался отчаянно, пока под ним не убили его гнедого коня. Его воины обратились в бегство; сам Данило должен был последовать за ними. Киевский князь и Мирослав были взяты в плен. Летописец приписывает это несчастье тайной измене бояр Молибоговичей.

Проведавши о несчастьи Данила, бояре галицкие пригласили на княжение Михаила черниговского, и тот занял Галич. Несмотря на добродушие Данила, бояре галицкие никак не могли полюбить его.

Они видели в нем князя, который, как только утвердится, тотчас сломит их силу, и это будет тем удобнее, что простой

народ оказывал Данилу расположение. Бояре, захвативши в свои руки всю Галичину, поделили между собою все доходы, хотели или лучше быть вовсе без князя или иметь такого, который находился бы у них совершенно в руках. Но того и другого достигнуть им было трудно, потому что хотя все они и дорожили своим сословным могуществом, но жили между собою в несогласии. Один теснил и толкал другого: у каждого являлись свои виды, и потому один хотел того князя, другой – иного; всякий надеялся посредством князя возвыситься над своими соперниками.

Михаил недолго удержался в Галиче. Отправившись по своим делам в Киев, оставил он в Галиче сына своего Ростислава (1235). Данило находился в построенном им Холме, когда к нему пришла весть из Галича, что Михаил выехал из города и галичане хотят Данила. Простым жителям чересчур опротивели боярские смуты, и они приняли твердое решение не поддаваться более наущению бояр, а держаться крепко за Данила для собственной пользы. Данило смело подъехал к Галичу. Жители стояли толпою на стене. Данило обратился к ним: «О мужи галицкие, долго ли еще будете терпеть державу иноплеменных князей?» Все они в один голос закричали: «Вот он наш держатель, Богом данный!» – «И все, – говорит летописец, – пустились к нему, как пчелы к матке». Епископ Артемий и дворский²⁰ Григорий сначала удерживали народ, но видя, что ничего не сделают, со слезами на гла-

²⁰ Выборная городская правительственная должность.

зах, и, по выражению того же летописца, «осклабяясь и облизывая губы», вышли к князю Данилу, поклонились и сказали: «Приди, князь Данило, прими город!» Данило вошел в город и воткнул знамя свое на немецких воротах в знак победы. С торжеством вступил он в церковь Богородицы и принял стол отца своего. Бояре кланялись ему в ноги и просили прощения: «Согрешили, – говорили они, – чужого князя держали». Данило отвечал: «Вы получите милость, только вперед так не делайте, чтобы вам не было хуже». Ростислав бежал в Венгрию.

Таким образом Данило, после многолетних трудов и непрестанной борьбы, сделался властителем всей Галичины и Волыни. Он понял, что в Галиче нельзя ему иметь постоянного пребывания, и поселился в построенном им Холме. Однажды, ранее этого времени, ездивши на любимую им охоту, приехал Данило на место, которое ему очень понравилось. «Как называется это место?» – спросил он. «Холм», – отвечали ему. «Пусть здесь будет город Холм», – сказал он и посвятил будущий город Св. Иоанну Златоусту, так как в те времена всякий новый город посвящался какому-нибудь святому. Здесь построил он себе усадьбу и красивую церковь Св. Иоанна. По его призыву начали стекаться туда жители с разных сторон. Здесь власть Данила была тверже и безопаснее, не то, что в старом городе; здесь не было преданий, противных княжеским видам. Все получали свое жительство по милости князя и потому были привязаны к нему ради соб-

ственных выгод. Удалиться из старого города в новый было в то время удобным средством князю для своего спокойствия и безопасности. Здесь мог он жить, окруженный верною дружиною, не страшась боярских козней, от которых было трудно уберечься, живучи среди бояр.

Власть Данила распространялась и на киевскую землю; наконец, он подчинил себе и самый Киев, который, будучи отнят у Владимира Рюриковича (умершего в 1236) Ярославом суздальским, переходил потом из рук в руки, наконец был захвачен Данилом, но это было уже накануне страшного потрясения, переворотившего весь строй русской истории.

Уже татары под предводительством монгольского хана Батая, внука Чингисханова, опустошили и завоевали восточную Русь. Русские везде защищались геройски: не сдался ни один город, ни один князь; но защита эта была бестолковая и потому совсем безуспешная. Прежде всего в 1237 году совершенное опустошение постигло рязанскую землю. Все города этой земли были истреблены дотла; страна обезлюдела, а между тем суздальско-ростовская земля не выручала ее из беды и вслед за нею подверглась тому же жребии. Татары сожгли Москву (тогда еще бывшую только пригородом Владимира) и истребили в ней старого и малого. 7 февраля 1238 года истреблен был Владимир. Здесь в соборной церкви погибла семья князя Юрия Всеволодовича со множеством бояр и народа. Татарские полчища рассеялись по земле, разоряли города и села, везде истребляли жителей. 4 марта то-

го же года князь Юрий Всеволодович с другими князьями своей земли вступил в отчаянную битву с татарами на берегу Сити, но был поражен и убит. Опустошивши восточную Русь, Батый хотел идти на Новгород, но дремучие леса и болота не допустили его. Татары разорили один только Торжок и поворотили на юг. Везде Батый встречал отчаянное сопротивление. Небольшой городок Козельск защищался семь недель и когда был взят, то в нем татары пролили столько крови, что малолетний тамошний князь Василий захлебнулся кровью. В 1239 году они взяли и сожгли Чернигов и приближались к Киеву. Племянник Батыя Менгу-Тимур любовался красотой Киева из Песочного городка на левой стороне Днепра. Каменная стена верхнего города, из-за которой мелькали позолоченные верхи Десятинной церкви, Св. Софии и Михайловского монастыря, цветные черепичные кровли княжеских теремов, направо, внизу, вдоль Днепра Подол со множеством церквей, налево – Никольский монастырь, величественная Печерская обитель и Выдубицкий монастырь, отрезанные от города и друг от друга дремучим лесом, раскинувшимся по крутой горе – вот что поражало тогда глаза степного хищника. Он отправил в Киев послов требовать сдачи. Послы были убиты. Завоеватели отступили с намерением прийти на следующий год и наказать киевлян.

В конце 1240 года прибыла страшная сила Батыя, перейдя, вероятно, по льду через Днепр. Татарское полчище облегло верхний город (занимавший место нынешнего старого

города). За пределами его к реке Лыбеди были посады, конечно, тогда дотла истребленные. На юг по направлению к Никольскому и Печерскому монастырям был густой лес. Летописец говорит, что полчище врагов было до того огромно, что в городе нельзя было слышать слов от скрипа телег татарских, рева верблюдов и ржания коней. Батый начал свой приступ к Лядским воротам, находившимся на южной стороне. Татары день и ночь били пороками стены и, наконец, пробили их. Киевляне отчаянно защищали остаток стен, пока, наконец, татары не сбили их со стен и сами не вошли на стены. Тогда киевляне столпились у Десятинной церкви и в одну ночь возвели около нее укрепление. Когда завоеватели стали разрушать и эти укрепления, киевляне, со своим имуществом, кто что успел схватить, взбирались на верх церкви и отбивались оттуда до последней возможности: наконец, под ними рухнули стены церковные, по сказанию летописца, от тяжести, но вероятнее всего подбитые татарскими пороками.

О разрушении Подола мы не имеем известий, но несомненно, что весь город Киев превращен был тогда в кучу развалин. Надобно также полагать, что значительная часть жителей заранее бежала, так как прихода татар давно ждали.

Оставленный Данилом в городе тысяцкий Дмитрий, весь израненный, достался татарам, но Батый велел его пощадить, вероятно для того, чтобы воспользоваться им при дальнейших походах.

Завоевательные полчища Батыя двинулись от Киева на запад, истребляя и разрушая все на пути своем. Город Колодяжный (нынешний Ладыжин), вопреки примеру других русских городов, сдался добровольно, в надежде быть пощаженым. Но татары истребили в нем всех жителей, хотя нередко в подобных случаях они оказывали побежденным пощаду. Все волынские города подверглись разорению; только Кременец, расположенный на неприступной горе, не поддался татарам. Во Владимире истреблены были поголовно все жители. Застигнутые врасплох, русские кидали свои жилища в городах и селах, скрывались в лесах или бежали, сами не зная куда. Данило в это время был в Венгрии: еще не слышав ничего о приближении татар, он отправился в Венгрию для сватовства своего сына, которое на тот раз не удалось ему. В его отсутствие татары разорили опустелый Галич. Тысяцкий Дмитрий, желая спасти свою землю от дальнейшего разорения, убедил Батыя спешить в Венгрию и представлял, что, в противном случае, венгры и немцы соберутся на него с большою силою. Завоеватели разделились на две части: одни через Карпаты пошли в Венгрию, другие через Польшу в Силезию и Моравию, откуда через три года вернулись назад в свои степи.

Данило приехал из Венгрии, не зная, где находится его семья и брат, и отправился в Польшу. Там свиделся он с княгиней и Васильком, которые укрывались в Польше от татар. Мазовский князь Болеслав предоставил изгнанникам город

Вышгород, где Данило пробыл до тех пор, пока не узнал, что татар уже нет в его волости. Возвращаясь на свою землю, он хотел остановиться в Дрогичине, но тамошний наместник не пустил своего князя; вероятно, он был заодно с боярами, которые думали воспользоваться общим смятением, чтобы опять начать свои козни против князя. Данило с братом Васильком отправился затем к Берестью, но не мог приблизиться к городу от смрада гниющих тел. То же представилось им во Владимире; там не встретили они ни одной души; все церкви были наполнены горами трупов. Видно, что жители, во время нашествия татар, искали убежища в церквях и там погибали. Данилу пришлось отстраивать жилища и собирать разогнанные остатки населения.

Между тем галицкие бояре, захвативши в свои руки всю землю, думали править ею самовольно. Но теперь они уже не сладили с волею Данила. Боярин Доброслав и Судьич, попов внук, самовольно захватили Понизье, а Григорий Васильевич овладел горной страной перемышльской. Эти бояре от себя раздавали волости и доходы разным своим подручникам: так у Доброслава было двое подручников: Лазарь Домажирич и Ивор Молибожич, люди низкого происхождения (как говорит летописец), которым этот боярин поручил Коломью, дававшую прежде князю большой доход солью. К счастью Данила, эти бояре жили между собою во вражде и, ненавидя своего князя, доносили ему друг на друга. Таким образом Доброслав обвинял перед Данилом Григория.

Пользуясь их враждою, Данило, не веря ни тому ни другому, приказал схватить обоих и послал своего печатника Кирилла сделать опись всем грабительствам и злоупотреблениям бояр во время их управления.

Неугомонный, задорный сын черниговского князя Ростислав Михайлович в свою очередь продолжал беспокоить Данила. В то время, когда Кирилл производил осмотр в Понизье, Ростислав, соединившись с князьями бологовскими, пытался было овладеть Бакотою в Понизье, но не успел. За это Данило расправился с бологовскими князьями, которые вывели его наконец из терпения. Он в особенности был зол на них за то, что они поладили с татарами. Татары оставили покойно этих князей на земле их для того, чтобы они сеяли на них пшеницу и просо. Продолжая злобствовать против Данила, они надеялись на покровительство татар. Данило имел право упрекать их в неблагодарности к себе, так как ранее этого времени он избавил их из рук мазовецкого князя Болеслава и даже чуть было не воевал из-за них с Болеславом. Теперь, наказывая их за союз с Ростиславом, он вступил с войском на их землю, взял и предал огню города их: Деревич, Губин, Кобуд, Кудин, Городец, Божьский и Дядьков. Ростислав беспокоил Данила до самого 1249 года. Он женился на дочери венгерского короля Белы и с помощью тестя надеялся овладеть Галичем. В эти распри вмешались и поляки, так как другая дочь Белы была за князем Болеславом; на этом основании Данило помогал сопернику Болеслава Конраду,

женатому на его родственнице. Наконец, после долгих мелких драк произошло решительное сражение 1249 года.

Ростислав с войском, составленным из русских, венгров и болеславовых поляков, подступил к городу Ярославлю. Венграми начальствовал воевода Фильний, прозванный русскими «прегордый Филя», тот самый, который был некогда разбит Мстиславом Удалым. Хвастливый Ростислав говорил: «Если бы я знал, где теперь Данило и Василько, с десятью воинами поехал бы на них!» Между тем он устроил военную игру (турнир) и сразился с каким-то Воршем. Под ним споткнулся конь: Ростислав упал и повредил себе плечо. Это сочтено было дурным предзнаменованием. Тем временем Данило с Васильком шли против него. За ними на помощь следовали литва и поляки конрадовой стороны; тут было также несколько русских князей, пришедших на службу к Данилу. Им на дороге также было предзнаменование: над их войском собралась целая туча орлов и воронов и с криком кружилась над войском. «Это знамение на добро», – говорили русские. Битва произошла 17 августа. Венгерский воевода Фильний находился в заднем полку и, держа в руках знамя, кричал: «Русь плохо бьется: выдержим их первый напор: они не вытерпят сечи на долгое время». Но Данило ударил своим полком и смял его. Знамя Фильния было отнято и разодрано пополам. Молодой сын Данила, Лев, изломил об его доспехи копье свое. С другой стороны поляки, указывая на русских, кричали: «Погоним великие бороды!» – «Лжете, – за-

кричал им Василько, – Бог нам помощник!» Поляки по своему обычаю закричали «керылеш» (кириэ элейсон) и дружно бросились на Василька, но русские отбили их и обратили в бегство. Ростислав увидел, что и венгры и поляки бегут, побежал сам. Победа была вполне на стороне Данила. Воевода Фильний был схвачен Андреем дворским, приведен к Данилу и убит. Тогда же был казнен взятый в плен боярин Володислав, зачинщик смут. Ростислав с тех пор уже не делал более покушения на галицкий стол. Тесть его Бела дал ему в удел Мачву на Саве, и после того его имя уже не встречается в русской истории.

На следующий год Данило примирился с венгерским королем, при посредстве митрополита Кирилла, и король отдал за сына Данилова Льва дочь свою. Свадьбу праздновали в Изволине, и Данило, в знак мира, привел с собою и отдал королю венгерских пленников, взятых во время ярославской битвы.

Так, наконец, Данило успокоил и себя и свои земли, как от венгров, так и от русских князей. Много труда и усилий, много тяжелых лет и неутомимого терпения стоило ему это успокоение. Теперь он был один из сильнейших владетелей в славянском мире. До сих пор он не считал себя данником хана. Монгольские полчища пока только прошли по южной Руси разрушительным ураганом, оставивши по себе, хотя ужасные, но скоро поправимые следы. Участь других русских князей, казалось, миновала Данила. Но не так вышло

на деле, как казалось. В 1250 году прибыли послы от Батыя с грозным словом: «Дай Галич!»

Данило запечалился. Занятый беспрестанными войнами со своими соперниками, он не успел укрепить городов своих и не был в состоянии дать отпор татарскому полчищу, если бы оно пошло на него. Обсудивши свое положение, Данило сказал: «Не дам полуотчины своей, сам поеду к хану». В самом деле Данилу приходилось, уступивши Галич, не только потерять землю, приобретенную такими многолетними кровавыми усилиями, но ему угрожала большая беда: отнявши Галич, монголы не оставили бы его в покое с остальными владениями; и потому благоразумнее было заранее признать себя данником хана, чтобы удержать свою силу на будущее время, когда, при благоприятных обстоятельствах, можно будет заговорить иначе с завоевателями Руси. 26 октября выехал Данило в далекий путь.

Проезжая через Киев, Данило остановился в Выдубицком монастыре, созвал к себе соборных старцев и монахов, просил помолиться о нем, отслужил молебен Архистратигу Михаилу, и напутствуемый благословениями игумена сел в ладью и отправился в Переяславль. Здесь встретили его татары. Ханский темник²¹ Куремса проводил его в дальнейший путь. Тяжело и страшно было ехать Данилу. С грустью смотрел он на языческие обряды монголов, владычествовавших в тех местах, где прежде господствовало христианство. Его

²¹ Предводитель десяти тысячного войска.

страшили слухи, что монголы заставят православного князя кланяться кусту, огню и умершим прародителям. Следуя по степи, доехал он до Волги. Здесь встретил его некто Сунгур и сказал: «Брат твой кланялся кусту, и тебе придется кланяться». – «Дьявол говорит твоими устами, – сказал рассерженный Данило, – чтоб Бог загородил твои уста и не слышал бы я такого слова!»

Батый позвал его к себе, и, к утешению Данила, его не заставляли делать ничего такого, что бы походило на служение идолам.

«Данило, – сказал ему Батый, – отчего ты так долго не приходил ко мне? Теперь ты пришел и хорошо сделал. Пьешь ли наше молоко, кобылий кумыс?»

«До сих пор не пил, а прикажешь – буду пить». Батый сказал ему: «Ты уже наш татарин, пей наше питье». Данило выпил и сказал, что пойдет поклониться ханьше. Батый ответил: «Иди».

Данило поклонился ханьше, и Батый послал ему вина со словами: «Не привыкли вы пить кумыс, пей вино».

Данило пробыл 25 дней в Орде и был отпущен милостиво. Батый отдал ему его владения в вотчину. Родные и близкие встретили его по возвращении с радостью и вместе с грустью: они радовались, видя, что он воротился жив и здоров, и скорбели об его унижении. Вместе со своим князем вся русская земля чувствовала это унижение, и оно-то прорвалось в возгласе современника-летописца: «О злее зла честь татар-

ская! Данило Романович, князь великий, обладавший русскою землею, Киевом, Волынью, Галичем и другими странами, ныне стоит на коленях, называется холопом, облагается данью, за жизнь трепещет и угроз страшится!»

Подчинение хану, хотя, с одной стороны, унижало князей, но зато, с другой, укрепляло их власть. Хан отдавал Данилу, как и другим князьям, земли его в вотчину. Прежде Данило, как и прочие князья, называл свои земли отчинами, но это слово имело другое значение, чем впоследствии слово вотчина. Прежде оно означало не более, как нравственное право князя править и княжить там, где княжили его прародители. Но это право зависело еще от разных условий: от воли бояр и народа, от удачи соперников, в которых не было недостатка, от иноплеменного соседства и от всяких случайностей. Князья должны были постоянно беречь и охранять себя собственными средствами. Теперь князь, поклонившись хану, предавал ему свое княжение в собственность, как завоевателю, и получал его обратно как наследственное владение; теперь он имел право на покровительство и защиту со стороны того, кто дал ему владение. Никто не мог отнять у него княжения, кроме того, от кого он получил его. Вечевое право, выражаемое волею ли бояр, волею ли всего народа, необходимо должно было смолкнуть, потому что князь мог всегда припугнуть непокорных татарами. Соседний князь не отваживался уже так смело, как прежде, выгонять другого князя, потому что последний мог искать защиты в сильной Орде.

Князья становились государями. Это положение сразу поняли восточные князья и потому так легко примирились с новым порядком вещей. Но Данило слишком привык к прежнему строю жизни, чтобы примириться с новым положением. Он был гораздо ближе к европейским понятиям, чем восточные князья. Стыд рабского положения не мог для него ничем выкупаться. Его задушевною мыслью стало освобождение от постыдного ига.

Цель эта могла быть достигнута в будущем как материальным усилением Данила, так и возвышением его нравственного значения в ряду европейских владетелей. Вся остальная жизнь Данила была посвящена этой идее и, как увидим, неудачно.

Дружба и союз с королем венгерским вовлекли Данила в дела западной Европы. После смерти австрийско-штирийского герцога Фридриха, венгерский король хотел не допустить немецкого императора взять себе Австрию и Штирию, страны, остававшиеся теперь без владетеля. Король в 1252 году пригласил на помощь Данила. Дело уладилось было через императорских послов в Пожге. Здесь Данило виделся с немецкими послами, которые удивлялись необычному для них вооружению русских: их коням, одетым в кожаные доспехи, и их блестящему, татарскому, оружию. Сам Данило ехал рядом с королем, одетый по-русски; седло под ним было обито чистым золотом, стрелы и сабля позолоченные с узорами. На нем был «кожух» (конечно, не тулуп, так как тогда

был знойный день) греческой материи, украшенный кружевами и золотой тесьмой; и был князь обут в зеленых сафьянных сапогах, вышитых золотом. Его превосходный породистый конь возбуждал удивление и похвалы. «Твой приезд, по обычаю русских князей, дороже мне тысячи серебра», – сказал ему в приветствие венгерский король. Вскоре после того поднялся новый спор за австрийско-штирийское наследство. У покойного Фридриха было две дочери: одна из них была за Оттокаром, сыном чешского короля Вацлава, а другая, по имени Гертруда, была вдова маркграфа баденского. Оттокар, с согласия партии, державшей его сторону в Австрии, хотел овладеть всем наследством. Гертруда обратилась к покровительству Белы. Здесь при дворе его познакомился с нею сын Данила, Роман, и женился на ней. Таким образом у Данила возникло притязание утвердить сына в обладании Австриею и Штириею. Для заветных целей Данила удача в том случае имела бы большое значение. В союзе с Белою и зятем Белы Болеславом Стыдливым, польским князем, Данило совершил против Оттокара поход в чешские владения, на землю опавскую (Троппау). Поход этот, бесплодный по своим последствиям, замечателен только тем, что, по выражению летописца, ни один русский князь не заходил так далеко на запад.

Даниловы союзники, поляки, в этой войне вели себя очень не храбро, так что Данилу пришлось усовещевать их. Наконец, потерявши терпение, он сказал им: «Если хотите, идите

прочь, а я останусь с малою дружиною». Сам Данило страдал тогда сильною главною болезнью, но все-таки неумолимо разъезжал с обнаженным мечом, собирал и ободрял воинов. Союзники, не взявши города Опавы, овладели только городком Насилье (Носельт), потом заставили чешского воеводу Герберта прислать меч Данилу в знак покорности. Война эта, по всеобщему тогдашнему обычаю, сопровождалась варварским разорением края, но Данило смягчал ее жестокость. Таким образом, взявши город Насилье, он только освободил своих пленников и не велел никому делать зла.

Роману Даниловичу и впоследствии не удалось овладеть Австриею. Бела изменил своим видам относительно Романа. Оставивши у себя при дворе сына Гертруды от первого брака, он задумал женить его на своей дочери и предоставить ему спорные владения, а потому и покинул без помощи Романа, боровшегося в Австрии с Оттокараром. Осажденный в Нейбурге близ Вены, Роман вместе с женою терпел недостаток, напрасно ожидая выручки от Белы. Тогда Оттокар сделал ему такое предложение: «Оставь короля угорского: он тебе много обещает, но ничего не исполнит; ты мне свояк: разделим землю пополам; а что я говорю правду, в том ставлю тебе свидетелей: папу и двенадцать епископов». Но Роман следовал нравственным правилам отца своего, никогда не изменявшего своим союзникам, и сказал: «Я дал обещание королю угорскому, своему тестю: не могу тебя послушать. Стыдно и грешно не исполнять данного слова». Сама

жена вооружала его против Белы: «Он взял моего сына к себе, – говорила она, – хочет забрать нашу землю, а мы за него здесь голод терпим». Роман был непреклонен. Преданная им женщина тайком пробиралась из Нейбурга в Вену и приносила им пищу. Наконец какой-то Веренгер вывел их из осады, и Роман отправился к отцу.

План Данила с этой стороны окончательно рушился.

Удачнее шли дела Данила на севере. Ятвяги, народ воинственный, дикий и жестокий, живший в лесах и болотах нынешней Гродненской губернии, делали опустошительные набеги на русские области и уводили множество пленников, которых держали в тяжелом рабстве. Данило проник в их тущобы, разорил их поселения и освободил всех русских пленников, наконец, умертвил в битве их князя Стеконта, подчинил их своей власти и наложил на них дань.

Удачно также шли дела его с Литвою. Этот народ, когда-то покорный русским князьям, был выведен из терпения немецкими рыцарями, хотевшими жестокими мерами распространить между ним крещение. Столкновение с этими новыми врагами пробудило спящие силы литвинов, и они не только упорно и мужественно отбивались от врагов, но сделались воинственным и завоевательным народом. Литва начала расширяться за счет Руси. Один из ее князей, Миндовг, заложил свою столицу Новогородок на русской земле и сделался сильнейшим князем во всей Литве. Двое племянников его: Тевтивилл и Эдивид сделались князьями – один полоц-

ким, другой смоленским, а дядя их Викинт витебским. Миндовг хотел подчинить их своей власти; тогда они обратились за помощью к Данилу. Данило, после смерти первой жены своей Анны, женился на сестре Тевтивилла и Эдивида и теперь горячо принял их сторону. Чтобы усмирить Миндовга, Данило заключил союз с Ригою, вооружил против Миндовга половину жмуди (ветвь литовцев) и ятвягов и стеснил Миндовга так, что последний, с намерением разорвать союз Данила с немцами, изъявил желание принять католическую веру. В 1252 году он крестился в присутствии папского легата и магистра немецкого ордена и был коронован королем. Крещение его было притворное: он в душе оставался язычником. Вскоре Миндовг убедился, что союз его с немцами приведет его к порабощению и что гораздо лучше будет сойтись с русскими. Он помирился с племянниками и предложил мир и родственный союз Данилу, отдавши свою дочь за сына Данилова Шварна. Союз этот устроил сын Миндовга, знаменитый Воишелк: сперва кровожадный и жестокий, этот литовский князь потом принял христианство, постригся в монахи и сделался строгим отшельником. Преданный Данилу, он привел к нему сестру свою, будущую жену Шварна. Мир был закреплен тем, что старшему сыну Роману предоставили Новгородок, Слоним и Волковскийск, с обязанностью, однако, признавать первенство Миндовга.

Но все эти успехи были недостаточны для целей Данила. Ему нужно было приобрести значение и силу в Евро-

пе, заручиться надеждой на помощь со стороны Запада в то время, когда он открыто решится действовать против татар. Для этой цели нужно было сойтись ему с такою центральной силою, которая двигала всем западным миром. Такой центральной силой казался ему папа. Постоянные и долгие сношения с западными католическими государями неизбежно должны были внушить ему высокое мнение о могуществе духовного римского престола, хотя в то время это могущество в сущности не могло произвести того, что производило столетием ранее. Сношения с папою начались еще с 1246 года. Данило изъявлял желание отдать себя под покровительство Св. Петра, чтобы идти под благословением римского престола, вместе с западным христианством, на монголов. Последствием этого обращения был целый ряд папских посольств и булл. Желая прежде всего устроить присоединение русской церкви, папа Иннокентий IV послал к Данилу доминиканских монахов Алексея Гецелона и других для совещания о вере и для постоянного пребывания при русском князе, писал целый ряд булл, называл в них Данила королем, позволял русским сохранять ненарушимо служение литургии на просфорах и соблюдать все обряды греческой церкви и предлагал, между прочим, короновать его королем. Но Данило имел в виду только одно: существенную помощь Запада для освобождения Руси от монголов, а потому не поддавался ни на какие уловки. «Что мне в королевском венце? – говорил он папскому послу. – Татары не перестают делать нам зло;

зачем я буду принимать венец, когда мне не дают помощи!» В 1249 году, потерявши надежду на помощь папы, Данило изгнал епископа Альберта, которого папа назначил главою духовенства в южной Руси. Папский легат с неудовольствием выехал из Галиции. Тем и кончились тогда сношения Данила с папою. В 1252 году король венгерский помирил Данила с Римом, и сношения с папою возобновились. В 1253 году папа издал буллу ко всем христианам Богемии, Моравии, Сербии и Померании, призывающую их к крестовому походу против татар, а в следующем 1254 году буллу к архиепископу, епископам и другим духовным особам Эстонии и Пруссии, чтобы они проповедовали крестовый поход против татар. В глазах Данила вся восточная Европа готова была подняться против завоевателей Руси. Тогда же папа отправил послов к Данилу с королевскою короною, но Данило не очень горячо хватался за эту папскую милость. Когда он, возвращаясь из чешского похода, свиделся с этими послами в Кракове, то сказал им: «Не годится мне видеться с вами в чужой земле. После!» В следующем году приехал в Русь папский легат Опизо с королевским венцом, скипетром и с щедрыми обещаниями помощи против татар. Данило и теперь еще колебался; но его убедили принять предложение папы, с одной стороны – его мать, а с другой – польские князья Болеслав и Земовит. Последние со своими вельможами обещали Данилу, как только он примет венец, тотчас идти против татар. Данило был торжественно коронован в Дроги-

чине и помазан папским легатом (1255). Его успокоили уверения легата, что «папа уважает греческую церковь, проклинает тех, кто осуждает ее обряды, и намерен скоро собрать собор для соединения церквей».

В том же году начались неприязненные действия с татарами. Неизвестно, дошел ли до монголов слух, что на западе собираются идти на них, или же их раздражило то, что Данило укреплял свои города. Ханский темник Куремса подступил к Бакоте. Ее сдал татарам Милей, вероятно, русский, и назначен был в ней от татар баскаком. Данило, занятый в то время делами в Литве, послал в Бакоту сына своего Льва. Лев отвоевал Бакоту и привел пленного Милея к отцу. Изменник успел умиловить князей. Лев сам поручился за него, и Данило, понадеявшись на его уверения в верности, отпустил Милея, а последний тотчас же отдал Бакоту опять татарам. Куремса подступил к Кременцу, но не взял его. Нашелся русский князь, увидавший возможность воспользоваться гневом татар против Данила для своих выгод: то был Изяслав, князь новгород-северский, племянник тех Игоревичей, которые некогда были повешены в Галиче; он предложил татарам овладеть Галичем и просил их помощи. Куремса сказал ему: «Как ты пойдешь на Галич? Лют князь Данило, убьет тебя!» Изяслав не послушался совета и пошел в Галич. Услышавши об этом, Данило послал туда с отрядом сына своего Романа, а сам у Грубешова со своими людьми охотился за вепрями, собственноручно убил троих зверей рога-

тиной и отдал мясо воинам. «Если встретятся вам хотя бы татары, – говорил он им, – не бойтесь!» Видно, что татары своим одним именем наводили ужас на русских. Роман напал на Изяслава так неожиданно, что тот, не будучи в силах ни защищаться, ни убежать, взобрался на церковь и там сидел три дня, а на четвертый, не стерпев жажды, сдался и был приведен к Данилу.

Куремса, человек слабый и недеятельный, не трогал долго Данила. Это ободрило русского князя. Он решился отобрать у татар русские города до самого Киева. Литовский князь Миндовг дал обещание действовать с ним заодно. Данило отправил войско под начальством сыновей своих: Шварна и Льва и воеводы Дионисия Павловича. Дионисий взял Межибожье; Лев занял берега Буга и выгнал оттуда татар; отряды Данила и Василька завоевали Бологовский край, а Шварно овладел всеми городами на восток по реке Тетереву до Жидичева. Белобережцы, чернятинцы, бологовцы со своей стороны прислали послов своих к Данилу, но город Звягель, обещавший принять к себе Данилова тиуна, изменил и не сдавался. Данило сам отправился вслед за своим сыном Шварном, взял Звягель приступом и расселил его жителей. В это время литовцы, вместо того, чтобы помогать Данилу и идти с ним по обещанию к Киеву, начали грабить и разорять его владения около Луцка, совершенно неожиданно для Данила. Посланный против них дворский Олекса наказал их жестоко, загнав и потопивши в озеро. Но измена литовцев

остановила дальнейшие движения Данила.

Вражда татарам была объявлена. Силы Куремсы двинулись на Луцк, но этот город стоял на острове и жители заранее истребили мост; татары через реку Стырь хотели пускать камни в город, но поднялась сильная буря и изломала их пороки. С тех пор Куремса не нападал на Данила. Но в 1260 году на место Куремсы был назначен другой темник, по имени Бурандай, человек суровый, воинственный.

Вот уже пять лет прошло с тех пор, как Данилу обещали на помощь силы крестового похода, но обещание не исполнялось: Данило, между тем, понадеявшись на помощь с Запада, раздражил татар и был теперь предоставлен собственным силам. Бурандай явился с огромным войском на Волынь, не делал никаких укоров Данилу за его последние действия, а послал приказание идти с ним на Литву. Данило рад был и тому, что мог на время избавиться от таких гостей, и отправил на Литву к Бурандаю брата своего Василька. Недавняя измена литовцев, остановившая успехи Данила, оправдывает поступок его. Татары рассеялись по Литве, жгли и опустошали ее. Бурандай, как будто довольный послушанием Василька, ласково отпустил его во Владимир. Но в следующем 1261 году, возвратившись из Литвы, Бурандай послал к Романовичам такое грозное послание: «Встречайте меня, если вы в мире со мною, а кто меня не встретит – с тем я в войне». Василько в то время справлял свадьбу своей дочери с черниговским князем и, оставивши свадебный пир,

должен был ехать на поклон к грозному темнику. Данило не поехал к нему и послал на место себя сына Льва и холмского владыку Ивана.

Посланные явились к Бурандаю под Шумском и принесли ему дары. Бурандай встретил их грозно и начал кричать на Василька и Льва. Владыка совершенно оторопел от страха. Наконец Бурандай сказал князьям: «Если хотите жить с нами в мире, размечите все ваши города».

Помощи надеяться было неоткуда; при малейшем упорстве Бурандай задержал бы князей и пустил бы татар истреблять в крае старых и малых. Приходилось уступить.

Лев разметал укрепления города Львова, им самим построенного, и города Стожка, недавно воздвигнутого Данилом, а Василько послал приказание уничтожить укрепления Кременца и Луцка. Сам Бурандай отправился с Васильком во Владимир, желая быть свидетелем разрушения укреплений столицы волынского края. Не дойдя до этого города, татарский темник остановился ночевать на Житане и сказал Васильку: «Иди и размечи свой город».

Василько, прибывши к Владимиру, увидел, что в скором времени нельзя разобрать всех стен до приезда Бурандая, и потому приказал зажечь их. Бурандай, приехавши вслед за ним, с радостью смотрел, как потухали сгоревшие стены, обедал затем у Василька, обошелся с ним милостиво и на ночь выехал из города, а утром послал к Васильку татарина Баймура, который сказал ему так: «Василько, приказал мне

Бурандай раскопать твой город». «Делай то, что тебе приказано!» – отвечал Василько. Баймур раскопал владимирские окопы: это знаменовало победу татар над русскими.

Вслед за тем Бурандай призвал Василька и приказал, собрав бояр и слуг, идти на Холм.

Данила уже не было тогда в его столице. Владыка Иван приехал туда вперед и рассказал Данилу о том, что слышал от Бурандая в Шумске. Данило бежал в Венгрию. Сопrotивляться ему против татар было невозможно, а унижаться и раболепствовать было слишком невыносимо.

Город Холм был хорошо укреплен пороками и самострелами; бояре и горожане готовы были отражать приступ. Бурандай сказал Васильку: «Это город твоего брата, ступай к горожанам, уговори их сдаться». Вместе с ним отправил он троих татар и толмача с приказанием наблюдать, что будет говорить Василько с русскими.

Василько набрал в руки камешков и, придя под город с татарами, начал кричать так: «Эй ты, холоп Константин, и ты, другой холоп Лука Иванович, это город брата моего и мой, сдавайтесь!» – и с этими словами трижды бросил камни оземь.

Боярин Константин, стоя на стене с горожанами, понял, что означало это бросание камней: Василько, не смея сказать словами того, что хотел, давал им знак, чтобы они не делали того, что он им приказывал на словах.

«Ступай прочь, – закричал боярин Константин, – а то мы

тебя хватим камнем в лицо; ты уже теперь не брат своему брату, а враг его».

Татары рассказали Бурандаю то, что слышали, и Бурандай был очень доволен Васильком. Братья укрепленные города осадой было не в духе татар, и потому-то татары так настаивали, чтобы в покоренной ими земле не было укрепленных мест. Татары отступили.

Бурандай приказал Васильку идти с собой на Польшу. Василько поневоле должен был опять повиноваться и быть свидетелем и участником разорения края. Татары взяли приступом Судомир (Сендомир) и перебили всех жителей, не щадя ни пола, ни возраста, когда последние выбежали в поле из разоренного города. Наделавши опустошений в Польше, Бурандай удалился в свои становища в приднепровской Украине.

Итак, все задушевные предположения Данила разрушились. Запад обманул его. Он должен был понять, что с этой стороны нельзя ждать Руси спасения от татар. Его сношения с папой не привели ни к какому желанному результату, ни для него, ни для папы. Данило хотел помощи против завоевателей и только ради этой помощи искал покровительства папы; папская политика имела в виду одно: обольстить русских и подчинить их церковь своей власти, в каком бы материальном положении они ни оставались. Понятно, что Данило, видя себя обманутым со стороны Запада и видя бессилие папы для своих целей, не хотел более знать его. Па-

па Александр IV еще в 1257 году писал ему буллу с горькими укорами за то, что он не оказывает никакого повиновения папскому престолу, и грозил церковным проклятием. Данило уже не обращал внимания на эти угрозы. В этом деле Данило вел себя вполне честно и безукоризненно: он не хитрил, а говорил открыто, что ему нужна действительная помощь против врагов, и только под этим условием обещал признать духовную власть римского первосвященника, притом не иначе, как тогда, когда будет созван собор, долженствующий установить соединение церквей. Ни того, ни другого не было сделано со стороны папы, который, в сущности, не в состоянии был исполнить того, что обещал. Понятно, что Данило мог считать свою совесть спокойною, отвернувшись от папы.

Обнаженная от своих укреплений, Русь стала более прежнего открытой для литовских набегов. Литовцы, отмщая русским за татарский поход, сделали вторжение на их землю, но были прогнаны и разбиты Васильком. Вслед за тем в 1262 г. в Литве произошел переворот: Миндовг, обратившийся опять к язычеству, был убит. Сын его Войшелк, оставив на время монашеский чин, принял звание литовского князя, перебил врагов Миндовга и готовился снова идти в монастырь, предоставляя княжение сыну Данила Шварну. Среди этих событий в 1264 году Данило, еще прежде впавший в болезнь, скончался в Холме и погребен там в построенной им церкви Богородицы.

В судьбе этого князя было что-то трагическое. Многого добился он, чего не достигал ни один южнорусский князь, и с такими усилиями, которых не вынес бы другой. Почти вся южная Русь, весь край, населенный южнорусским племенем, был в его власти: но не успевши освободиться от монгольского ига и дать своему государству самостоятельного значения, Данило тем самым не оставил и прочных залогов самостоятельности для будущих времен. По отношению к своим западным соседям, как и вообще во всей своей деятельности, Данило всегда отважный, неустрашимый, но вместе с тем великодушный и добросердечный до наивности, был менее всего политик. Во всех его действиях мы не видим и следа хитрости, даже той хитрости, которая не допускает людей попадаться в обман. Этот князь представляет совершенную противоположность с осторожными и расчетливыми князьями восточной Руси, которые, при всем разнообразии личных характеров, усваивали от отцов и дедов путь хитрости и насилия и привыкли не разбирать средств для достижения цели.

Не прошло ста лет после Данила, и в то время, как в восточной Руси возникали прочные начала государственного единения, южная Русь – явившись еще в XIII веке на короткое время в образе государства под властью князя, получившего титул монарха между европейскими государями – не только распалась, но сделалась добычею чужеземцев. К такой судьбе бесспорно приводило ее географическое положение.

ние, близкое соседство с Европой. Восточную часть южной Руси завладели литовцы, западную – поляки, и, по соединении последних между собою в одну державу, южная Русь на многие века была оторвана от русской земли, подвергаясь насильственному давлению чуждых стихий и выбиваясь из-под их гнета тяжелыми, долгими и кровавыми усилиями народа. Но личность Даниила Галицкого тем не менее остается благородною, наиболее возбуждающею к себе сочувствие личностью во всей древней русской истории.

Глава 8

Князь Александр Ярославич Невский

XIII век был периодом самого ужасного потрясения для Руси. С востока на нее нахлынули монголы с бесчисленными полчищами покоренных татарских племен, разорили, обезлюдили большую часть Руси и поработили остаток народонаселения; с северо-запада угрожало ей немецкое племя под знаменем западного католичества. Задачей политического деятеля того времени было поставить Русь по возможности в такие отношения к разным врагам, при которых она могла удержать свое существование. Человек, который принял на себя эту задачу и положил твердое основание на будущие времена дальнейшему исполнению этой задачи, по справедливости может назваться истинным представителем своего века.

Таким является в русской истории князь Александр Ярославич Невский.

Отрочество и юность его большею частью протекли в Новгороде. Отец его Ярослав всю жизнь то ссорился с новгородцами, то опять ладил с ними. Несколько раз новгородцы прогоняли его за крутой нрав и насилие и несколько раз приглашали снова, как бы не в состоянии обойтись без него. Князь Александр уже в молодых годах подвергался тому же вместе с отцом. В 1228 году, оставленный со своим братом Федо-

ром, с двумя княжескими мужами, в Новгороде, он должен был бежать, не выдержав поднявшегося в то время междоусобия – явления обычного в вольном Новгороде. В 1230 году юноша снова вернулся в Новгород с отцом и с тех пор, как кажется, долго не покидал Новгорода. С 1236 года начинается его самобытная деятельность. Отец его Ярослав уехал в Киев; Александр посажен был князем в Великом Новгороде. Через два года (1238) Новгород праздновал свадьбу своего молодого князя: он женился на Александре, дочери Брячислава полоцкого, как кажется, последнего из Рогволодовичей, скоро замененных в Полоцке литовскими князьками. Венчание происходило в Торопце. Князь отпраздновал два свадебных пира, называемых тогда «кашею» – один в Торопце, другой в Новгороде, как бы для того, чтобы сделать новгородцев участниками своего семейного торжества. Молодой князь был высок ростом, красив собою, а голос его, по выражению современника, «гремел перед народом как труба». Вскоре важный подвиг предстоял ему.

Вражда немецкого племени со славянским принадлежит к таким всемирным историческим явлениям, которых начало недоступно исследованию, потому что оно скрывается во мраке доисторических времен. При всей скудости сведений наших, мы не раз видим в отдаленной древности признаки давления немецкого племени над славянским. Уже с IX века в истории открывается непрерывное многовековое преследование славянских племен; немцы порабощали их, тесни-

ли к востоку и сами двигались за ними, поработая их снова. Просторный прибалтийский край, некогда населенный многочисленными славянскими племенами, подпал насильственному немецкому игу для того, чтобы потерять до последних следов свою народность. За прибалтийскими славянами к востоку жили литовские и чудские племена, отделявшие первых от их русских соплеменников. К этим племенам в конце XII и начале XIII века проникли немцы в образе воинственной общины под знаменем религии, и, таким образом, стремление немцев к поработлению чужих племен соединилось с распространением христианской веры между язычниками и с подчинением их папскому престолу. Эта воинственная община была рыцарским орденом крестоносцев, разделявшимся на две ветви: орден Тевтонский, или Св. Марии, и, позже ею основанный в 1202 году, орден Меченосцев, предназначенный для поселения в чудских и леттских краях, соседних с Русью. Оба эти ордена, впоследствии, соединились для совокупных действий.

Полоцкий князь Владимир, по своей простоте и недалекости, сам уступил пришельцам Ливонию (нынешние прибалтийские губернии) и этим поступком навел на северную Русь продолжительную борьбу с исконными врагами славянского племени.

Властолюбивые замыслы немцев после уступки им Ливонии обратились на северную Русь. Возникла мысль, что призыванием ливонских крестоносцев было не только крестить

язычников, но и обратиться к истинной вере русских. Русские представлялись на западе врагами Св. отца и римско-католической церкви, даже самого христианства.

Борьба Новгорода с немцами была неизбежна. Новгородцы еще прежде владели значительным пространством земель, населенных чудью, и постоянно, двигаясь на запад, стремились к подчинению чудских племен. Вместе с тем они распространяли между последними православие более мирным, хотя и более медленным путем, чем западные рыцари. Как только немцы утвердились в Ливонии, тотчас начались нескончаемые и непрерывные столкновения и войны с Новгородом; и так шло до самой войны Александра. Новгородцы подавали помощь язычникам, не хотевшим креститься от немцев, и потому-то в глазах западного христианства сами представлялись поборниками язычников и врагами Христовой веры. Такие же столкновения явились у новгородцев с католической Швецией по поводу Финляндии, куда с одной стороны проникали новгородцы с православным крещением, а с другой шведы с западным католичеством; спор между обеими сторонами был также и за земное обладание финляндской страной.

Папа, покровительствуя ордену, возбуждал как немцев, так и шведов к такому же покорению северной Руси, каким уже было покорение Ливонии и Финляндии. В завоеванной Ливонии немцы насильно обращали к христианству язычников; точно так же приневоливали они принимать католиче-

ство крещенных в православную веру туземцев; этого мало: они насильовали совесть и тех коренных русских поселенцев, которых отцы еще прежде прибытия рыцарей водворились в Ливонии.

Силы ордена Меченосцев увеличились от соединения с Тевтонским орденом. Между тем рыцари, по решению папы, должны были уступить датчанам часть Ливонии (Гаррию и Вирландию), а папа предоставил им вознаградить себя за это покорением русских земель. Вследствие этого, по призыву дерптского епископа Германа, рыцари и с ними толпа немецких охотников бросились на Псков. Один из русских князей Ярослав Владимирович вел врагов на своих соотечественников. В 1240 году немцы овладели Псковом: между псковитянами нашлись изменники; один из них, Твердила Иванкович, стал управлять городом от немецкой руки.

Между тем на Новгород ополчились шведы. Папская булла поручала шведам начать поход на Новгород, на мятежников, непокорных власти наместника Христова, на союзников язычества и врагов христианства. В Швеции, вместо больного короля, управлял тогда зять его Биргер. Этот правитель Биргер сам взял начальство над священным ополчением против русских. В войске его были шведы, норвежцы, финны и много духовных особ с их вассалами. Биргер прислал в Новгород к князю Александру объявление войны надменное и грозное: «Если можешь, сопротивляйся, знай, что я уже здесь и пленю землю твою».

У новгородцев война также приняла религиозный характер. Дело шло о защите православия, на которое разом посягали враги, возбужденные благословением папы. Александр Ярославич помолился у Св. Софии и выступил с новгородскою ратью к устью Волхова. К нему пристали ладожане, подручники Великого Новгорода. Шведы вошли в Неву и бросили якорь в устье Ижоры. Вероятно, это был роздых: они намеревались плыть через озеро и достигнуть Ладоги врасплох; прежде всего следовало взять этот новгородский пригород, а потом вступить в Волхов и идти на Великий Новгород. В Новгороде уже знали о них. Александр не медлил и, предупредивши их, приблизился к Ижоре в воскресенье 15-го июля (1240). Шведы не ждали неприятелей и расположились спокойно; их шнеки стояли у берега; раскинуты были на побережье шатры их. Часов в одиннадцать утра новгородцы внезапно появились перед шведским лагерем, бросились на неприятелей и начали их рубить топорами и мечами, прежде чем те успевали брать оружие. Немало было молодцов, которые отличились здесь своею богатырскою удаleyю: между ними новгородец Савва бросился на шатер Биргера, что красовался посреди лагеря своим золотым верхом. Савва подсек столб у шатра. Новгородцы очень обрадовались, когда увидели, как упал этот шатер золототерхий. Сам Александр нагнал Биргера и хватил его острым копьем по лицу. «Возложил ему печать на лицо», – говорит повествователь. У шведов было много убитых и раненых. Схоронили они наскоро

часть убитых на месте, свалили остальных на свои шнеки, чтобы похоронить в отечестве, и в ночь до света все уплыли вниз по Неве в море.²²

Велико было торжество новгородцев. Но вскоре не поладил с ними Александр и ушел в Переяславль.

А тем временем на Новгород шли другие такие же враги. Немцы, завоевавши Псков, заранее считали уже своим приобретенным достоянием Водь, Ижору, берега Невы, Карелию (края нынешней Петербургской, отчасти Олонецкой губернии); они отдавали страны эти католичеству, и папа присудил их церковному ведомству эзельского епископа. 13-го апреля 1241 года эзельский епископ по имени Генрих заключил с рыцарями договор: себе брал десятину от десятины со

²² У новгородцев был обычай ставить стражу при впадении Невы в море. Начальство над этой стражей было тогда поручено какому-то крещеному вожанину (принадлежавшему к Води народу чудского или финского племени, населявшему нынешнюю Петербургскую губернию) Пельгусию, получившему в крещении имя Филиппа. Пельгусий был очень благочестив и богоугоден, соблюдал посты и потому сделался способным видеть видения. Когда шведы явились, он пошел к Александру известить о их прибытии и рассказал ему, как стали шведы. «Мне было видение, – сказал он, – когда я еще стоял на краю моря; только что стало восходить солнце, услышал я шум страшный по морю и увидел один насад; посреди насада стояли Святые братья Борис и Глеб; одежда на них была вся красная, а руки держали они на плечах: на краю их ладьи сидели гребцы и работали веслами, их одевала мгла, и нельзя было различить лика их, но я услышал, как сказал Борис мученик брату своему Св. Глебу: „Брате Глебе! Вели грести, да поможем мы сроднику своему, великому князю Александру Ярославичу!“ И я слышал глас Бориса и Глеба; и мне стало страшно, так что я трепетал; и насад отошел из глаз у меня». – «Не говори же этого никому другому», – сказал ему Александр. Такое благочестивое предание осталось об этом событии.

всех произведений, а им отдавал все прочее, рыбные ловли, управления и все вообще мирские доходы с будущих владений.

Немцы и покоренные ими латыши и эсты бросились на новгородские земли, предавали их опустошению, взяли пригород Лугу, Тесово, построили укрепление в погосте Копорье. Вожане поневоле приставали к ним; те, которые не хотели, – разбежались в леса и умирали с голода. Неприятельские шайки метались в разные стороны, достигали тридцати верст от Новгорода и убивали новгородских гостей, ездивших за товарами. В таких обстоятельствах новгородцы послали к Ярославу просить князя. Ярослав прислал им сына Андрея. Немцы причиняли им все более и более зла: у поселян по Луге отобрали всех коней и скот, и не на чем было пахать поселянам. Новгородцы рассудили, что один Александр может их выручить, и отправили к нему владыку Спиридона. Дело касалось не одного Новгорода, а всей Руси, – Александр не противился.

Немедленно отправился он с новгородцами очищать новгородскую землю от врагов, разогнал их отряды, взял Копорье, милостиво обращаясь с пленниками, перевешал, однако, изменивших Новгороду вожан и чуд. Затем он достиг Пскова, освободил его от немцев, отправил в оковах в Новгород двух немецких наместников Пскова.

Оставаясь во Пскове, Александр ждал против себя новой неприятельской силы и вскоре услышал, что она идет на

него. В первых числах апреля 1242 года Александр двинулся навстречу врагам, и у скалы, называемой Вороний камень на Узмени, произошла другая битва, не менее знаменитая Невской, известная в истории под названием: «Ледовое побоище». Враги встретились в субботу 5 апреля при солнечном восходе. Увидя приближающихся врагов, Александр поднял руки вверх и громко сказал: «Рассуди, Боже, спор мой с этим высокомерным народом!» Битва была упорная и жестокая. С треском ломались копья. Лед побагровел от крови и трескался местами. Многие потонули. Потерявшие строй немцы бежали: русские с торжеством гнали за ними семь верст до Суболичского берега.

С торжеством возвращался Александр в освобожденный Псков. Близ коня его вели знатных рыцарей, за ним гнали толпу простых пленных. Навстречу ему вышло духовенство. Народ приветствовал победителя радостными кликами.

Эти две победы имеют важное значение в русской истории. Правда, проявления вражды немцев с русскими не прекращались и после того, в особенности для Пскова, который не раз вступал с орденом в кровавые столкновения, но уже мысль о покорении северных русских земель, о порабощении их наравне с Ливонией, которое подвергло бы их участи прибалтийских славян, – навсегда оставила немцев. Сами папы, вместо грозных булл, возбуждавших крестовые походы на русских наравне с язычниками, избрали другой путь, в надежде подчинить себе Русь, – путь посольств и убежде-

ний, оказавшийся, как известно, столько же бесплодным, как и прежние воинственные буллы.

Таким образом, папа Иннокентий IV прислал к Александру в 1251 (булла писана в 1248) двух кардиналов Гальда и Гемонта. Папа уверял Александра, будто отец Александра изъявлял обещание монаху Плано-Карпини подчиниться римскому престолу, но смерть не допустила его до исполнения этого намерения. Папа убеждал Александра идти по следам отца, представлял выгоды, какие русский князь и Русь получают от этого подчинения, и обещал против татар помощь тех самых рыцарей, от которых недавно Александр освобождал русские земли. В летописях есть ответ Александра папе, явно сочиненный впоследствии, но не подлежит сомнению, что Александр не поддался увещаниям и отказал наотрез. Посольство это повлекло за собою в последующей русской истории множество подобных посольств, также бесполезных.

Александр мог оружием переведаться с западными врагами и остановить их покушения овладеть северною Русью: но не мог он с теми же средствами действовать против восточных врагов. Западные враги только намеревались покорить северную Русь, а восточные уже успели покорить прочие русские земли, опустошить и обезлюдить их. При малочисленности, нищете и разрозненности остатков тогдашнего русского населения в восточных землях нельзя было и думать о том, чтобы выбиться оружием из-под власти мон-

голов. Надобно было избрать другие пути. Руси предстояла другая историческая дорога, для русских политических людей – другие идеалы. Оставалось отдаться на великодушные победителей, кланяться им, признать себя их рабами и тем самым, как для себя, так и для своих потомков, усвоить рабские свойства. Это было тем легче, что монголы, безжалостно истреблявшие все, что им сопротивлялось, были довольно великодушны и снисходительны к покорным. Александр, как передовой человек своего века, понял этот путь и вступил на него. Еще отец его Ярослав отправился в Орду, но не воротился оттуда. Его путешествие не могло служить образцом, потому что не могло назваться счастливым: говорили даже, что его отравили в Орде. Александр совершил свое путешествие с таким успехом, что оно послужило образцом и примером для поведения князей.

Наши летописцы говорят, что Батый сам приказал Александру в качестве князя новгородского явиться к себе и дал приказ в таких выражениях: «Мне покорил Бог многие народы: ты ли один не хочешь покориться державе моей? Но если хочешь сохранить за собою землю свою, прийди ко мне: увидишь честь и славу царства моего». Александр приехал в Волжскую Орду вместе с братом Андреем в 1247 году. Тогда, по смерти Ярослава, достоинство старейшего князя оставалось незанятым и от воли победителей зависело дать его тому или другому.

Монголы жили тогда еще совершенно кочевой жизнью,

хотя и окружали себя роскошью цивилизации тех стран, которые они покорили и опустошили. Еще постоянных городов у них на Волге не было; зато были, так сказать, подвижные огромные города, состоявшие из разбитых по прихоти властелина кибиток, перевозимых на телегах с места на место. Где пожелает хан, там устраивался и существовал более или менее долгое время многолюдный кочевой город. Являлись ремесла и торговля; потом – по приказанию хана – все укладывалось, и огромный обоз в несколько сот и тысяч телег, запряженных волами и лошадьми, со стадами овец, скота, с табунами лошадей, двигался для того, чтобы, через несколько дней пути, опять расположиться станом. В такой стан прибыли наши князья. Их заставили, по обычаю, пройти между двумя огнями для очищения от зловредных чар, которые могли пристать к хану. Выдержавши это очищение, они допускались к хану, перед которым они должны были явиться с обычными земными поклонами. Хан принимал завоеванных подручников в разрисованной войлочной палатке, на возвышенном возвышении, похожем на постель, с одною из своих жен, окруженный своими братьями, сыновьями и сановниками; по правую руку его сидели мужчины, по левую женщины. Батый принял наших князей ласково и сразу понял, что Александр, о котором уже он много слышал, выходит по уму своему из ряда прочих русских князей.

По воле Батыя Ярославичи должны были отправиться в Большую Орду к великому хану. Путь нашим князьям лежал

через необозримые степные пространства Средней Азии. Ханские чиновники сопровождали их и доставляли переменных лошадей. Они видели недавно разоренные города и остатки цивилизации народов, поработанных варварами. До монгольского погрома многие из этих стран находились в цветущем состоянии, а теперь были в развалинах и покрыты грудями костей. Поработанные остатки народонаселения должны были служить завоевателям. Везде была крайняя нищета, и нашим князьям не раз приходилось переносить голод; немало терпели они там от холода и жажды. Только немногие города, и в том числе Ташкент, уцелели. У самого великого хана была столица Кара-Корум, город многолюдный, обнесенный глиняной стеной с четырьмя воротами. В нем были большие здания для ханских чиновников и храмы разных вероисповеданий. Тут толпились пришельцы всевозможных наций, покоренных монголами; были и европейцы: французы и немцы, приходившие сюда с европейским знанием ремесел и художеств – самая пестрая смесь племен и языков. За городом находился обширный и богатый ханский дворец, где хан зимою и летом на торжественные празднества являлся как божество, сидя с одною из своих жен на возвышении, украшенном массою золота и серебра. Но оседлое житье в одном месте было не во вкусе монголов. Являясь только по временам в столицу, великий хан, как и волжские ханы, проводил жизнь, переезжая с места на место с огромным обозом: там, где ему нравилось, располагались станом,

раскидывались бесчисленные палатки, и одна из них, обитая внутри листовым золотом и украшенная драгоценностями, отнятыми у побежденных народов, служила местопребыванием властелина. Возникал многолюдный город и исчезал, появляясь снова в ином месте. Все носило вид крайнего варварства, смешанного с нелепой пышностью. Безобразные и нечистоплотные монголы, считавшие опрятность даже пороком, питавшиеся такой грязной пищей, которой одно описание возбуждает омерзение, безвкусно украшали себя несметными богатствами и считали себя по воле Бога обладателями всей вселенной.

Нам неизвестно, где именно Ярославичи поклонились великому хану, но они были приняты ласково и возвратились благополучно домой. Андрей получил княжение во Владимире, Александру дали Киев; по-видимому, в этом было предпочтение Александру, так как Киев был старше Владимира, но киевская земля была в те времена до такой степени опустошена и малолюдна, что Александр мог быть только по имени великим князем. Вероятно, монголы сообразили, что Александр, будучи умнее других, мог быть для них опасен, и потому, не испытавши его верности, не решились дать ему тогда Владимир, с которым соединялось действительное старейшинство над покоренными русскими землями.

Посещение монголов должно было многому научить Александра и во многом изменить его взгляды. Он познакомился близко с завоевателями Руси и понял, с какой сторо-

ны с ними ужиться возможно. Свирепые ко всему, что сопротивлялось им, монголы требовали одного – раболепного поклонения. Это было в их нравах и понятиях, как и вообще у азиатских народов. Чрезвычайная сплоченность сил, безусловное повиновение старшим, совершенная безгласность отдельной личности и крайняя выносливость – вот качества, способствовавшие монголам совершать свои завоевания, качества, совершенно противоположные свойствам тогдашних русских, которые, будучи готовы защищать свою свободу и умирать за нее, еще не умели сплотиться для этой защиты. Чтобы ужиться теперь с непобедимыми завоевателями, оставалось и самим усвоить их качества. Это было тем удобнее, что монголы, требуя покорности и дани, считая себя вправе жить на счет побежденных, не думали насиловать ни их веры, ни их народности. Напротив, они оказывали какую-то философскую терпимость к вере и приемам жизни побежденных, но покорных народов. Поклоняясь единому Богу, с примесью грубейших суеверий, естественно свойственных варварскому состоянию умственного развития, они не только дозволяли свободное богослужение иноверцам, но и отзывались с известным уважением о всех верах вообще. Проницательный ум Александра, вероятно, понял также, что покорность завоевателю может доставить такие выгоды князьям, каких они не имели прежде.

До тех пор князья наши волею-неволею должны были разделять власть свою с народною властью веча или подбирать

себе сторонников в рядах народа. Собственно, они были только правителями, а не владельцами, не вотчинниками, не государями. Монголы, как по своим понятиям, так и по расчету, естественно, усиливали власть и значение князей за счет веча: легче и удобнее им было вести дело с покорными князьями, чем с непостоянными собраниями веч. Вот отчего все русские князья, побивши челом хану, получали тогда свои княжения в вотчину, и власть их в большей части русских земель очень скоро подавила древнее вечевое право. Звание старейшего князя было прежде почти номинальным: его слушались только тогда, когда хотели, теперь же это звание вдруг получило особую важность потому, что старейшего сам хан назначал быть выше прочих князей.

Александр не поехал в данный ему Киев, а отправился в Новгород. Пока он не был старейшим, еще он ладил с новгородской вольностью. Новгородцы считали себя независимыми от татар, но через два года произошел на Руси переворот.

Андрей не удержался на владимирском княжении. Этот князь не мог так скоро изменить понятий и чувствований, свойственных прежнему русскому строю и шедших вразрез с потребностями новой политической жизни. Ему тяжело было сделаться рабом. В это время он женился на дочери Данила Галицкого, который еще не кланялся хану, не признал себя его данником и искал средств избавиться от этой тяжелой необходимости. Летописные известия об этих событиях до того сбивчивы, что не дают нам возможности вы-

завить, как и чем Андрей вооружил против себя победителей. Но известно, что в 1252 году Александр отправился в Волжскую Орду и там получил старейшинство и владимирское княжение от Сартака, управлявшего делами за дряхлостью отца своего Батыя. Андрей, посоветовавшись со своими боярами, счел лучшим бежать в чужую землю, нежели «служить царю». Но татары уже шли на него под начальством Неврюя и других предводителей, догнали его под Переяславлем и разбили. Андрей убежал в Новгород, но там его не приняли: изгнанник через Псков и Кольвань (Ревель) убежал с женою в Швецию. Татары опустошили Переяславль и рассеялись по земле, истребляя людей и жилища, уводя пленных и скот, так как по правилу монгольскому, да и вообще как везде делалось в те времена, за вину князя должна была расплачиваться вся земля. В это время схвачена была и убита жена князя Ярослава Ярославича. Александр, получив старейшинство, сел во Владимире, и на первый раз пришлось ему отстраивать церкви и людские жилища, разоренные полчищем Неврюя.

С этих пор Александр, чувствуя свое старейшинство и силу, готовый найти поддержку в Орде, поднял голову и иначе показал себя, что в особенности видно в его отношениях к Новгороду. Живя во Владимире, Александр поставил князем в Новгороде сына своего Василия. В 1255 году новгородцы невзлюбили Василия и прогнали его, призвавши вместо него брата Александра Ярослава, князя тверского, живше-

го тогда во Пскове. Явление совершенно обычное, множество раз повторявшееся; и сам Александр, испытывая то же в былое время, уходил из Новгорода, когда его прогоняли, и опять являлся в Новгород по призыву и мирился с новгородцами. Но на этот раз Александр уже не спустил Великому Новгороду. Василий убежал в Торжок, где жители были за него. Отец тотчас собрал в своей владимирской земле рать и отправился в Торжок с тем, чтобы по своей воле опять восстановить сына на княжении. Призванный князь Ярослав убежал из Новгорода. Новгород остался без князя, и какой-то переветчик Ратишка дал об этом знать великому князю. Александр с Василием пошел на Новгород.

Между тем внутри Новгорода происходила безладица. Прорвалась не раз проявлявшаяся в его истории вражда лучших, или вящих людей и меньших, – иначе бояр и черни. Посадником был тогда Анания, представитель и любимец меньших людей, прямодушный ревнитель новгородской старины и вольности. Ожидая приближения великого князя, новгородцы вооружились и выставили полки за церковью Рождества и от Св. Ильи против Городища, ограждая Торговую (на правом берегу Волхова) сторону, которая была главным образом местопребыванием меньших людей. Но некоторые вящие люди замыслили иное: из них составила партия под начальством Михалки Степановича, человека коварного и своекорыстного, смекнувшего, что наступают иные времена, и сообразившего, на чьей стороне сила. В тревоге собрались

новгородцы на вече на обычном месте у Св. Николая (Дворищенского). «Братья, – говорили они между собою, – а что если князь скажет: выдайте моих врагов?» Тогда меньшие по прадедовскому обычаю «целовали Богородицу» на том, чтобы стоять всем на живот и на смерть за правду новгородскую, за свою отчину. Но Михалка, замышлявший убить Ананию и какими бы то ни было путями сделаться самому посадником, убежал со своими единомышленниками в Юрьев монастырь. Разнеслась весть, что вящие хотят напасть на Новгород и бить меньших. Новгородцы кричали, что нужно убить Михалку и ограбить его двор, но тут заступился за него посадник Анания. Он послал предостеречь своего тайного врага, и когда расвирепевшие новгородцы кричали: убить Михалку, Анания сказал им: «Братья, если его убьете, убейте прежде меня».

Приехал в Новгород посол от Александра с такими словами: «Выдайте мне Ананию посадника, а не выдадите, я вам не князь: иду на город ратью!» Новгородцы послали к Александру владыку Далмата и тысяцкого Клима: «Князь, иди на свой стол, а злодеев не слушай: не гневайся на Ананию и на всех мужей новгородских».

Владыка и тысяцкий возвратились с отказом. Александр упорно добивался своего. Тогда новгородцы приговорили на вече: «Если князь такое задумал с нашими клятвопреступниками, – пусть их судит Бог и Св. София, а на князя мы не кладем греха!» Все вооружились и три дня стояли наготове.

Выдавать миром своих было для новгородцев неслыханным бесчестным делом. Александр рассудил, что раздражать далее народ и доводить дело до драки нет нужды, когда главная цель его может быть достигнута более мирным соглашением, и послал сказать новгородцам: «Я не буду держать на вас гнева; пусть только Анания лишится посадничества».

Анания лишился посадничества, и новгородцы примирились с Александром. Александр прибыл в Новгород и был радушно встречен народом, издавна знавшим его. Василий был восстановлен на княжении. Новгородцы в угодность Александру поставили посадником Михалка.

Это событие, несмотря на черты, слишком обычные в новгородском строе жизни, имело, однако, важное и новое значение в новгородской истории. Новгородцы выгоняли князей своих, иногда терпели от них и, забывая старое, опять приглашали, как напр., было с Ярославом, отцом Александра, но то делалось по новгородской воле, при обычном непостоянстве новгородцев. Не было еще примера, чтобы великий князь силою заставил принять только что изгнанного ими князя. Александр показал новгородцам, что над их судьбою есть внешняя сила, повыше их веча и их партий – сила власти старейшего князя всей Руси, поставленного волею могущественных иноземных завоевателей и владык русской земли. Правда, что Александр, вступивши в Новгород, обласкал новгородцев, заключил с ними мир на всей вольности новгородской, но в проявлении его могучей

воли слышались уже предвестники дальнейшего наложения на Новгород великокняжеской руки.

Через несколько времени Новгород увидал в своих стенах того же Александра, уже не так мирно улаживающего свои недоумения с новгородской вольностью. В Орде произошел переворот: Батый умер. Сын его Сартак был умерщвлен дядею Берке, объявившим себя ханом. Последний вверил дела Руси своему наместнику Улагчи. Тогда пришла весть, что хан посылает своих чиновников для переписи народа и собирания дани. Александр поспешил в Орду, думая предотвратить грядущие бедствия: русских страшил не самый платеж дани; они покорялись необходимости платить ее через своих князей, но долгое пребывание татар в земле русской наводило всеобщий страх. Александр не успел умиловить хана. В землю рязанскую, муромскую и суздальскую явились татарские численники, ставили своих десятников, сотников, тысячников, темников, переписывали жителей для обложения их поголовною данью, не включали в перепись только духовных лиц. Вводилось, таким образом, чуждое управление внутри Руси. Народу было очень тяжело. В следующем 1257 году Александр вновь отправился в Орду с братьями своими: Ярославом тверским и суздальским Андреем, с которыми, недавно не ладивши, помирился. Улагчи требовал, чтобы Новгород также подвергся переписи и платежу дани. Как ни близок был Александру Новгород, но он счел за лучшее покориться. Между тем в Новгород уже достигла весть о

том, что туда идут татарские численники. Все лето там была тревога и смятение. Новгород не был до сих пор покорен, подобно прочим русским землям, татарским оружием и не помышлял, чтобы ему добровольно пришлось платить постыдную дань, наравне с покоренными. Вящие люди, и в том числе посадник Михалка, готовые угождать силе для своих выгод и сохранения своих богатств, уговаривали новгородцев покориться, но меньшие слышать об этом не хотели. Их любимец Анания скончался в августе. Волнение после его смерти усилилось, и, наконец, ненавистный для меньших, насильно поставленный против их воли, Михалко был убит. Князь Василий разделял чувства новгородцев. Наконец, прибыл в Новгород Александр с татарскими послами требовать десятины и тамги. Василий, с одной стороны, не смел противиться отцу, с другой – стыдился изменить новгородскому делу и бежал во Псков. Новгородцы наотрез отказались платить дань, но ласково приняли ханских послов и отпустили домой с честью и дарами. Этим Великий Новгород заявлял, что он относится с уважением к ханской власти, но не признает ее над собою. Тогда Александр выгнал своего сына из Пскова и отправил на суздальскую землю, а некоторых новгородских бояр, стоявших заодно с меньшими и имевших, по его мнению, влияние на Василия, схватил и наказал бесчеловечным образом: иным обрезал носы, другим выколол глаза и т.п.

Такова была награда, какую получили эти защитники новгородской независимости в угоду поработителям от того

самого князя, который некогда так блистательно защищал независимость Новгорода от других врагов.

Зимою (с 1258 на 1259 год) прибыл с низу Михайло Пинецинич и объявил новгородцам, что ханские полки идут на Новгород и будут добывать его оружием, если новгородцы не согласятся на перепись. Весть эта была несправедлива, но правдоподобна. Само собою разумеется, что хан не согласился бы удовольствоваться дарами. Весть эта нагнала такой страх, что с первого раза новгородцы согласились. Вероятно, об этом было дано знать в Орду, потому что тою же зимою прибыли в Новгород ханские чиновники: Беркай и Касачик, с женами, и множество татар. Они остановились на Городище²³ и стали собирать тамгу по волости. Новгородцы, увидя необычное зрелище, снова возмутились. Бояре, наблюдая свои корыстные цели, уговаривали народ смириться и быть покорным, но меньшие собирались у Св. Софии и кричали: «Умрем честно за Св. Софию и дома ангельские». Тогда татары стали бояться за свою жизнь, и Александр приставил посадничьего сына и боярских детей стеречь их по ночам. Такое положение скоро наскучило татарам, и они объявили решительно: «Давайте нам число, или мы побежим прочь». Вящие люди стали домогаться уступки. Тогда в Новгороде распространилась молва, что вящие хотят вместе с татарами напасть на Новгород. Толпы народа собирались на Софий-

²³ В двух с половиною верстах от Новгорода, где, по преданию, был город прежде Новгорода.

ской стороне поближе к Св. Софии и кричали: «Положим головы у Св. Софии». Наконец, на другой день Александр выехал из Городища с татарами. Тогда вящие люди убедили наконец меньших не противиться и не навлекать на Новгород неминуемой беды. Они, – говорит летописец, – себе делали добро, а меньшим людям зло: дань одинаково распределялась как на богатых, так и на бедных! Александр прибыл в город с татарами. Ханские чиновники ездили по улицам, переписывали дворы и, сделав свое дело, удалились. Александр посадил на княжение сына своего Дмитрия и уехал во Владимир.

С тех пор Новгород, хотя не видал после у себя татарских чиновников, но участвовал в платеже дани, доставляемой великими князьями хану от всей Руси. Эта повинность удерживала Новгород в связи с прочими русскими землями.

Но не в одном Новгороде – и в покоренных русских землях прежние свободные привычки не вынесли еще рабства и утеснения. Монгольскую дань взяли тогда на откуп хивинские купцы, носившие название бесермен – люди магометанской веры. Способ сбора дани был очень отяготителен. В случае недоимок, откупщики насчитывали большие проценты, а при совершенной невозможности платить, брали людей в неволю. Кроме того, они раздражали народ неуважением к христианской вере. Народ вскоре пришел в ожесточение; в городах: Владимире, Суздале, Ростове, Переяславле, Ярославле и других по старому обычаю зазвонили на вече и

по народному решению перебили откупщиков дани. В числе их в Ярославле был один природный русский по имени Изосим. Прежде он был монах, пьяный и развратный, съездивши в Орду, принял там магометанство и, воротившись в отечество, сделался откупщиком дани, безжалостно утешал своих соотечественников и нагло ругался над святынею христианской церкви. Ярославцы убили его и бросили труп па растерзание собакам и воронам. Зато в Устюге один природный татарин, будучи также сборщиком дани, спасся от общей беды. Его звали Буга. В Устюге он взял себе наложницу, дочь одного тамошнего обывателя, по имени Мария, которая полюбила его и заранее известила о грозившей ему опасности. Буга изъявил желание креститься. Народ простил его. Он был назван в крещении Иоанном, женился на Марии, навсегда остался на Руси и приобрел всеобщую любовь. Память его осталась навсегда в местных преданиях, а воспоминание о бесерменах до сих пор слышится в бранном слове: басурман, которым русский человек называл некрещеных, а иногда только неправославных людей.

Само собою разумеется, что это событие возбудило гнев властителей Руси. В Орде уже собирали полки наказывать мятежников; Александр поспешил в Орду. Кроме сбора дани, русским угрожала еще иная тягость помогать войском татарам в их войнах с другими народами.

Тогда в Волжской Орде происходило важное преобразование. Хан Берке принял магометанство, которое быстро

распространилось в его народе, тем легче, что и прежде в полчищах монголов большинство народов, им покоренных и за них воевавших, исповедывало магометанство. В то же время кочевая жизнь мало-помалу начала сменяться оседлою. На Волге строился Кипчак, обширный город, который хан украшал всем великолепием, какое только было возможно при его могуществе. Хан Берке оказался более милостив к русским, чем можно было даже ожидать. Он не только простил русским избиение бесерменов, (которых гибель, как народа подвластного, не могла раздражать его в той мере, в какой подействовало бы на него избиение ханских чиновников), но по просьбе Александра освободил русских от обязанности идти на войну. Александр, однако, прожил тогда в Орде всю зиму и лето, и это заставляет предполагать, что не сразу удалось ему приобрести такую милость для своих соотечественников. Возвращаясь оттуда по Волге больным, он остановился в Нижнем Новгороде, через силу продолжал путь далее, но, приехав в Городец, окончательно слег и, приняв схиму, скончался 14 ноября 1263 года. Тело его встречено народом близ Боголюбова и было похоронено во Владимире в церкви Рождества Богородицы. Говорят, что митрополит Кирилл, услышавши во Владимире о смерти Александра, громко сказал: «Зашло солнце земли русской». Духовенство более всего уважало и ценило этого князя. Его угодливость хану, умение ладить с ним, твердое намерение держать Русь в повиновении завоевателям и тем самым от-

клонять от русского народа бедствия и разорения, которые постигали бы его при всякой попытке к освобождению и независимости, – все это вполне согласовалось с учением, всегда проповедуемым православными пастырями: считать целью нашей жизни загробный мир, безропотно терпеть всякие несправедливости и угнетения, покоряться всякой власти, хотя бы иноплеменной и поневоле признаваемой.

Глава 9

Московские князья братья Даниловичи

У Александра Невского было четыре сына: старший, Василий, княжил в юности в Новгороде, а впоследствии в Костроме, где и умер. Димитрий и Андрей вели между собою кровавый спор за великое княжение; последний отличился тем, что дважды наводил на Русь татар, которые произвели в ней ужаснейшие опустошения (1282 и 1294 гг.), отозвавшись на целые десятилетия. Четвертый сын Невского, Даниил, остался после отца ребенком. Ему в удел досталась Москва. Даниил был первый князь, поднявший значение этого города, бывшего до сих пор незначительным пригородом Владимира. Участвуя в междоусобиях своих братьев, Даниил хитростью взял в плен рязанского князя Константина, воспользовавшись изменою рязанских бояр, и держал его в неволе. Это событие было первым проявлением тех приемов самосушения, которыми так отличалась Москва, теперь только что возникавшая. Вместе с тем Даниил положил зачаток тому расширению владений, которое так последовательно вели все его преемники. Племянник Даниила Иван Дмитриевич переяславский, умирая бездетным, завещал ему Переяславль. Даниил тотчас захватил его и отстоял от посягательств

брата своего Андрея. Даниил умер в 1303 году, приняв перед смертью схиму. По летописным известиям он погребен был в деревянной церкви Св. Михаила, которая стояла на месте нынешнего Архангельского собора в Москве; а предание, записанное в его Житии, помещает его могилу в Данииловом монастыре, будто бы им основанном. Как бы то ни было, имя Даниила было в большом уважении у его потомков, как родоначальника дома московских князей.²⁴

Даниил оставил сыновей: Юрия, Ивана, Александра, Бориса и Афанасия. Из них Юрий и Иван по своей деятельности были важнейшими людьми в истории Руси в XIV веке. Они подняли значение Москвы и твердо поставили историческую задачу, которую предстояло постепенно разрешить их преемникам в последующие времена.

Великий князь Андрей Александрович умер в 1304 году. Звание великого князя, которое при новых условиях татар-

²⁴ Рассказывают, что после того, как сын Даниила Иван перенес построенную отцом его обитель внутрь Кремля при сооруженной им церкви Спаса на Бору, могила Даниила оставалась неизвестною до самого Ивана III. Этот великий князь ехал однажды со своею дружиною вдоль Москвы-реки, мимо того места, где прежде был положен Даниил; вдруг под одним из отроков споткнулся конь, и перед ним явился неведомый ему князь и сказал: «Я господин месту сему, князь Даниил Московский, здесь положенный, скажи великому князю Ивану: ты сам себя утешаешь, а меня забыл». С этих пор московские князья начали совершать панихиды по своему прародителю. Вслед за тем, как рассказывает предание, были и другие видения. Князь Иван Васильевич построил Данилов монастырь на месте, где считали погребенным Даниила и где по преданию стоял прежде монастырь, поставленный Даниилом, а при царе Алексее Михайловиче открыты были его мощи.

ского господства сделалось гораздо важнее и знаменательнее, чем было прежде, зависело исключительно от воли хана, верховного повелителя и истинного государя русской земли. Собственно, никаких прав, принадлежащих в этом отношении тому или другому князю, той или другой княжеской ветви – не существовало. Князья могли считаться между собою старейшинством; но эти счеты уже и в прежние времена, до татар, перестали быть обязательными, так что действительное старейшинство признавалось несомненным только по отношению к возрасту. В Орде эти счеты еще менее могли быть обязательными. Кто приходился по нраву властителю, того он, не стесняясь ничем, мог назначить великим князем. Но в Орде, как вообще в азиатских деспотических государствах, милость властителя и доступ к нему покупались угождением и задариваньем близких к царю вельмож; и русский князь, искавший в Орде какой бы то ни было ханской милости, а тем более первенствующего сана, должен был достигать своей цели, во-первых, обещанием большого выхода (дани) хану, а во-вторых, подарками и подкупом разных лиц, имевших при ханском дворе влияние. От этого выходило, что собственно звание великого князя было продажным. Его мог приобрести тот из князей, у кого в руках было более богатств и кто обладал умением употребить эти богатства кстати. Не переставая зависеть от произвола хана, звание великого князя могло, однако, утвердиться в одной княжеской линии и сделаться фактически наследственным.

Нужно было только, чтобы овладевший этим званием умел скоплять в руках своих богатства, поддерживать постоянно дарами доброе расположение к себе влиятельных лиц в Орде и подготовить своему сыну приобретение этого звания после своей смерти. Вместе с таким возвышением одной княжеской ветви неизбежно поднималась бы и получала в ряду русских земель первенство и та земля, где княжила эта более счастливая княжеская ветвь. Город Владимир почти потерял уже признаки первенства: князья, получавшие от хана старейшинство, не обязаны были пребывать во Владимире; они могли быть великими князьями и жить в прежних своих уделах. Теперь-то для Руси предстоял важный вопрос: в каком городе утвердится великокняжеское достоинство, переходя от одного князя к другому князю той же земли. В будущем – этому городу предстояло великое значение. Орда, несмотря на все свое видимое могущество, уже пошатнулась, признаки разложения были ощутительны. Уже на берегах Черного моря возникла другая Орда, отложившаяся от Волжской, иначе Золотой, Орда Нагая, не хотевшая признавать власти волжских ханов. Это было началом дальнейших отложений и распада монгольской монархии. В самой Волжской Орде достоинство хана перестало переходить правильным путем и подвергалось насильственным переворотам. Хан Тудай-Менгу был умерщвлен своими племянниками, которые в свою очередь были умерщвлены их двоюродным братом Тохтою, сыном Менгу-Тимура. Эти события

были уже предвестниками того, что впоследствии сделалось в Орде обычным делом. Пока еще Орда была сильна, власть великого князя могла утвердиться в одной княжеской ветви и в одной из русских земель, именно только при посредстве этой ордынской силы: но раз получивши в Руси твердость, великокняжеская власть не должна была уже потерять ее и тогда, когда Орда совершенно ослабнет, потому что в самой Руси должен был устроиться такой порядок, который получит значение обычая. Одним из способов усиления такой власти было то непереносимое условие, что с возвышением князей неизбежно должны были приливать в их землю военные силы из других земель, а следовательно, другие земли ослабевали и князья их невольно должны были уступать тому, кто делался сильнее их средствами. Русские бояре приняли обычай переходить туда, где князь был сильнее и где, следовательно, им предстояло более выгоды. Бояре приходили в таком случае не одни, но тянули за собою и людей, составлявших их дружину и получивших в эти времена название детей боярских. С падением Орды естественно должно было заменить для Руси хана то лицо, которому прежние ханы во время своего могущества передали свою силу, лишь бы только те, которые получали эту силу, умели усвоить от поколения к поколению искусство поддерживать свое значение. Начало XIV века было той роковой эпохой, когда был поставлен к разрешению вопрос: какая из княжеских линий выдвинется выше всех и какая русская земля со своим глав-

ным городом делается средоточием русского мира и будет стягивать к себе разрозненные его части?

По смерти Андрея тотчас начал добиваться великокняжеского достоинства двоюродный брат его Михаил Ярославич тверской, сын Ярослава, брата Александра Невского. Но ему явился соперник – московский князь Юрий Данилович. Тверские бояре, по повелению своего князя, хотели заступить Юрию путь в Орду и схватить его на дороге, но не успели в этом; Юрий пробрался в Орду иным путем. Пока два соперника тягались в Орде за великое княжение, на Руси во имя их уже происходили усобицы. Князь Иван Данилович отстаивал Переяславль от тверичей. Против него пошел с тверичами бывший его боярин Акинф, который не захотел в Москве быть ниже другого боярина Родиона Нестеровича, прибывшего в Москву из Киева с тысячью семьями человек дружины, или детей боярских. Акинф с сыновьями перешел к тверскому князю. Произошла кровопролитная свалка; москвичи одержали верх, и боярин Родион собственноручно убил своего личного врага Акинфа, воткнул голову его на копье и принес своему князю Ивану Даниловичу.

В Орде взял верх тверской князь Михаил; Юрий тогда не в состоянии был обещать хану выходу более своего соперника. По возвращении в Русь Михаил (1305) тотчас пошел войною к Москве на Юрия: вероятно, его побуждали к этому и дети убитого Акинфа. Тверской князь не мог взять Москвы и заключил мир с московскими князьями. Но взаимная

злоба от этого не улеглась.

Не успевши добиться великого княжения, Юрий избирал другие пути к усилению своей власти и своей Москвы. Уже тотчас после смерти отца он захватил Можайск и привел пленным в Москву тамошнего князя Святослава. В 1306 году он удушил рязанского князя Константина, взятого в плен отцом его Даниилом и содержавшегося в Москве в неволе. Московский князь думал вместе с тем присвоить себе и Рязань: но это не удалось ему: молодой рязанский князь Ярослав выпросил у хана ярлык на рязанское княжение. Юрий все-таки не остался в проигрыше и присоединил к Москве Коломну, принадлежавшую до того времени рязанской земле. С братом своим Иваном Юрий всю жизнь жил дружно, но с другими братьями, Александром и Борисом, не поладил до того, что они убежали в Тверь к его непримиримому врагу. Этот враг в 1308 году еще раз покусился на Москву и опять не взял ее. Взаимная злоба еще более усилилась после нового нападения на Москву и, наконец, прорвалась отчаянной борьбою по поводу Новгорода.

Со времени татарского завоевания Новгород, пользуясь своею внутреннею самостоятельностью, принужден был допускать у себя пребывание на Городище великокняжеских наместников и платить великому князю дань в качестве участия в общем платеже выхода хану. С этих пор отношения между Новгородом и великим князем всегда были натянутые и нередко делались открыто враждебными. Великие кня-

зья, пользуясь правом взимания выхода, старались как можно больше сорвать с Новгорода и как можно тяжелее наложить на него свою руку. Со своей стороны, Новгород старался допустить у себя как можно менее влияния и власть великого князя. Отсюда ряд договоров Новгорода с великими князьями; в этих договорах мы видим постоянное стремление Новгорода всеми силами избавиться от притязаний великих князей и оградить свою самостоятельность. Вопросы были до того усложнены, что кто бы ни был великим князем, отношения между им и Новгородом были, в сущности, почти одинаковы, и до самого падения Великого Новгорода в конце XV века не было ни одного великого князя, за исключением Юрия Даниловича, с которыми бы новгородцы находились в дружелюбной и искренней связи. С Михаилом тверским трудно было поладить Новгороду по причине его придиричвого и корыстолюбивого характера. Как видно, они с самого начала не любили этого князя, не хотели, чтобы он получал великое княжение, и выразили это нежелание перед поездкой его в Орду. Когда Михаил возвратился из Орды, новгородцы приняли его наместников и заключили с ним договор, по которому великому князю, по старине, не дозволялось управлять новгородскими волостями посредством своих, а не новгородских мужей, не дозволялось, кроме того, приобретать в Новгородской области как князю, так его княгине, боярам и всем подданным сел и угодий, выводить новгородских людей в свою волость, брать их в залог, давать без

посадника грамоты, раздавать волости, творить суд без посадника, отнимать волости у новгородских мужей, стеснять новгородскую торговлю и т.п. Эта грамота определяла также и доходы, собственно предоставленные великому князю.

Но в 1312 году Михаил тверской поссорился с Новгородом, вывел оттуда своих наместников, захватил пограничные новгородские волости: Торжок и Бежичи (Бежецк), и не пропускал в Новгород подвоз хлеба, в котором была большая нужда в Новгороде, недавно пострадавшем от сильного пожара. Новгородцы послали своего владыку Давида в Тверь. Михаил согласился на мир только тогда, когда новгородцы заплатили ему 1500 гривен (около 700 фунтов серебра). По заключении мира Михаил вновь отправил к новгородцам своих наместников. Новгородцы, поплатившись такую данью, окончательно озлобились против Михаила и в следующем 1313 году, когда Михаил поехал в Орду поклониться новому хану Узбеку, решились поступить так, как дельвалось у них встарь: призвать к себе иного, вольного князя; они обратились к Юрию Даниловичу. Московский князь отправил к ним предварительно своего боярина Феодора ржевского, который схватил Михайловых наместников, посадил их под стражу на владычнем дворе, а сам новел новгородцев на Волгу против Твери. За отсутствием Михаила вышел против них с войском сын его Дмитрий. Обе стороны, простояв до заморозов друг против друга на противоположных берегах Волги, заключили мир. Условия этого мира неизвестны, но

они были выгодны для Новгорода. Перед заговеньем прибыл в Новгород избранный князь Юрий с братом своим Афанасием. Новгородцы посадили его на стол и радовались; в этом видели они возрождение своей вольности.

Но недолго довелось им радоваться. Весною 1315 года пришло от хана Юрию приказание явиться в Орду. Должно быть, Михаил нажаловался на него хану. Юрий не смел послушаться и поехал, а в Новгороде оставил брата своего Афанасия.

Тем временем Михаил возвращался на Русь не только обласканный ханом, но и вел с собою татар карать непокорный Новгород. К ним присоединилась, по приказанию ханскому, рать низовской земли. Михаил осадил Торжок. Новгородцы с князем Афанасием отправились к Торжку. Произошла кровопролитная сеча. Новгородцы потеряли много убитых и, наконец, не выдержав, заперлись в Торжке. «Выдайте мне князя Афанасия и князя Феодора ржевского, а потом я с вами стану мириться», – послал сказать новгородцам Михаил. Новгородцы отвечали: «Не выдадим князя Афанасия, но умрем честно за Святую Софию». Михаил вторично послал к ним требование: «Так выдайте князя Феодора ржевского». Новгородцы, говорит летописец, не хотели выдавать его, а выдали поневоле и заключили мир, обязавшись заплатить двенадцать тысяч гривен серебра. После заключения мира Михаил пригласил к себе князя Афанасия и новгородских бояр и вероломно отправил их в Тверь заложни-

ками платежа. Вдобавок Михаил ограбил остальных новгородцев и новоторжцев, отняв у них доспехи, оружие и коней. После такого притеснения новгородцы отправили своих послов в Орду жаловаться на Михаила, но тверичи переловили этих послов на дороге.

Такой мир мог только еще больше раздражить новгородцев. Война с тверским князем вспыхнула в 1317 году. Наместники Михаила выехали из Новгорода. Михаил пошел на Новгород со всею низовскою землею²⁵, а новгородцы укрепили свой город острогом по обеим сторонам Волхова и подняли на ноги свою землю: вооружились псковичи, ладожане, корела, жители Руси, ижора и водь. Но до Новгорода по неудобству путей Михаилу было добраться трудно. Дойдя до Устьян, Михаил поворотил назад и был жестоко наказан за свою смелость. Войско его заблудилось среди озер и болот и умирало от голода. Воины поели всех своих лошадей, грызли ремни, голенища, кожу со щитов, многие перемерли от стужи, и только жалкие остатки вернулись домой со своим князем, пешие и больные. Думая, что великий князь будет теперь сговорчивее, новгородцы отправили к нему владыку Давида и умоляли отпустить их коварно задержанных братьев. Михаил сначала упрямылся, но потом помирился с новгородцами в Торжке, когда услышал, что Юрий возвратился

²⁵ Низовскою землею назывался в собственном смысле край вниз по течению Волги, но новгородцы давали этому названию более широкое значение, включая в него суздальско-ростовскую землю с разветвлениями, а впоследствии даже Москву.

из Орды и идет на него. Новгородцы со своей стороны заключили мир, потому что не знали, где Юрий, и не догадывались, что он близко. В договоре, заключенном в это время, говорится о возвращении пленных, но не упоминается о платеже серебра, так что, вероятно, дань, наложенная Михаилом на Новгород под Торжком, не была ему никогда уплачена.

Юрий, отправившись в Орду по приказанию Узбека, еще в 1315 году, прожил там более двух лет. К сожалению, мы не знаем, что он там делал, но последствием такого долгого пребывания было то, что Юрий вошел в милость к Узбеку и женился на его сестре Кончаке, которая приняла в крещении имя Агафии. Сам Узбек был магометанин, но, верный преданиям предков, оказывал уважение ко всяким верам, а с христианами был особенно милостив; при нем в Сарае жило много христиан: они отправляли свободно свое богослужение и имели там местного епископа. С такою терпимостью вполне согласовалось то обстоятельство, что он породнился с русским князем и позволил своей сестре принять веру своего мужа.

Юрий вел теперь (1317 г.) на своего врага татар под начальством татарского князя Кавгадыя, ехавшего с ним в качестве татарского посла. Послы от хана бывали часто на Руси в те времена, – иные только под видом послов шатались по Руси. Все они были настоящими бичами жителей. Когда им со своими татарами приходилось идти посреди русско-

го населения, они на каждом шагу желали показать, что они господа, а русские рабы, грабили, делали всякого рода насилия жителям. Так было и теперь. Суздальские князья, сообразивши, что Юрий в милости у царя, пристали к нему; но это не помешало татарам бесчинствовать на пути в Костроме, Ростове, Дмитрове и Клине. С татарами были хивинцы и мордва. Путь их лежал в тверскую землю. Юрий хотел наказать своего противника. Если, проходя по суздальской земле, татары не слишком уважали собственность и личность русского человека, то, вступивши в тверскую землю, они без разбора жгли всякое жилье, попадавшееся на пути, и мучили разными муками людей, которых захватывали в свои руки. Михаил выступил против них и 22 декабря 1317 года встретился с ними за сорок верст от Твери на урочище, называемом Бортенево. Рать Юрия была разбита. Сам Юрий ушел в Торжок, брат его Борис, жена Агафия и Кавгадый попались в плен.

Юрий из Торжка прибежал в Новгород. Если известие о походе Юрия на Тверь не могло прийти в пору к новгородцам и побудить их подать помощь Юрию, то теперь они дружно принялись за дело своего союзника; к ним присоединились псковичи. С новгородским ополчением пошел и новгородский владыка Давид. Недавно был заключен новгородцами мир с Михаилом; нападать на Михаила было бесчестно: поэтому новгородцы решили прежде послать к Михаилу требование сделать все угодное Юрию, а вступить с ним в войну

предполагали только тогда, когда он откажет.

Михаил был сговорчив, потому что боялся ханского гнева. Отпустить жену Юрия было невозможно: она умерла в плену; говорили, что ее там уморили зельем. Михаил выдал Юрию только тело ее, которое отвезено было для погребения в Ростов, в церковь Пресв. Богородицы. При посредстве новгородцев, соперники порешили на том, чтобы им обоим идти в Орду. Кавгадый, находясь в плену у Михаила, уверил его, что он помогал Юрию и напал на Михаила без ханского дозволения.

По своем освобождении из тверского плена, Кавгадый соединился с Юрием, и они положили между собою совет собрать всех князей низовских (т.е. суздальско-ростовской земли), пригласить бояр от русских городов, в особенности от Новгорода, и ехать в Орду с обвинением на Михаила. Так и сделалось. Все они поехали к Узбеку. Михаил, услышавши, что на него собирается такая гроза, послал в Орду сына своего Константина, а сам несколько времени раздумывал, что ему делать, и наконец решился пуститься в путь. Он отправился с сыновьями: Дмитрием и Александром. Во Владимире встретил он ханского посла Ахмыла, который ехал к нему.

«Зовет тебя царь, – сказал Ахмыл, – ступай скорее. Если не поспеешь через месяц, то хан уже назначил послать войско на тебя и на твой город. Кавгадый оговорил тебя перед ханом, уверяет, что ты не приедешь в Орду».

Бояре и сыновья уговаривали Михаила не ездить, а послать в Орду еще одного из сыновей. «Не вас, детей моих, требует царь к себе, – сказал Михаил, – головы моей он хочет. Если я уклонюсь, вотчина моя будет полонена и множество христиан перебито. И после того придется мне умереть, так уж лучше положить свою душу за многие души!» Он отправился и 6-го сентября 1318 года достиг устья Дона; там был тогда хан Узбек с ордою, по обычаю предков странствовавший передвижными городами. Там встретил Михаила сын его Константин. Михаил по обычаю поднес дары царю, царице и вельможам. Узбек приказал приставить к Михаилу, как к подсудимому, приставов, но велел обращаться с ним почтительно.

Так прошло полтора месяца. Наконец, хан приказал князьям рассудить дело Михаила Ярославича с Юрием и представить хану: тогда хан оправданного пожалует, а виновного казнит. И вот, по такому повелению, собрались в кибитку князья и положили разные грамоты, свидетельствующие о преступности Михаила. Его обвиняли в том, что он брал дани с городов, управляемых этими князьями, и не отдавал царю.²⁶ На этом суде был и Кавгадый и старался всеми спосо-

²⁶ Хотя в сказании об убиении Михаила эти князья называются ордынскими и наши историки полагают, что Михаила судили татарские вельможи, но по смыслу выходит, что слово «ордынские» прибавлено после, и здесь идет речь о русских князьях. Татарские князья не могли обвинять Михаила в том, что он брал с их городов дань, так как Михаил не мог брать дани ни с каких татарских городов, тогда как, действительно, с русских городов брал Михаил дань в звании великого

бами очернить Михаила. Через неделю Михаила поставили на другом суде (должно быть, уже чисто татарском) и тут ему произнесли такое обвинение: «Не давал царевой дани, бился против царского посла и уморил княгиню жену Юриеву».

После этого осуждения к Михаилу приставили стражу, состоящую из семи человек от семи князей. Князю Михаилу на шею надели тяжелую колоду, которая столько же причиняла мучения, сколько означала поругание. Хан отправился в поход против Персии; Михаила потащили за ним в обозе. Когда хан на степи во время похода расположился станом и в стане открылся торг, Кавгадый приказал поставить все-народно Михаила с колодою и созвать заимодавцев, т.е. тех, которые жаловались на его несправедливые поборы. Это был правож, обычай, который, впоследствии, вошел в русское судопроизводство: неисправного должника выставляли на торгу и били по ногам. Не видно, чтоб Михаила при этом били; но колода на шее имела смысл муки правежа. «Знай, Михаил, – сказал ему Кавгадый, – таков у нашего царя обычай: как рассердится на кого-нибудь, хоть бы на своего племянника, прикажет положить на него колоду, а как гнев его минет, то по-прежнему чтит его; так и с тобой будет: минет твоя тягота, и ты будешь у царя еще в большей чести». Кавгадый велел сторожам поддерживать колоду, висевшую на шее Михаила,

князя для выхода в Орду. Кроме того, в этом же сказании говорится, что Юрий, уезжая судиться с Михаилом, пригласил князей низоовских и бояр от городов, которые должны были судить Михаила.

чтобы облегчить его. Наконец, после двадцатидневного томления за рекою Тереком, по ту сторону гор, 22-го ноября в среду, Кавгадый и Юрий Данилович с людьми своими подъехали к веже (кибитке), где находился несчастный Михаил; в кибитку вошли убийцы, повалили князя на землю, и один русский, по имени Романец, вонзил нож в сердце страдальца. Когда Юрий и Кавгадый вошли в кибитку и увидели обнаженное тело Михаила, Кавгадый с суровым видом сказал Юрию: «Ведь он тебе старейшим братом был, словно отец; для чего же тело его лежит брошенное и голое!» Юрий приказал прикрыть труп епанчею. Видно, что хан колебался исполнить приговор суда, но Юрий настаивал и добивался смерти Михаила.

Юрий мстил Михаилу и после смерти его: Юриевы бояре, которые повезли на Русь тело убитого, не допускали ставить это тело в церквах, а ставили в хлеву. Его привезли в Москву и погребли в Спасском монастыре.

Юрий, получив от хана великое княжение, возвратился в Русь с большою честью; он вез с собою, как пленных, сына Михайлова Константина, его бояр и слуг. Вдова Михаила и другие сыновья его, узнавши о печальном конце тверского князя, обратились к Юрию с просьбою отдать им тело убитого для погребения в Твери. Юрий согласился, но прежде поломался над ними. Один из сыновей убитого князя, Александр, ездил за телом отца в Москву. Михаила погребли в церкви Спаса в Твери.

Старший сын Михаила Димитрий (названный в родословной: Грозные Очи) злобствовал на Юрия за смерть отца, но принужден был до поры до времени смириться. В 1321 году, при посредстве тверского епископа Варсонофия, между Димитрием и Юрием заключен был мир: тверской князь заплатил две тысячи гривен серебра и обязался не искать великого княжения.

Юрий, сделавшись великим князем, послал в Новгород брата своего Афанасия, но после смерти последнего в 1322 году сам переехал в Новгород и остался в нем. Он, по-видимому, уступил Москву брату Ивану и, считаясь великим князем, жил в Новгороде. Юрий любил Новгород, и новгородцы любили Юрия. Он воевал за новгородцев со шведами, построил город Орешек (ныне Шлиссельбург), заключил от имени Новгорода мир с шведским королем и счастливо прогонял литву, делавшую частые набеги на новгородские владения; в 1324 году, по поводу оскорблений, причиненных новгородским промышленникам устюжанами, Юрий с новгородцами ходил в Устюг, взял этот город и заключил с устюжанами мир, выгодный для новгородцев. Здесь он навсегда простился с ними: они отправились домой, а Юрий, доехав до Камы, спустился вниз этой рекой в Орду. Его позвали.

Димитрий Михайлович тверской обвинял Юрия в том, что он, взявши выход с тверских князей, не отдал его татарскому послу, а уехал с деньгами в Новгород.²⁷ Юрий, при-

²⁷ Вообще события этого времени и отношения к Орде, как Юрия, так и Ди-

бывший в Орду 21-го ноября 1325 года, был умерщвлен князем Димитрием Михайловичем. Тело Юрия было привезено в Москву и предано земле митрополитом Петром и архиепископом новгородским Моисеем. Хан казнил убийцу, но не ранее, как спустя десять месяцев после убийства.

Брат Юрия Иван, по прозванию Калита (от обычая носить с собою кошелек с деньгами для раздачи милостыни), оставался долго в тени при старшем брате, но когда Юрий получил великое княжение и уехал в Новгород, Москва оставлена была в полное управление Ивана; с этих-то пор он вступает на историческое поприще. Восемнадцать лет его правления были эпохою первого прочного усиления Москвы и ее возвышения над русскими землями. Главным способом к этому усилению было то, что Иван особенно умел ладить с ханом, часто ездил в Орду, приобрел особенное расположение и доверие Узбека и оградил свою московскую землю от вторжения татарских послов, которые, – как уже сказано выше, – называясь этим именем, ездили по Руси, делали бесчинства и опустошения. В то время, когда другие русские земли поражены были этим несчастьем и, кроме того, подвергались другим бедствиям, владения московского князя оставались спокойными, наполнялись жителями и, сравнительно с другими русскими землями, находились в цветущем состоянии.

митрия, для нас остаются неясными по причине скудости источников. Есть известие, что Димитрий получил великое княжение: мы не знаем наверно: утвердил ли хан Узбек на княжении Димитрия, рассердившись на Юрия, сам ли Димитрий присвоил себе имя великого князя, или его ошибочно так называли летописцы.

«Перестали поганые воевать русскую землю, – говорит летописец. – перестали убивать христиан; отдохнули и опочили христиане от великой истомы и многой тягости, и от насилия татарского; и с этих пор наступила тишина по всей земле».

Город Москва расширился в княжение Ивана. Кроме Кремля, составлявшего ее центр или внутреннее укрепление, посад за пределами Кремля уже при Иване был обнесен дубовой стеною. Вокруг Москвы одно за другим возникали села.

Бояре оставляли других князей, переходили к московскому князю и получали от него земли с обязанностью службы; за боярами следовали вольные люди, годные к оружию. Таким образом, соседние князья слабели и поневоле должны были угождать московскому князю и подчиняться ему. В Москву переселялись и иноземцы, и даже татары приходили на поселение не врагами, не господами, а принимали крещение и становились русскими. В числе таких татарских выходцев был мурза Чет, родоначальник фамилии Годуновых и предок Бориса, царствовавшего на русском престоле. Иван заботился о внутренней безопасности, строго преследовал и казнил разбойников и воров: и тем самым он дал возможность ездить торговым людям по дорогам. Москва тогда уже наполнялась торговцами с разных сторон. На устье Мологи возникла славная в те времена молодежская ярмарка, куда съезжались купцы с востока и запада. Оживляя народное благосостояние, эта ярмарка доставляла доходы велико-

му князю.

В первых же годах своего правления Иван дал Москве нравственное значение переводом митрополичьей кафедры из Владимира в Москву. Еще в XIII столетии русские первосвятители нашли невозможным оставаться в Киеве, в крае малолюдном, в опустошенном и обнищавшем городе, где древняя святыня находилась в запустении, где Десятинная церковь лежала в развалинах, где от Св. Софии оставались одни стены, а Печерская обитель стояла безлюдная. Митрополиты: Кирилл и Максим, хотя и считались киевскими, но не жили в Киеве, вели странническую жизнь и более всего пребывали во Владимире. По смерти митрополита Максима было два соискателя митрополичьего престола. Один из северной Руси, владимирский игумен Геронтий, другой из южной Руси – Петр, игумен ратский, родом волынец. Галицкий князь Юрий Львович, внук Данила, послал Петра в Константинополь для посвящения, с целью утвердить у себя митрополию в Галичине. Петр был предпочтен Геронтию, получил сан митрополита (1308), но вместо того, чтобы жить в южной Руси, удержав титул киевского митрополита, переселился на север во Владимир; однако и тут не жил постоянно, а переезжал с места на место, поставляя духовных. Вместе с князем Михаилом Ярославичем тверским Петр совершил поездку в Орду к Узбеку и получил от него знаменитую грамоту, по которой православное русское духовенство со своими семействами и со всеми лицами, принадлежащими к ду-

ховному ведомству, освобождалось от всякой дани и ограждалось от каких бы то ни было обид и притеснений со стороны ханских чиновников и подданных.

Во время своих обычных переездов с места на место Петр сошелся с князем Иваном Даниловичем и полюбил более всех других городов его Москву. Здесь он стал проживать подолгу, заботился об украшении Москвы святынею храмов и 4 августа 1325 года, вместе с князем Иваном, заложил первую каменную церковь в Москве Успения Богородицы (нынешний Успенский собор). Этот храм должен был сделаться главною святынею Москвы и перенести на нее то благословение, которое некогда давала городу Владимиру построенная Андреем подобная церковь Богоматери во Владимире. Близ места, на котором должен был стоять жертвенник, Петр собственноручно устроил себе гроб. «Бог благословит тебя, говорил он Калите, – и поставит выше всех других князей, и распространит город этот паче всех других городов; и будет род твой обладать местом сим вовеки; и руки его взыдут на плечи врагов ваших; и будут жить в нем святители, и кости мои здесь положены будут». Эти пророческие слова, переходя по преданию от поколения к поколению, помнились и приводились для поддержания могущества и величия Москвы. В следующем 1326 году 21 декабря Петр скончался, оставшись навсегда в воспоминании потомков святым покровителем Москвы, первым виновником ее нравственного возвышения. Иван, исполняя завещание Пет-

ра, окончил постройку храма Успения: кроме этого храма он построил каменную церковь Архангела Михаила, на месте прежней деревянной, и завещал себя похоронить в ней: это был нынешний Архангельский собор, послуживший местом погребения для всех потомков Ивана. Близ своих палат Иван основал монастырь Св. Преображения и построил в нем каменную церковь (единственную из московских церквей, которой стены до сих пор существуют от тех времен в церкви Спаса на Бору) и, кроме того, церковь Иоанна Лествичника, на месте нынешней колокольни Ивана Великого. Стремлению Ивана поднять церковное значение Москвы способствовало то, что преемник Петра, Феогност, поселился в Москве, а за ним, впоследствии, все митрополиты один за другим пребывали в этом городе и таким образом сообщили ему значение столицы всей русской церкви.

Иван Данилович во все продолжение своего княжения ловко пользовался обстоятельствами, чтобы, с одной стороны, увеличить свои московские владения, а с другой – иметь первенствующее влияние на князей в прочих русских землях. В этом случае помогла ему более всего вновь вспыхнувшая вражда с Тверью. Там княжил другой сын Михаила тверского, Александр. После казни брата, Александр – как говорит летописец – носил имя великого князя.²⁸ Татары, как

²⁸ Факт этот представляется нам до крайности странным: каким образом Узбек, убивши отца и брата Александра, мог поверить этому князю старейшинство на Руси? Так как более старые редакции наших летописей ничего ровно не говорят о назначении его великим князем, а известия об этом назначении находятся только

видно, не доверяли Александру и находили нужным особенно наблюдать над Тверью. В 1327 году приехал в Тверь ханский чиновник Чолкан с вооруженною толпою татар, выгнал Александра с его двора и расположился в нем, как хозяин. Это, естественно, возбудило страх и ропот в народе. Начали толковать, что татары хотят перебить русских князей, управлять Русью посредством своих чиновников и насильно обращать христиан в басурманскую веру. Татары, по привычке обращаться с русскими, как с рабами, делали в Твери разные бесчинства. 15 августа поднялся мятеж против татар. По одним известиям, сам Александр возбуждал тверичей из мести за своего отца и брата, по другим же – он, напротив, приказывал им терпеть, но неожиданный случай произвел вспышку в народе. Татары хотели отнять у диакона Дюдка молодую и жирную кобылу. Диакон сделал клич к народу, который уже прежде был раздражен наглостью татар. Ударили в вечерней колокол, народ собрался и перебил Чолкана и его татар. Только немногие табунщики успели уйти и дали знать в Орде о происшествии.

Мщение было неизбежно. Князь Иван Данилович, услышавши о том, что сделалось в Твери, наскоро побегал в Орду и оттуда в звании старейшего князя шел с татарами нака-

в позднейших редакциях, то мы бы отвергли этот факт как ложный, если бы нас в этом случае не останавливала новгородская грамота, из которой видно, что новгородцы в 1327 году признавали над собою власть Александра в качестве старейшего или великого князя. Во всяком случае, в этом есть что-то для нас неизвестное и непонятное.

зывать Тверь. Татарская рать была под предводительством пяти темников. Иван Данилович потребовал, чтобы суздальский князь присоединился к нему, суздальский князь не посмел послушаться. Рать зимою вошла в тверскую землю, жгла города, села, убивала жителей и старых, и малых; иных брала в неволю; другие, лишённые приюта, замерзали. Так разорены были Кашин и Тверь. Князь Александр с братом Константином ушел в Новгород; новгородцы не приняли Александра; он бежал в Псков. Тем временем татары, вероятно не зная, что новгородцы прогнали Александра, напали на новоторжскую землю, принадлежащую Новгороду, и опустошили ее. Дело разъяснилось тогда, когда монгольские послы прибыли в Новгород и получили там 2000 гривен серебра и много даров.

Тверская область была до того опустошена и обезлюдела, что целое полстолетие носила на себе следы этого погрома.

Расправившись с Тверью, Иван поехал в Орду явиться к Узбеку. Узбек очень хвалил его, и с тех пор положение Ивана стало еще крепче. Тогда же явился к Узбеку с поклоном брат Александра Константин. Узбек принял и его милостиво, не помянул вины, которую считал за братом его, утвердил на тверском княжении, но приказал Ивану, и с ним всем русским князьям, отыскать Александра и представить в Орду на расправу. По ханскому приказу, Иван, в 1329 году, с митрополитом, суздальским князем и двумя тверскими князьями братьями Александра, прибыл в Новгород и оттуда послал

к Александру послов. Во Псков поехал сам новгородский владыка Моисей с некоторыми знатными новгородцами; он убеждал Александра ехать добровольно в Орду, «не давать христиан на погибель поганым». Александр совсем было согласился, но псковичи удержали его и говорили: «Не езд, господине, в Орду; что бы с тобою ни было, заодно умрем с тобою!»

Иван Данилович, получивши отказ, поднял всю землю новгородскую и пошел ратью на Псков, а митрополит Феогност в угождение Ивану наложил на псковичей проклятие и отлучение от церкви.

Тогда Александр сказал псковичам: «Братья и друзья мои! Пусть не будет на вас из-за меня проклятия и отлучения; я уеду, а вы целуйте крест не выдавать моей княгини».

Александр уехал в Литву, а псковичи послали послов к Ивану с таким словом: «Князь Александр уехал, весь Псков кланяется тебе, князю великому, от мала до велика: и попы, и чернецы, и черницы, и сироты, и жены, и малые дети». Это было первое заявление покорности Пскова Москве, новый шаг к возвышению значения московского князя.

Иван удовольствовался этим заявлением, и митрополит снял со псковичей проклятие, употребивши свою духовную власть в пользу видов московского князя. Обстоятельства продолжали благоприятствовать Москве. Александр хотя вернулся во Псков и прожил там десять лет, но был уже бессилен; его брат Константин, управляя разоренною твер-

скую землю, угождал московскому князю, любимцу царя, так как страшился повторения над своею областью того, что она испытала при его брате. В собственно московской земле Иван уже владел Можайском, Коломною, Рузою, Звенигородом, Серпуховым, к ней присоединялся и Переяславль со своею волостью. Князья других русских земель поставлены были в такое положение, что должны были подчиняться Ивану со своими землями. Суздальский князь Александр Васильевич и все другие удельные князья ростовско-суздальской земли стали его подручниками. По смерти Александра Васильевича Иван удержал за собою Владимир, а новый суздальский князь Константин Васильевич должен был довольствоваться тем, что ему оставил московский князь. Иван отдал одну из своих дочерей за Василия Давидовича ярославского, а другую за Константина ростовского и самовластно распорядился уделами своих зятьев. «Горе, горе городу Ростову и князьям его, – говорит одно старинное сказание, – отнялась у них власть и княжение; и немало было ростовцев, которые поневоле отдавали москвичам имущество свое, терпели побои и язвы на теле своем». Посланный в Ростов от Ивана Даниловича боярин Кочева свирепствовал над жителями, как будто над завоеванными, и одного старейшего боярина, по имени Аверкия, приказал всенародно повесить за ноги и нещадно бить палками. Подобные поступки совершались не в одном Ростове, но и во всех местах, подпавших под власть москвичей, которые, где только могли, показы-

вали себя высокомерными господами над прочими русскими людьми. Эти поступки вывели из терпения ярославского князя; несмотря на родство свое с московским князем, он соединился против него с Александром Михайловичем тверским. Князья рязанские поневоле должны были повиноваться Ивану Даниловичу и ходить со своею ратью, куда он им прикажет: Иван был в чести у хана, а рязанская земля находилась на пути из Орды в Москву и за строптивость своих князей первая могла подвергнуться жестокой каре от Орды, требовавшей повиновения Москве. Города: Углич, Галич и Белозерск были приобретены Иваном посредством купли от князей. Кроме того он покупал и променивал села в разных местах: около Костромы, Владимира и Ростова, на реке Массе, Киржаче и даже в новгородской земле вопреки новгородским грамотам, запрещавшим князьям покупать там земли. Он заводил в новгородской земле слободы, населял их своими людьми и таким образом имел возможность внедрять там свою власть и этим путем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.